

Не совпадают почему то пазлы жизни у людей

Галина Черненко

Черненко Галина

Не совпадают почему то пазлы жизни у людей

<https://litres.ru/73474819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь продолжается. Но не такая, как хотелось. У меня продолжение истории про девочку, которую переехал поезд. Хотя и пробует она реализовать мечты и планы, и как то все реализуется, но результат то совсем не тот, который бы хотелось. Приходится искать способы для заработка, так как денег не хватает, и тепло и нежность, потому что их вообще нет. Но все равно пытаемся строить семейную жизнь.

Черненко Галина

Не совпадают почему то пазлы жизни у людей

Но, а тогда я увидела его сверху. Я шла к вокзалу, он поднимался вверх. Им можно было любоваться. Красивый, высокий, хорошо одет. Мама в торговле работала. Но почему то, хотя в тот момент ему было лет двадцать семь, он был упорно не женат. О причинах этого я никогда не думала, не мое дело. Но вот сейчас рассматривала его издали и любовалась. Хорош, очень хорош. Как в нашей деревне он отбился от девок? Хотя конечно с кем-то дружит организмами. Ну не старик же, физиологию никуда не денешь. Димон шёл, задумавшись о чем то, и я решила незаметно проползти мимо. Зачем навязываться человеку? Вариант сближения у нас был, он не захотел. Я поняла.

Но подошёл он сам. Просто, без пафоса, как будто мы утром завтракали вместе.

– Привет! Прямо вся сорок вторая школа здесь подрабатывает! Ты уже четвертая, кого встретил. А я ещё до рынка не дошел! Что личико то такое грустное? Утро. Воскресенье. Целый выходной впереди, а ты как будто поганок объелась. Дома что-то не так?

– Шарфики мои, Дима не продаются! Вчера в то время я

была уже дома, а сегодня вот, никакой движухи

– Так люди то бояться к тебе подходить. Я тоже бы мимо прошел, если бы не знал тебя. Улыбнись! Повода нет? Улыбнись мне! Ты что не рада меня видеть? А шарфики твои мы сейчас продадим, не переживай.

И Дима, как-то без перехода, стал покупать мой шарф. Я даже и не поняла, что происходит. Но спектакль был такой реальный, что я в него включилась. И рядился он со мной, как заправдашний покупатель, и деньги отдал настоящие. При чем он таким был натуральным в этом процессе, что даже я поверила в то, что ему нужен шотландский шарф! Хотя головой знала, что у него всяко разное пара этих шарфов имеется. Но играл он, или не играл, это не важно. Делал он это так заразительно, что я под его аккомпанемент продала пару шарфиков. А с учётом того, что я тогда ни сном не духом про технологии продаж, я очень удивилась, складывая денежку в женский сейф.

– Галюня, ты только мои деньги потом вернуть не забудь. Ты же догадываешься, что мне то шарф точно не нужен!

– Дима, ты кто по профессии то? Это вот что было сейчас?

– Галя, ты вот сейчас дуру гонишь? Ты что, не знаешь, что меня ни одно иркутское ПТУ не приняло? И мать пристроила меня в Усть-Орду? Помнишь, кем я оттуда вышел перед армией?

– Помню. Водителем

– Вот, помнишь. А зачем глупые вопросы задаешь? Я и в

Армии баранку крутил, и сейчас я занимаюсь тем же самым.

— А вот сейчас, это что было? Это ты, просто так шутил, и два шарфика продались

— Нет. Я подумал, что чужой пример заразителен и купил у тебя шарф. И точно, двое заразились. Тебе что, плохо от этого? В дебри она полезла! Пошли вон туда, выше, ещё чего-нибудь продадим. Я пойду там поотираюсь, а ты подходи. Вон смотри, лицо то сразу поменялось.

Дима двинул вверх по улице Терешковой, а я смотрела ему в спину, и думала о том, как же он красив, подлец!

Конечно, Дима был на двух ногах, поэтому на пяточке у входа оказался раньше, чем я, поэтому у меня было время подумать, а зачем же он ко мне привязался то. В то, что он просто хотел помочь, я не верила. Люди вообще ничего не делают просто. Именно, потому что, они люди. Нет, я не думала о нем плохо, не думала о его меркантильности. Зачем процент от продаж человеку, который легко вытащил из бумажника 250 рублей и отдал на хранение чужой тётке? Но с какого перепугу все-таки он бросился мне помогать? При чем с таким задором и энтузиазмом? На этом мои мысли закончились, потому что ко мне уже вязался Дима с вопросами о шарфе.

Второй спектакль был длиннее, не знаю почему и от чего это зависит. От зрителей, наверное. Но мы продали следующие два шарфа. На сегодня мне было достаточно, и я уже готова была идти домой, но Дима думал по-другому. Поэтому

мы пошли через калитку на рынок. Но там что-то наш номер не пользовался популярностью, не смотря на то, что мы его повторили три раза в разных закутках рынка. Был продан предпоследний шарф. А последний никак не хотел продаваться. Но я была счастлива. Не было ни гроша, да вдру алтын! Да и устала я там таскаться с самого утра. Все можно домой. Но Дима хотел стопроцентный результат! Но что то пошло не так.

В итоге я все-таки успокоила его. И мы двинули в сторону дома. Вот на остановке у нас и купили последний шарф. Я реально была благодарна Диме. Он выслушал мои благодарности и просто сказал: "Мои рублики, которые ты пять раз от меня получила, верни". Я добыла рубли из бюстгальтера, встав к Диме спиной, и отдала ему в руки. Все. Он сделал сегодня мое утро и мой заработок, спасибо ему.

– Как у тебя там тепло то. Жаль, что не зима, контраст бы был ярче.

– Найди меня зимой, я тебе погрею купюры из чувства благодарности. Спасибо тебе большое. Ты прямо сделал меня счастливой.

– Какое простое у тебя счастье

– Ну вот такая я приземленная. Что поделать? А ты то не любишь деньги? Откуда такая сумма в кармане?

– Ну не любить деньги нельзя, но как это сказать то? Жить ради денег как-то не очень вдохновляет

– А ради чего ты живёшь Дима? Женится ты не собира-

ешься, заводить детей тоже, я правильно поняла?

– А я живу не ради. Я живу просто. До армии, наверное, были какие-то мечты. А потом решил, что если уж я живу, надо как-то просто жить так, чтобы нравилась эта жизнь

– О, да у тебя получилось стать философом! Неожиданно как-то. Дима рассуждает о жизненных приоритетах. Ну а я приземленная, потому что детей нарожала, и кроме меня нет желающих заработать моим детишкам на молочишко. Вот и превратилась в ту, которая в этой жизни больше всего любит деньги. Но меня это не напрягает. Ну все, пока. Дошли до дома. Мне налево, тебе направо. Спасибо тебе, честное слово.

Мы стояли под Диминым окном, и я понимала, что если бы у меня не было задач на сегодня, я наверное бы напросилась к Диме в гости, и не важно, чем эти гости закончатся. На него я готова была смотреть не отрываясь, а сегодня он был особенно хорош. Смешно было вспоминать, как в юности я не то, чтобы отослала его со своей любовью, но проигнорировала, это точно. Но тогда он был пацан, а сейчас красивый молодой мужчина.

– Слушай, Галь, пошли зайдём ко мне, просто поболтаем. Если хочешь, у меня коньяк есть, тяпнем по чуть-чуть.

– Дим, честное слово не могу. У меня сегодня вот вообще неотложные дела. Поэтому прости. Давай в другой раз.

– А давай я помогу тебе эти дела сделать, а? Ну что за дела могут быть в выходной? Дома убраться? Еды на неделю

приготовить? Окна помыть? Белье постирать? Ну припаши меня, я все умею!

– Не, не, не, Дима, ты не в ту сторону думаешь. С этим я справляюсь на неделе. А сегодня у меня две встречи, которые должны случиться. Мне они важны

– Ну а давай ты сейчас пойдешь, встретишься, а я тебя подожду? Вон там, на лавке.

И тут из-за угла вывернула Настя! Я, когда ее увидела, собственной слюной поперхнулась! Это что? А Настя, увидев меня, сменила траекторию. Димку она тоже знала, пригласившая с его матерью. Поэтому разулыбалась, возрадовались, и приблизилась.

– Привет, дети! Что встали то на улице, как бездомные? Некуда идти? Пошли посидим ко мне

Дима первым отреагировал на ее приветствие.

– Здравствуй, Настя. Да вот, зову твою соседку в гости, а она не хочет идти

– Да, Дима, она такая. Я ее тоже зову в гости, а дожидаться никак не могу. Сегодня то зайдешь, Галюня?

Я вообще не успела не то, что рот открыть, даже среагировать на ее призыв. Вмешался Дима.

– Настя, давай она завтра к тебе придет? А сегодня пойдет ко мне. Я сам ее завтра провожу до твоей двери. И сдам тебе в руки

– Обещаешь, Дима?

– Настя, зуб даю

– Договорились

Вот прямо здорово. Без меня меня женили! То ли Дима был уверен, что я готова идти к нему в гости, то ли его одолели собственные желания, только пока я провожала уходящую Настю взглядом, меня затащили в подъезд, и достаточно искренне обняли. Дима обхватил меня руками и замер. Что это? А я стояла и думала о том, что знаки, они повсюду. А Настя, это знак

Честно говоря, мне было не понятно, что происходит. Ну ладно, с Настей допустим заключён договор, и мне стало легче, а Татьяна то Дмитриевна там пододеяльники строчит, и я вечером должна их забрать, и вот это вообще не обсуждается. Мне, конечно, нравится Дима, и я ничего против него не имею, но деньги мне нравятся больше. К тому же я не могла понять, а что это происходит, почему такой прилив нежности, меня не лапают, не целуют, а просто обняли, как в последний раз. Но я не просто наслаждалась теплом объятий, я думала, как выскользнуть из этих объятий, и пойти жить свою жизнь. Ну мне реально сегодня некогда и ничего с этим не поделаешь.

Но Дима то тоже был в здравом уме и твердой памяти. И чувствовал мои слабые потуги.

– Ну и куда ты рвешься, я вроде отменил одно свидание. Что ещё надо сделать, чтобы ты просто постояла со мной в обнимку.

– Ну, Дим, ну представь, что ты меня сегодня утром не

встретил, просто прошел мимо, и все.

– Умная ты женщина. А ты представь, что ты не продала свои шарфы. А то мимо я должен пройти! Да, мог бы пройти, но не прошел. Это ты пыталась бочком по-партизански проползти мимо меня. И я не стал бы тебя останавливать, но что-то захотелось обнять тебя, как в школе. Согреть. Уткнуться носом в твои волосы. Сейчас то ты не будешь орать, что я ещё не дорос до любви?

И я пришла в себя. Точно, если бы не Димка, корячилась бы с этими шарфами не знамо сколько. И школу вспомнила. И Диму, который ходил за мной по пятам, хотя был младше, а я ему говорила на его ухаживания, что у него нос до любви не дорос. Но ему было все равно, что я говорила, он так и ходил за мной.

– Как живёшь то, Галя? Давно я тебя не видел.

– Врешь ты все Дима, видишь ты меня стабильно один раз в неделю, только подойти ко мне смелости не хватает, да?

– Наверное так. Прости меня, я трус

– Меня это не касается, Дима. Хочешь трусь, хочешь не трусь, у меня своя жизнь.

– Но ведь мы как-то три дня жили совместной жизнью, помнишь? Это же моя инициатива была?

– С чего это? Твоя инициатива так и закончилась в школе. Сам же сказал, трус. А в тот раз я напилась, и пришла к тебе в гости ночью. Потому что мне было грустно и тоскливо. Тебе, наверное, тоже, раз мы затормозили на три дня. Поэтому

пусти меня, я пойду, у меня дела!

– Нет, Галя, так не честно. Сегодня то я смелости набрался, поэтому просто пошли поднимемся ко мне.

– Дим, ну вот смотри. У меня дела, раз, у меня дети малые, два, и ещё где-то у меня есть муж, ты об этом, наверное, знаешь, три. Ну и как я могу пойти посидеть к неженатому мужику?

– Ладно, теперь мой ход. Почему на барахолке рядом с тобой никакого мужа не было, а? Выходит чужой неженатый мужчина пополнил твой семейный бюджет? Зачем ты принимала его помощь?

– Ой, мамочки. Это вот совсем у тебя плохо выходит! Дима, я же наблюдала. Ты же тащился, когда эти шарфики продавал. Уж не знаю, то ли от самого процесса, то ли от того, что мне помогаешь. Но я точно знаю, что ты это делал без задней мысли. Так что не надо разрисовывать себя черной краской!

– Ладно. Шантаж не прошел. Ну пошли, а?

– Дима!!!! Ты меня слышишь? Не могу я сегодня!

– А завтра сможешь?

– Не знаю.

– Но завтра же у тебя нет неотложных дел?

Дверь открылась, и в подъезд зашла Димина мать

– Ух ты, Галя, ты то мне как раз и нужна! Как говорится на ловца и зверь бежит! Пошли поднимемся. А с этим ахламоном потом договоришь, он подождёт

– Тетя, Юлечка, я не могу, можно попозже, а?

– Гал, это минутное дело. Зайдешь, посмотришь и выйдешь, мне воротник надо продать. Лисий. А то я к сестре на неделю уезжаю, а ты может его пристроишь за это время

Ну за лисьим воротником я, конечно, поднимусь, потому что деньги, это не любовь, на них можно купить что-нибудь полезное. Тем более я представляла какой тетя Юля хочет продать воротник.

– Но только до сезона то ещё пара, тройка месяцев. Поэтому на быстроту не рассчитывайте.

– Галя, я его с пальто спорола. Я много не буду заламывать. Ну а продать мне его хотелось бы недели за две. Короче, заходи, посмотри. Мне бы за него рублей сто двадцать. Но деньги нужны побыстрее. Ну ком-нибудь предложи. А я следующим выходным вернусь. Ещё раз цену обсудим.

Глянув на воротник, я все поняла с одного раза. Надо брать и убегать. Пока тетя Юля дома. При ней Дима будет вести себя прилично. Но Димы в квартире не было. Ушел? Слава богу! Мы вышли с тетей Юлей, и пошли. Но у нее было две ноги, и она опаздывала на автобус. Поэтому она обогнала меня и убежала. А я ожидаемо попала в засаду. Дима стоял там же, под лестницей в подъезде, где мы расстались, и ждал меня.

Но сейчас, оказавшись в объятиях Димы, я даже не обратила на это внимания. Потому что я думала о том, как сделать так, чтобы воротник продать за двести пятьдесят, в два

раза дороже. Воротнику было года три всего. Как почистить его, я знала. А если посмотреть и найти на мездре государственный штамп, можно просто постирать. Так даже проще. Лекало у меня есть, форму слегка поменяем, сделаем подклад и все. Даже никто и не узнает, что этот воротник носили. Но надо как бы успеть до следующих выходных. Тогда что ты здесь встала, иди уже, подсуетись. И тут я осознала, что просто так меня не отпустят.

– Ну, слушай, Дима, давай договоримся, очень надо!

– Давай, договоримся. Ты хочешь мне наврать с три короба, а я должен поверить, да?

– С чего ты взял то, что я врать буду? Я сказала про договор.

– Ну это ты сказала для того, чтобы бдительность мою усыпить, да? Сейчас тебе вроде очень срочно надо уйти, так? И ты начнёшь мне обещать, что придёшь завтра, ага? Но ты же не придёшь? Потому что завтра будут другие дела. Я прав? Только честно скажи, а? Ведь я все-таки набрался смелости, подошёл к тебе сегодня на рынке! И что? В принципе, я так и думал, что все закончится ничем. А потом ты скажешь, что я трус?

– Не скажу, Димочка!

– А я не собираюсь договариваться. Будем стоять в подъезде, пока тебе не надоест. Нет дел, которые нельзя перенести. Поэтому либо пошли дела делать ко мне, либо стоим в обнимку здесь. Правда здесь кошки все проссали, но тебе,

наверное, это нравится. Сегодня твоё желание, закон.

– А самому то тебе нравится здесь стоять?

– Нет, здесь стоять мне не нравится. Мне нравится стоять рядом с тобой, поэтому буду стоять.

Димину упёртость я знала ещё со школы. Как сказал, так и будет. И что мне делать? И даже бог с ними, с комплектами, они и так шьются, но воротничок то надо привести в божеский вид. От денег я отказываться не хочу, тем более, если они сами в руки идут. И что делать? А может я зря в позу встала? Ну и поднимусь я на третий этаж, и что будет? Плохого со мной точно ничего не случится. Меня покормят, нальют хорошего коньяка, и скорее всего оставят ночевать. Но об этом то я ещё на рынке догадывалась, когда Дима шарфиками торговал. Вот он шел, шел и ему захотелось помочь мне просто так? С чего бы это такое благородство?

– Ну что, дальше будем стоять, или все-таки пойдем просто пожрем? Я есть хочу и ты, наверное, тоже. У меня в квартире кошачьей мочой не пахнет! Давай соглашайся, а?

– Дим, ну послушай меня, ну пожалуйста, пара слов

– Вот за столом и скажешь пару слов, там я тебя выслушаю, хоть два часа говори.

– Я тебе расскажу все, а ты меня отпустишь, да? А завтра после работы я приду? Согласен?

– Даже не мечтай. Я тебя давно знаю, иллюзий никаких у меня насчёт тебя нет. Потому я просто все внимательно выслушаю. Что ещё?

– А зачем тогда слушать то? Если тебе все равно?

– Ты же просишь тебя выслушать? Буду знать о твоих делах.

– Дима, но мне надо эти дела сегодня начать! Иначе не успею!

– Да, если ты будешь стоять здесь, это точно

– А если пойду к тебе? Что-то изменится что ли?

– У меня вроде за столом поприличнее, чем в подъезде, или нет?

– Дима, тебе что, скучно одному есть? Что ты меня то к себе тащишь?

– Галя, не идёт тебе маска дурочки. Ты же ещё на рынке все понимала. Ну не будем из себя школьников строить?

– А то, что я замужем, тебя вообще не смущает?

– Что-то я тут рассказы какие то нехорошие слышал о твоём муже, поэтому точно ревности к нему не испытываю.

– А при чем тут ревность то? Я тебе про то, что я жена чужая

– Галя, мы уже час тут стоим, и я тебя обнимаю, обрати внимание. Где муж то? Ему не интересно, где его жена блудит? А на рынке мы сколько рядом были, и там я его тоже не увидел. Это о чём говорит? О том, что я по тебе соскучился, а вот он что-то не скучает. Давай закроем эту тему, она мне не приятна. Ну что, идёшь наверх, или я унесу?

– Неси. Может надсадишься и бросишь. Тогда я точно свободна.

Но сил у Димы хватило. Он поставил меня на пол, когда зашёл в коридор своей квартиры. Дверь закрыли, как всегда, на все замки. Забрали у меня сумку, поставили на трюмо, но не повели меня кормить. А взяли меня ладонями за лицо, и притянули это лицо к губам. Но сначала меня просто целовали. В лоб, в глаза, в щеки, в нос, в подбородок, в шею, в уши. И только в последнюю очередь он вспомнил, что у меня есть губы. А целовался он как бог, поэтому подзабыли мы на какое-то время и о моих делах и о коньяке. Дверь была закрыта на три замка, гостей мы не ждали, и стоять в коридоре в обнимку нам понравилось. Опять я все делала неправильно. Неожиданно где-то внутри заворочалась совесть. Но я сильно надеялась на коньяк.

Первая в себя пришла я и освободила свои губы. Дима смотрел на меня, молча вопрошая: "А что не понравилось то?". А у меня то мысли об освобождении не ушли из головы. Как обыкновенная женщина, я все таки мечтала о том, что Диму я обману. Мне очень надо было. Хотя после поцелуя я уже не была такой категоричной. Димка был очень нежным, я помнила это с того, далёкого раза. К тому же он так и не избавился от влечения ко мне. И я это очень хорошо ощущала, когда находилась рядом с ним. Вот и сейчас, губы свои я, конечно, освободила, но обнимать то ему меня никто не запрещал. Поэтому он прижал меня к себе и гладил по плечам. А я думала о деньгах.

– Кто-то обещал меня посадить за стол, накормить и по-

слушать о моих проблемах

– Ты прости меня, но что-то мысли мои совершенно изменились. Представляешь, мне сейчас совершенно не до еды. И что делать, я не знаю

– Дима, ты обещал же ведь! Пошли на кухню

– Вот на кухню мне сейчас хочется меньше всего! Галя, может ты теперь меня слушаешь, и пойдешь мне навстречу, а? А я тебе обещаю, что помогу тебе сделать сегодня вечером все твои дела. Ты мне веришь?

– Нет, не верю, ты совсем другое обещал. И сейчас тоже врешь

– Гал, ну хватит уже а? Я же много что про тебя знаю. Тем более я заинтересованная сторона противоположного пола. Почему женщинам всегда кажется, что мужчины дураки, и ничего не понимают? Ты зачем делаешь вид, что не понимаешь, зачем мы сюда пришли? Поесть, ага? Вот прямо я так хочу есть, как в анекдоте про булочную, ага? Я тебя хочу, Галя, но по обоюдному согласию. И догадываюсь, что ты ничего не имеешь против. Или я не прав?

– Если честно Дима, то я бы сначала хотела свои дела сделать, а потом уже думать о тебе.

– Не судьба, Галя. Ты же понимаешь, что не отпущу я тебя никуда. Ведь все я сегодня делал так, как надо было. Я не пробежал, как трус мимо тебя. Я нашел вариант тебя заинтересовать. Я даже умудрился притащить тебя к себе домой. Чего осталось то для моего счастья? Сделать так, чтобы ты

думала обо мне, а не о своих делах. И поверь мне, я это сделаю. Потому что..... Тебе не обязательно знать почему.

Иногда уши у женщин реагируют на слова мужчины, как самая главная эрогенная зона. Дима, можно сказать, талантливо вешал мне лапшу на уши, а я потихоньку размягчилась, и уже даже думала, что один день ничего не решает. И Дима, конечно, прекрасно понимал моё состояние. Поэтому дал свободу и своим рукам, и своим губам, и не забывал между делом рассказывать мне, как он скучал по мне лет пять и боялся подойти. А я перестала бастовать, и доверилась и его рукам и его губам, и из коридора мы переместились не на кухню, а в его комнату, на его узенькую кроватку. Но в тот момент уже ничего не имело значения. Потому что мозги отключились, осталось только тело.

Проснулись мы часа два спустя. Одновременно. Я открыла глаза, и увидела, что на меня смотрит Дима. Слова были в тот момент совершенно не нужны. Ему. А мне нужен был коньяк срочно. Потому что все, чувство вины выползло из своей норки, и начало меня клевать. Наверное, по моему лицу это было сильно заметно. Поэтому, Дима среагировал сразу, он попытался перевести фокус моих мыслей на более приятное занятие. И не смотря на чувство вины, я понимала, что количество уже не имеет значения, если все произошло один раз. Тем более в тот момент я с этими коммерческими идеями совершенно не думала о мужчинах, деньги были важнее.

Так что в принципе всё было вовремя, мужчина рядом со мной лежал тот, который вдохновлял. И внешним видом, и мастерством. Поэтому я уже решила не строить из себя хозяйку и верную жену, а просто наслаждалась моментом, как и было положено. Диме тоже момент нравился, поэтому любил он меня вдохновенно и азартно, не давая лишним мыслям посетить мою голову. То ли он от рождения был таким ласковым, то ли научился по жизни, но стоило ему просто погладить меня, все слова сопротивления пропадали. В общем, из кровати я выпрыгнула, когда на землю спускались сумерки. Выпрыгнула с криком: "Дима, ты мне обещал!"

– Раз обещал, сделаю. А ты на ночь останешься?

– Сначала сделай, что обещал!

– Ты вот сейчас это серьезно сказала? И за базар отвечаешь?

Я не успела ответить, Дима испарился.

Минут через пять Дима появился и спросил: "Ужинать то где будем? Здесь или на кухне". Я моментально оделась и отправилась на кухню. Здесь ужинать было чревато. А если у юноши такой боевой задор помочь мне, может и получится то, что я загадала?

Ужин в этом доме был царский, по-другому, и быть не могло. Потому что связь с магазином прослеживалась сразу. Ну и мама ещё Диму научила накрывать стол, и даже простой ужин он мог накрыть так, как праздничную трапезу. А вот школу любить она его не научила. Скорее всего сама имела

проблемы с образованием.

Отца у Димы никогда не было физически, я не помню его, но фамилию тот мужик ему дал. Красивый, наверное, был дядя, раз Димон такой баский получился. У него ещё был старший брат, но друг на друга они были похожи, как банан на помидор. К тому же Серёга давно женился, и с тех пор его никто в нашем районе не видел. Наверное, не сильно он скучал по родственникам. Чего меня в тот момент унесло в размышления о Диминой семье? А потому что сидела и думала о том, что он, украшение этой семьи, если думать чисто эстетически. А он сидел прямо передо мной, я его разглядывала и по другому думать не могла. Красавчик. И смотреть на него приятно, и целовать, и обнимать.

Я погладила ладонью его по щеке. Гладкая, теплая щека.

– Галюня, если ты хочешь от меня реальной помощи, руки то убери. Не навсегда, конечно, на время. Коньяку я тебе накапал граммов тридцать, если он мешает твоим делам, даже не пей. А теперь ешь и рассказывай, чем я могу помочь. И рассказывай с учётом того, чтобы остаться здесь на ночь. Галя, прошу тебя по-человечески. Я же взрослый, я понимаю, что если ты ужинаешь у меня, значит муженёк твой где-то в другой реальности, и ты имеешь возможность не только полежать со мной пару часов, но и проспать в обнимку со мной всю ночь.

– Слушай, короче. Не буду да, доказывать ничего, я согласна спать на твоей узкой кровати до утра, успокойся

– Галь, сейчас мы из нее сделаем широкую, ты даже не заморачивайся. Там же их две, эти кровати, я их сдвину.

– Слушай меня. Мне в соседнем подъезде нужно забрать постельное белье, много. Потом мне надо сказать маме, что я не буду ночевать дома, и отдать ей деньги и сумку. А из дома мне нужно взять лекало. У тебя шампунь есть?

– Какой хочешь. Для лысой головы, для волосатой, для кудрей, для тонких волос, для жирных, для редких. Выбери.

– Гвозди и молоток есть? Или из дому прихватить?

– Найду. Чего ещё тебе понадобится для приятного вечера?

– Большая доска. Есть доска, на которой что-то стряпаете?

– Зачем нам стряпать? У меня мать в магазине работает.

– А мне нужна доска, в которую я смогу забить пятьдесят гвоздей.

– А гвозди то какие?

– Тоненькие. Самые тоненькие из тех, что существуют. У тебя такие есть?

– Да найду я тебе любые гвозди. А если мы твою операцию на полу провернем?

– Ну следы же останутся?

– А мы вон, ковер откинем, все сделаем, и опять его на место положим.

– Ну смотри. Пошли тогда. Раньше сядешь, раньше выйдешь.

– Куда идти то? Далеко?

– Рядом. Только ты сильно не рисуйся. Не надо, Дима, чтобы нас вместе видели.

Мы вышли во двор, я пошла первая, Дима за мной на расстоянии нескольких метров. Подпольщики, ё маё. Мы одни умные, а остальные все ничего не понимают. Особенно бабки у подъезда. Ну да ладно. Я пошла к Татьяне Дмитриевне, а Дима встал у тополя. Был такой огромный тополь в нашем дворе. Рук не хватало, чтобы его обхватить. Зато человек рядом с ним не сильно отсвечивал.

Тетя Таня план выполнила, меня ждали шесть комплектов белья. Но у меня к ней был вопрос: "Тетя Танечка, а вы подклад на воротник можете поставить, как будто он с фабрики?"

– Ткань неси, все сделаю.

Первая часть плана выполнена. Но это тяжело, как я это завтра на работу попру? Ладно, подумаю.

Я вышла и всучила это богатство Диме, он сильнее

– Все, иди домой, я сейчас приду.

– Я должен тебе поверить на слово? Просто поверить?

– Мне завтра все, что у тебя в руке надо на работу увезти.

Иди

Я пошла домой. Деньги маме, воротник надо забрать из сумки, и лекало найти.

– Что, продала шарфики?

– Димон продал. У него сегодня вдохновение было.

– Ага. Это поэтому ты с ним по двору шарахаешься?

– А ты откуда знаешь?

– Так я вроде не слепая. Ночевать то к нему пойдешь?

– Ну ты сама всё поняла, отпрашиваться не надо да? Я пошла тогда?

– Иди, если без приключений не можешь.

Я вышла из подъезда, под деревом так же стоял Дима. Ну не было у него веры в меня. Хотя и у меня веры в него не было. Самый верный мой школьный поклонник, тоже не перенес моей травмы, исчез из ближнего окружения. И вряд ли бы у него хватило смелости подойти ко мне сегодня, если бы я сама к нему когда-то не подошла. Но социологический опрос мужиков на тему "почему вы не хотите на мне жениться?" я уже провела, поэтому задора пристать к Диме с этим вопросом у меня тогда не было. Не знаю почему. Наверное, не хотела в очередной раз слушать гадости. Хотя все они старались ответить мне корректно. Сейчас меня успокаивает одно. Ни один из них не остался без моего внимания.

– И что, Димон, две сумки не являются гарантией моего присутствия?

– Ты как их сама то понесешь? Руки то прямо оттягивает

– Ты от вопроса то не уходи, я конкретно спросила

– Да, я боюсь, что ты не выйдешь. Ты сама меня к этому приучила в далёкие времена

– Ну, молодец. Хорошо хоть мы с тобой в разные садики ходили, а то бы и то время припомнил

- Давай свои запасы, что в очередной сумке?
- То лёгкое все, почти невесомое, я сама справлюсь
- Давай, на ключи, дверь откроешь.

Не успели мы зайти в квартиру, как Дима освободился от отягощений и схватил меня в охапку. Если честно, то мне это нравилось. Он просто, без всяких намеков обнимал меня посреди коридора, и мне казалось, что больше то ему ничего не надо. Поэтому я сильно не сопротивлялась. Мне нравилось в тот момент ощущать себя единственной для него женщиной. Я чувствовала, как он мне дышит в макушку, и как стучит в мое плечо его сердце. Мои руки обхватили его за пояс, просто потому что их некуда было деть. А вообще с самых первых времён общения с противоположным полом, я любила обниматься именно так. Лицо к лицу, грудь к груди. Какая-то особая энергетика рождалась от такого общения мужчины и женщины.

И мы в тот момент посреди коридора старались всем естественном услышать эту волшебную энергетику. Потому что она меняла наше состояние, и своим волшебством приклеивала нас друг к другу. Я просто положила голову на плечо Диме и наслаждалась своим состоянием. Что чувствовал Дима, обхватив меня руками, я не знаю. Но так нам было хорошо в тот момент, что мы не хотели не думать ни о чем, не шевелиться, ни менять позу. Просто стояли посреди коридора в едином порыве и наслаждались моментом. Если исходить из предыдущего опыта, мы в следующий раз встретимся лет че-

рез пять. Если доживём конечно до этого момента.

Первая очнулась я. Мне не давали покоя деньги, которые можно было заработать. Деньги клевали меня в макушку.

– Дим, пусти. Я сейчас все быстро сделаю, и не буду об этом думать. Хорошо?

– Раз это можно сделать быстро, давай сначала сдвинем кровати и используем их удобство

– Тебе не понравится это сразу. Я буду обнимать тебя и думать о форме воротника. Мне бы точно не понравилось.

– Какая же ты противная! Говори, что делать надо.

– Ковер убрать, достать гвозди и молоток. Это все. Остальное я сама.

– Сколько времени у тебя это займет? Может поедим попутно?

– Дим, я постараюсь побыстрее, а ужин можно в койку

Я удалилась в ванну, стирать шкуру. Мне надо было, чтобы она выглядела шикарно. Штамп на мездре я проверила, выделка не кустарная, значит можно стирать. Стирка заняла минут десять. А Дима в это время убирал ковер, двигал кровати и организовывал ужин в постели. А я забыла, что мне нужно было полотенце и из дома его не прихватила. Пошла просить к Диме. И опять мы стояли посреди комнаты обнявшись, пока я не набралась сил и не пошла продолжать процесс. Дима пошел со мной. Потому что он то уже все приготовил для нашего счастья, осталось ускорить то, что делаю я, он же обещал помочь. Мужик сказал, мужик сделал. Он

сильно походил на мужика.

Сначала я откатала воротник в полотенце, а потом мы, придуриваясь обводили лекало на полу. Обводили, как поет Толкунова про лодочку. Не гребли, а целовались. Но все-таки нарисовали с горем пополам. Потому что очень хотелось завершить дела. Потом я приколачивала воротник по форме лекала, а Дима натягивал шкурку. Получилось у нас все замечательно. Вот только с полу мы долго не могли встать. Понравилось нам целоваться на полу. Наверное, мы так растягивали удовольствие от объятий и поцелуев? Надо же, в то время мы не знали всех мудреных слов, которыми сейчас называют объятия, поцелуи, предварительные ласки, а у нас замечательно все получалось и без теоретической основы.

Я не помню у кого из нас закончилось терпение. Наверное, у обоих. Ну конечно кататься по полу надо было в одежде, просто потому что это был пол. Он был твердый и холодный. Дима, конечно, снял рубашку, распалился наверное, а я то не испытывала особого желания раздеваться. Поэтому Дима наконец то подскочил, поднял меня и что-то сказал про уходящее время. Да, действительно, время шло. И мы пошли на кровать догонять это уходящее время.

Успокоив свои бешеные страсти, мы лежали и разговаривали. Просто сразу обо всем и ни о чем, но осторожно охраняли сферу наших отношений. Ведь Дима понимал, что он такая же дешёвка, как все мои бывшие кавалеры, а я, наверное, думала о том, что думает юноша, когда девушка, кото-

рую он любил, стала уродом. Хотя я старалась в те времена по-советски себя обмануть, хотя мне ещё в самом начале моей безногой карьеры все про мужчин было понятно. Очень сложная для них конструкция, одноногая женщина, это раз. А во-вторых, они тоже живые. Если я поломалась от двух травм, кто сказал, что пацану было легко? Ну а в итоге Дима все-таки спросил не про мою жизнь, а про белье.

– Слушай, а как ты понесешь эти две сумки, они же тяжёлые, ручки даже мне руку режут?

– Дима, мне до магазина их донести, там служебный автобус.

– Все равно тяжело. Давай я тебя увезу на работу? Так можно?

– На чем увезешь то? Да ещё в такую рань? У меня смена начинается в семь тридцать.

– На служебной машине. Она в гараже у вокзала стоит. Это я вчера из гаража шёл через Свердловский рынок.

– Серьезно, что ли? Димочка, конечно, это будет классно! А как начальство, претензий не будет?

– Мое начальство ждёт от меня, чтобы машина всегда была на ходу и чистая. Работа у меня с девяти, машина в идеальном состоянии. Значит договорились?

– Дададада, ой спасибо тебе большое, очень здорово

– А ты не хотела у меня ночевать!

– Все, спи тогда, вставать рано

В мою голову тогда вообще не помещалась информация о

том, что Дима вообще работает. Мы же с ним плотно общались только тогда, когда учились в школе. Потом что-то разбежались в разные стороны. И я наблюдала за ним со стороны. Интересно было. Ведь в школе то он задрал меня своей любовью, куда она потом то делась? Вот так мы и ходили параллельными дорогами, пока я сама не пришла ночью перед новым годом на втором курсе. Тогда мы зависли на три дня и расстались без плана на будущее. Хотя в то время Дима мог проявить инициативу, но не стал. Его выбор. Я тогда уже много чего понимала про себя, и никого ни к чему принуждать не хотела. Так же, как и сейчас.

Красивый мальчик Дима, красивый вечер мне устроил, шарфики продал, завтра на работу увезет. Все сложилось замечательно, чего ещё надо? Вот даже завтра увижу Диму за рулём, прелесть то какая! Увижу хоть, что он не только по девкам носится, но и работает. Хотя свои отношения с противоположным полом, Дима не очень афишировал. Но жили то мы рядом, и я, хотела я этого, или не хотела, я это видела. Мне было интересно, а чего он не женится то? Ведь претендентка бы сразу же нашлась. Но у Димона при его внешности, не было даже постоянной партнёрши. И он как-то не очень расстраивался по этому поводу. Или это было не заметно

– Дим, а почему ты не женишься, а? Все ведь уже детей нянчат.

– Кто все то? Те, кто до армии не вытерпел? Остальные

пошли другим путем

– Каким другим то? В тюрягу загремели, или по пьянке погибли? Да лучше коляску катать.

– Ну, сама знаешь, не всем суждено жениться, вот и я как-то не горю желанием. Опять же, если посмотреть на тебя, не очень много счастья тебе замужество принесло. Почему замужняя женщина по барахолкам таскается, муж семью обеспечить не может?

– А я то при чем тут?

– Интересно мыслишь. Ты считаешь, что мне надо жениться, а я, глядя на тебя думаю, что это вообще не то, чего я хочу. Спи. Я тебя рано разбужу.

– Зачем?

– За тем самым, для чего женятся

И да, разбудил он меня, ещё когда за окном было темно. Но будил так красиво, так осторожно, что я не испытала разочарования от того, что настало утро, да ещё и раннее. Но у Димы видимо, ещё с вечера была интересная задумка, которая открывала интересные перспективы на вечер. В то время я ещё не умела думать на десять шагов вперёд, поэтому и не задумалась над тем, что он разбудил меня так рано, а только спросила: "А времени то сколько?"

– Рано ещё, рано. Я сейчас уйду за машиной, а ты спи. Пригоню, разбужу. Не переживай

Но после того, как он меня зацеловал с ног до головы, он ещё и подождал, чтобы я все-таки уснула. Потому что пре-

мудрый пескарь. Ну а так как я вроде надеялась на него я и не дергалась. Да и вообще, я люблю утренний сон. Это любимое мое состояние, подремать после пробуждения. Но как закрылась входная дверь, я слышала. И мысленно отсчитала себе ещё час сна. Поэтому легла по диагонали двух сдвинутых кроватей, натянула на себя одеяло и провалилась в сон. Замечательное состояние, замечательное утро, замечательный мужчина рядом. В кои то веки!

Но у Димы была своя идея, поэтому разбудил он меня соответственно ей, с таким расчетом, чтобы я успела позавтракать и сесть в машину. Завтрак был подан в кровать, он очень хорошо умел это делать. Так всё было красиво обустроено с утра, так человек старался сконцентрировать мое внимание на том, что происходит, что я вообще забыла о том, что мне надо. В то утро я действительно наслаждалась моментом. Ну во-первых, мне налили кофе. Где в тот момент, в каком доме можно было попробовать кофе? Даже плиточного чая в магазинах не было. Да и все мое пробуждение и завтрак были красивыми и вкусными. Ну Дима по этому был большой спец.

Когда я собралась и стала искать взглядом сумки, то мне сообщили, что сумки уже в машине и переживать об этом нечего. Ну и я без задней мысли доехала до поворота на Жилкино. И потом вдруг вспомнила, что у меня есть ещё воротник, прибитый к полу. Меня, конечно, слегка потряхнуло. Не хотела я вечером идти к Диме. Перевела взгляд с дороги

на него, и все прочитала на его лице. Все с утра было сделано для того, чтобы я не вспомнила этот воротник. Винить его было не в чем, он старался, как мог и у него получилось. Но я то завелась, и прямо всю внутри меня потряхивало от того, что я забыла про этот воротник, и Диму все таки надо было напрячь, потому что отвлѣк меня.

– Дима, мы же воротник забыли! Ну почему ты мне о нем не напомнил! Ну какая же зараза! Теперь придется вечером к тебе ползти!

– Галя, что случилось то? Ну и что, что вечером? Тебе что ли не нравится у меня? Скажи, чего не хватает? Я исправлюсь

– Мне нравится у тебя, Дима. Вот это и плохо. К хорошему так быстро привыкаешь, а потом приходится привыкать к тому, что есть. Вот что мне не нравится. Так что лучше бы я этот воротник сейчас забрала.

– Зато у нас будет ещё один вечер. А может я тебя и на ночь уговорю? Может такое быть?

Я решила, что в этом случае промолчать дешевле, и показала Диме сворот к Светкиному дому, заранее настраиваясь на то, что надо подняться на четвертый этаж. Но подниматься не пришлось, Светка уже шла на работу. Слава те Господи. Конечно, не ожидала она такого сюрприза с утра, и села в машину с таким лицом, как будто ее арестовали и на Лубянку повезли. Но поздороваться при этом не забыла. Воспитанная девушка. Ну а через пять минут нас высадили

возле проходной, и мне предложили даже встретить меня в пол пятого. Но я отказалась. Димино обаяние было неотразимым, мне хотелось однозначно в его компанию, поэтому нет. Нужен перерыв.

До конторы мы дошли молча. Светка тащила две сумки с комплектами и была погружена в свои мысли. Но оказалось, что она просто ждала, когда мы окажемся с ней наедине.

– Ты где такого классного мужика урвала? Если бы тебя не было, я бы ему в машине дала.

– Я тебе адрес его оставляю, зайдешь в гости при случае. А я с ним, Света, училась. Вот так сложилось в моей жизни

– А что упустила то такого красавчика? Это же преступление!

– Ну во первых, он не был тогда таким красавчиком, а во вторых, я тогда была влюблена в другого красавчика, и Дима мне был вообще по барабану

– А сейчас я так понимаю, ты его заметила, да? Хорошо, что наш водила этого не видел, ему бы было неприятно

– Света, не начинай. А то я вспомню тебе твои трудовые подвиги.

– Я хоть за деньги это делала.

– Ну а я от того, что этому мужику отказать невозможно. Ты же сама сейчас сказала, что дала бы ему, и я удержаться не могла. Тем более меня ещё и уговаривали.

– Ладно, ты права. Мужик прямо огонь. Все, молчи, наши кикиморы идут, а я даже белье не посмотрела. Один ком-

плект отложу, потом посмотрю.

И действительно, а раздевалку стали заходить наши коллеги. С сразу сконцентрировались на своей, прописанной на бумажке очереди. Естественно белье растащили по кабинетам ещё до начала смены, а некоторые хотели урвать по второму комплекту. Потому что действительно на фоне серых будней бельишко выглядело замечательно. И весь женский коллектив приставал к Светке с одним вопросом сколько ещё этого белья есть, и каких цветов. А Светка, как опытный спекулянт ушла вне сознанки. Ничего не знаю, продаю то, что дают, и она, наверное, была права. Потому что лишняя информация в той ситуации была во вред.

Работа шла ни шатко, ни валко, и мы тогда ещё не сильно понимали, что нашей работе приходит хана, поэтому тихо сидели на сортировочном столе и трепались. Светка рассказывала о том, что доченька ее задружила с хорошим мальчиком, и скорее всего они поженятся. Мальчик хорошим был потому, что он был сыном заведующей магазином. В те времена это гарантировало хоть какую-то стабильность. А дочь у Светки была одна, и она хотела её пристроить в хорошие руки. Потому что сама то она в ней души не чаяла, и Оксанка не знала отказа ни в чем. Ради нее у Светки и было сорок восемь бизнесов. Чтобы накормить Оксанку получше, и одеть Оксанку с барахолки. Вот и свадьба на горизонте нарисовалась. А я не могла понять, рада Светка этому, или нет.

Ну а я, слушая Светку, строила планы на вечер. Ведь сво-

ей любовью к деньгам я заполонила все окружающее пространство. У тети Тани надо забрать бельё, к Насте тоже обещала зайти, потому что интересно чего она от меня хочет, к тому же надо с ней рассчитаться за плед. Было бы, конечно, хорошо сгонять ещё на центральный рынок и детям вкусняшек купить, но что-то мне кажется, что это дело перенесу на завтра, сегодня физически не успею. Но зато завтра в моем кармане будут лежать только мои деньги, и я оторвусь по полной программе. Иначе для чего их зарабатывать, эти деньги, если не можешь порадоваться вместе с детьми. Ну в общем, примерно я план составила, осталось дожидаться конца рабочего дня.

С автобуса я почти бежала. Не из-за того, что боялась попасться Диме на глаза, а потому что опой чувствовала, что с Настей у нас будет совместный проект. А об этом, во-первых, надо договориться, а во-вторых, и начать прямо сегодня. Потому что циферка очень внушительная, сто литров. Ну и все-таки, как бы я не сопротивлялась, за воротником все равно придется идти. Желательно бы его прямо сегодня этот воротник, утащить тете Тане. Ещё вопрос, а где взять кусок саржи, или какого-нибудь подкладочного шёлка? Наверное, у Насти есть, она же шапки шьёт, не забыть спросить. Так я на полной скорости и влетела в коридор к тете Тане.

Она стояла у телефона с трубкой в руке и сделала жест "проходи, забирай, все готово". Но мне же ещё надо было спросить ее про воротник, поэтому я села и приготовилась к

ожиданию. Но Татьяна Дмитриевна не собиралась класть на рычаг телефонную трубку, поэтому мне пришлось ей пома-
ячить, что она мне нужна буквально на одну минуту, очень
надо спросить. Она приложила трубку к груди и сделала два
шага навстречу.

– Чего хотела то? Говори, только побыстрее.

– Воротник с тканью можно принести часов в десять?
Оплата отдельно.

– Неси. До десяти часов можешь смело нести все, что
угодно. А сейчас забирай свое и проваливай

– Меня уже нет. До вечера

Дома мне пришлось сосредоточиться. Посчитать всякие
разные деньги, разделить их на свои и чужие, и в очередной
раз попрыгать от радости. Ну а моя правдивая мама не смог-
ла сдержаться: "Радуйся, радуйся, пока нахлебника нет. Ско-
ро явится, за месяц все прожрёт". Но что самое интересное,
в то время мне как-то не было это особо обидно. Ну про-
жрёт и прожрёт, ещё заработаю. Обида пришла позже, когда
я поняла, что мои усилия просто обесценивают. А я-то знаю,
как я все это зарабатывала. Если ты такой крутой Витюша,
то покажи, как ты умеешь зарабатывать. Но Витюша, если и
проявлял инициативу, это было просто открытое воровство
раз в год. К тому же то, что он воровал, почему-то не имело
коммерческой ценности. И гнило у него на огороде годами.

Ну а я понесла Насте денежки за плед. Для вида. А на
самом деле мне было все-таки интересно узнать правдивую

историю про самогон. Потому что после Славиной лекции о кидке, я была уверена, что я смогу на этом хорошо и быстро заработать. Но Насти не было дома. Я просто пять минут давила на звонок, но не ответа, ни привета. Как так-то? Она же с Димкой договаривалась о том, что он приведет меня на свидание. В чём, в чём, а в необязательности Настя не была замечена. Это был первый раз. Я удивилась и похромала вниз. Может это знак сверху, что не надо с ней связываться? Но не успела я дохромать до дома. Настина дверь открылась быстрее.

– А что так быстро побежала то? Не могла я голая из ванны выскочить дверь тебе открывать! Поднимайся давай, торопыга

– И я думаю, сама позвала и самой дома нет, чудеса чудесные. Никогда такого не было и на тебе!

– Заходи. Сейчас я голову вытру и приду, а то в полотенце не удобно.

Пока мадам занималась своими волосами, я покупиорно сложила денежки и положила их посреди стола. Вот так, теперь мы в расчете, можно мутить по новой. Я готова.

У Насти были шикарные, ярко каштановые волосы, которые вились. Были они длиной до середины спины, густые и ухоженные. И сейчас, вспоминая ту, почти молодую, сороковка же, это не возраст, красивую Настю, я понимаю, что есть на свете женщины, которым идёт полнота. Вот такой была Настя. Или может мы тогда не были так заморочены на

здоровье? Но когда она пришла за стол в своем махровом халате, с распущенными по плечам волосами, я ей залюбовалась. Я, конечно, понимала, что нет у Насти отягощений и мужа придурка, но все равно, красота требовала жертв. И краску надо было добыть, чтобы волосики покрасить, и на махровый халатик заработать. А Настя умела это без всяких мужиков. А мужики, это была её ахиллесова пята.

– Ты что одна? Без Димы?

– Так тебе вроде я нужна, или привесок в виде Димы обязательен?

– Ну ты мать разошлась! Была бы я помоложе, я бы с этим привеском замутила! Что, чем-то не устраивает? А Витька то где? Наказания не боишься?

– Настя, ё маё, ты меня зачем звала? Мужиков обсудить? Тогда вот деньги сначала пересчитай.

– Да после тебя можно не считать, а про Диму я бы поговорила. Вот интересно мне, как там с ним, в кровати.

– А я думала тебе самогонка интереснее. Про Диму то мы всегда можем поговорить.

– Ну я же тебе все рассказала про самогонку. Мне нечего добавить. Помоги родственникам.

С этого момента я поняла, что ничего у нас не получится. Можно было вставать и уходить. Зря губу раскатала.

И тут кто-то попытался открыть дверь. Пошевелил ручкой от замка. Она, естественно, дверь не открыла. Замок то закрыт. Сразу нажали на звонок. Я посмотрела на Настю, а она

повела плечами, как бы объясняя, что она не ждёт никого.

Открывать дверь Настя не торопилась, скорее всего потому, что я собралась на выход, мы ждали, пока звонящий уйдет. А он не собирался уходить, он стал стучать в дверь. Нет, не долбиться, а стучать, чтобы слышали. Вроде звонка не слышно. Настя оставила тапочки под столом, и пошла к двери. Но дойти не успела. За дверью раздался голос: "Настя, открой пожалуйста, это я". Естественно, это был Димин голос. Где-то подсознательно мы это знали. Настя маякнула мне рукой, мол встань за раковину, разыграем мужика. Меня долго просить не надо. Разыгрывать же не меня собрались. Поэтому я быстро скрылась с поля зрения, а Настя, медленно открывала замок.

– Дима, ну что такой нетерпеливый то? Я же не могу голая и мокрая к двери прибежать? Горит что ли? А Галина то где? Вроде ты обещал ее привести сегодня

– Вот, по этому поводу я и пришел, спросить, а ее у тебя нет? А то я что-то ее проворонил. С работы она точно приехала, не знаешь, где она может быть?

– А ты дома то у неё был? Может мать знает?

– Был я у неё дома несмотря на то, что ее мать боюсь, как огня, ещё со школы. Пришлось целую лекцию выслушать о том, что Галка замужем, что у нее детей двое, о том, что раньше надо было к ней бегать

– Ну а что? Правильно тетя Лида сказала. Или правда глаза колет?

– Настя! Мне Галя нужна, а не советы ваши. Все мудрые, спрятаться некуда. А уж учить нас сами не свои. Только не были вы на нашем месте. Лучше скажи, где её найти. Ну очень надо!

– Не надо ее искать, здесь она. Заходи, только ненадолго. У нас дела.

Я сделала шаг к столу, и увидела несчастного Диму. А он увидел меня, скинул обувь прошел в кухню, и обхватил меня сзади.

– Знаете девки, что я вам скажу? Очень хочу, чтобы над вами так пошутили.

Он сел напротив двери, и мы поняли, что он без меня отсюда никуда не уйдет. Опять же я тоже поняла, что с Настей у нас перспектив нет. Можно было уходить, чего ждать то? Я встала и сказала ему: "Пошли, мы не будем так больше делать". Но Настя отреагировала сразу: "Куда пошли то? Мы ещё ни о чём не договорились"

– Так ты не хочешь договариваться, Настя! Зачем мне твоя легенда подосланная? Если хочешь заработать начинать надо с правды? А Дима может все-таки домой пойдет? Или ты ему веришь?

– Я знаю, кто Димины мама, и сколько Дима знает всего интересного. Молчать он умеет, пусть сидит, вдруг мужская сила понадобится?

– Ну так будешь колотиться или нет? Настя, давай быстренько все решим. Потому что время, деньги

– Да перепродать я хочу эту самогонку, есть варианты.

– Если бы не сочиняла, уже бы были на пути к цели. Давай о цене договариваться и об условиях. Чего ты хочешь?

– Ничего особенного, хочу, чтобы ты из моего сахара, и из моих дрожжей выгнала самогон.

– Цену говори. Сколько ты мне за это заплатишь.

– Знаешь что? Сама скажи. Так будет быстрее. А то полвечера будем рядиться. От твоих цифр и будем шагать. Потому что мне хочется заработать, если это возможно.

– И мне хочется. Поэтому делим цену пополам. Половина тебе половина мне. И все.

Я уже, конечно, прикинула, что вообще не имею никаких расходов кроме газа и времени. Это же чудесно. И Настя в этот момент просчитывала свой гонорар. Он ее устроил. Сами посчитайте, какие бешеные это были деньги по тем временам. У нас с Настькой уже эти деньги в кармане лежали. И она спросила: "Это все условия? Или ещё есть?"

– Ещё есть вопрос, где фляги брать будем?

– Считай, что фляги есть. Дима, поможешь принести из магазина?

Дима кивнул головой.

– И ещё, Настя, стоять вся эта бодяга будет у тебя. У меня просто нет места ещё на пять фляг.

Я-то помнила наставления Славы, поэтому грузила Настю по полной. А Настя встала посреди кухни и высчитывали куда же она все это поставит. Пять фляг, это не шутка. Но ей

надо было, и она все это решила быстро.

– А когда мы это все начнем, дорогая моя Галюня?

– Сейчас. Когда ещё то? Где твои фляги и запасы, тащи.

Дима попал под раздачу. Потому что и фляги, и сахар с дрожжами были в магазине. Они перемещали исходники к Насте в квартиру, а я в это время ставила бражку. По этому делу я была большой специалист. Поэтому прошло все достаточно быстро. Спасибо Диме, конечно, который после того, как поднял пять фляг и два мешка сахара на второй этаж, возмутился: "Бабы, вы офигели? Я тоже в доле!". Но Настя не растерялась: "С тобой Галька натурой рассчитается"

– Во-первых, дорогая Настя, у нее столько натуры нет. А во-вторых, давайте как то это документально закрепим. Вот то, что она со мной неделю рассчитывается за услуги грузчика.

– Так вот, забирай её, пока не убежала, и веди рассчитываться. Если убежит, приходи ко мне, я тоже с удовольствием с тобой рассчитаюсь.

– Настя, ты же взрослая женщина, чего говоришь то?

– А что этим дети занимаются? Что-то вы на детей то не похожи.

Но пока шел весь этот процесс начала процесса, я усиленно думала, а что делать с Димой. Раз он пришел, он не отвяжется. Наверное, это не плохо? Я ведь и сама ничего против него не имею, если уж быть честной до конца. Кроме того, я прекрасно знаю, что Вити нет в городе, так что никто не

выпрыгнет неожиданно из-за угла. Зачем отказывать себе в чем-то хорошем? Неделю меня будут возить на работу, неделю меня будут ходить и лелеять. Почему я отсчитала неделю? Ведь можно было больше? Потому что мама Димина на неделю уехала, и потому что боялась привыкнуть. Привыкаешь к райской жизни, а из-за угла раз, и Витя выскочил, и опять разочарование размером со вселенную.

Ну а Настя, по обычаю хотела налить нам своего градусного сока. Димка отказался сразу, он посреди недели не пьет, потому что за рулём. Ну а я же понимала, что я сегодня все равно пойду ночевать к Диме, зачем мне допинг, если и так все замечательно? Поэтому мы распрощались с Анастасией и вышли. До первого пролета мы шли молча. Но Диму видно рвало на куски. Поэтому у почтовых ящиков он просто притянул меня к себе и старался заглянуть мне в глаза.

– Галь, ну сразу скажи мне, ты ко мне на ночь или за воротником?

– Дим, а зачем ты торопишь события? Все может измениться мгновенно, и мои мечты изменятся

– Ты прямо сейчас о чем-то мечтаешь? Расскажи о чем.

– О деньгах, которые поимею с Настинкой самогонки

– А кроме денег ты о чем-нибудь умеешь мечтать?

– Ну что сделать, если от этих самых денег зависит все?

Конечно, я врала ему. Почему? Сама не знаю. Мы в молодости не до конца понимаем, как тот который старается сделать нашу жизнь лучше, ждёт от нас обратной связи. А

мы корчим из себя, важных и неприступных. Я боялась почему-то рассказать этому товарищу, как мне с ним хорошо, даже если не трогать постельные приключения. Мне нравилось его рассматривать, потому что он был красавчик, мне нравилось с ним разговаривать, потому что мы были из одной песочницы, и взгляды на мир у нас были одинаковые. Мне нравилось, как он трогательно делает так, чтобы жизнь моя стала лучше хотя бы в тот момент, когда я была рядом с ним. А я в ответ ни одного доброго слова.

Может я так мстила мужчинам? И не только тем, кто проявлял ко мне интерес к двухногой, но и вообще ко всем, кто попадался мне по жизни? Ведь в моем понимании они меня предали, ведь так выходит? До поезда, можно сказать на руках носили, а потом просто отошли на безопасное расстояние, чтобы не дай бог не запачкаться в чужом горе. Да, в тот момент я думала именно так. Что у них было свое отношение к ситуации, и их обувь тоже в тот момент была не очень удобная, я не думала. Я вообще хоть как-то поняла их лет в пятьдесят. Потому что в пятьдесят все взрослеют, и понимают, что любая ситуация, она не только для тебя, но и для всех, кто рядом. Но в тот момент я упивалась возмездием.

Ну а Дима всяко разное попал под раздачу, потому что он был тогда в ближнем круге. И не хотела я ему рассказывать ничего хорошего. А он соответственно боялся и меня, и того, что я делала. Ведь он даже не догадывался о том, как мне хорошо с ним рядом. Поэтому я и там, в подъезде не хоте-

ла сразу ему говорить, что готова к нему бежать прямо сию минуту, потому что мне нравится все в данном моменте. И он, и его внимание, и все остальное.

– Галь, а Галя! Слушай, я же не прошу тебя мне в любви признаваться, просто сделай меня на несколько дней счастливым. Ну а если нет у тебя желания на такие поступки, извести меня об этом. Или скажи, чем я тебе не угодил, и что надо сделать, чтобы ты вот сейчас не стояла передо мной с задумчивым лицом, а взяла меня за руку и пошла ко мне.

Наверное, в тот момент мне стало жалко и себя, и его, поэтому я взяла его за руку, и мы пошли вниз. Вернее, я попыталась пойти. Димон подхватил меня на руки и спустил до первого этажа. Мужчины от нечаянной радости становятся сильными и всемогущими.

– Я все правильно понял?

– Только сейчас матери обскажу все, и пойдем снимать воротник.

– Галь, только не обманывай меня, я жду тебя

Маме я рассказала все. И про наш стартап с Настей, и про воротник, который подогнала мне Димкина мать, а кто за меня ещё то порадует? Но видимо мы сильно заболтались. Мне же надо было как-то подготовить ее к тому, что не буду я дома ночевать целую неделю? Поэтому я старалась до нее донести это как-то поделикатней и без стресса. Но моя маман относилась к этому легко по одной простой причине. Можно было попросить денег, и истратить их на что-нибудь

для себя. В общем, договорились.

Но когда я вышла в подъезд, Дима обреченно сидел на площадке на корточках, и докуривал очередную сигарету. То, что он смирился с ситуацией, было видно по его лицу. Вот так мы верили или не верили друг другу. Молодцы, ребяташки.

— Дим, ты серьезно думал, что я слиняла насовсем?

— Знаешь, что я навсегда запомнил про тебя? Был один случай. Ты, наверное, не помнишь. Ты своего Ирана выгуливала, а я к тебе прицепился. Я не знаю, зачем тебе надо было на вокзал. Но ты оставила меня вместе с собакой возле пригородных касс и зашла вовнутрь. Зима была. Я тебя ждал полтора часа, пока твоя собака не замёрзла. А ты куда-то свалила с этого вокзала, так походя. Что я должен сейчас думать? Кидануть меня для тебя, плевое дело. Но слава богу, сегодня по-другому. А в тот раз, я домой пошел с твоей собакой.

Да, я знала, как я изводила Димку в нашей юности, а он это терпел. И сейчас видимо готов потерпеть. Поэтому мы все-таки дошли до его дома и закрыли за собой дверь. А дальше Дима обнял меня, прижал к двери и уткнулся в мою шею. Наверное, только в тот момент его отпустило напряжение. А что мне оставалось делать? Как-то же я должна была его поддержать? Я обхватила его руками за шею, и ждала, когда же он придет в себя. Для меня всегда является каким-то откровением слабость мужиков. При чем близко к

сердцу они воспринимают какие-то простые житейские ситуации. А Дима служил то ли в Афганистане, то ли в Таджикистане, и как-то выстоял. А тут вон, Гальяк вовремя к нему не вышла и все.

Наконец то он пришел в себя, но не до конца.

– Слушай, Галюня, я тебе вообще не нравлюсь?

Я смотрела на него и оценивала его адекватность. Как он может не нравится то? Рост, мечта любой женщины. Широкие плечи, мужская фигура, копна пшеничных волос и ярко зелёные глаза. Вот прямо не мужик, а картина! Да, когда-то я не обращала на него внимания, так это не из за того, что он мне не нравился, а из за того, что мне нравился другой! Вернее даже не нравился, а любила я другого. И тогда на вокзале я просто убежала от Димки к тому, к другому. Ну а что прицепился то? Я же его с собой не звала? Но этот другой в настоящее время давно женат. И меня поезд сделал обрубком. Поэтому вопросы, которые ты, Дима задаешь, они бессмысленны.

– Дим, что ты от меня хочешь? Ведь я рядом и с тобой. И да, я проведу с тобой эту неделю. Хотя не хотела тебе это говорить, чтобы не умер от радости

– И ты сейчас ни разу меня не обманываешь? Вот, сейчас снимем с тобой этот воротник, и ты в моём распоряжении?

– Не, не, не, совсем не так. Снимем воротник, я обрежу с него все ненужное, расчешу, посмотрю, подправлю. Потом мы отнесем его в одно место, а оттуда заберём постельное

белье, и вот тогда я буду полностью в вашем распоряжении

— А как долго все это будет длиться, вот все твои манипуляции с воротником и с визитами к посторонним людям?

— Не знаю. Час или два

— Ну это же долго! Давай пойдем сходим в мое распоряжение, и расположение, а потом будем делать все остальное, а? Галя, ты за два часа из меня всю кровь выпила, пожалей меня. Я ведь ничего плохого тебе не сделаю! Ты же знаешь?

— Дим, давай хоть на воротник посмотрим, это быстро, а потом я пойду в твое расположение, оно же это расположение в той комнате на кровати?

— Да где угодно, Галя. Хочешь, на кровати, хочешь на диване, и даже на полу.

— Плоскогубцы давай, чтобы все быстрее было.

Дима принес мне плоскогубцы и пока я дёргала гвозди из пола, изо всех сил мешал мне. Лез с поцелуями, трогал там, где не надо, гладил там, где нельзя было. А я держалась изо всех сил! По привычке, наверное. Воротник то действительно никуда не убежит. Ну и единственное, что я успела осознать, это то, что воротник получился классный, не зря я старалась.

— Все, Дима, уноси гвозди и плоскогубцы, я закончила.

— Ничего с ними не будет, полежат маленько здесь, я лучше тебя унесу. Ты же не будешь сопротивляться?

Какой сопротивляться? На мне же уже расстегнул все пуговички и замочки, меня уже растормошили до такого со-

стояния, что внутри все кипело. Воротник как-то отвлекал от этого, а когда я освободилась, я поняла, что сил сопротивляться у меня нет. Да и зачем сопротивляться? Меня же никто силком не заставлял идти в эту квартиру, я же знала, зачем иду?

Поэтому я обхватила Диму за шею, и подставила губы. Он не ожидал моментального согласия, поэтому затормозил. Поцелуи были сладкими, как все поцелуи по взаимному желанию, предвкушение объятий делало нас счастливыми, поэтому мы валялись на полу, целовались до обморока, и срывали друг с друга одежду. Я даже не чувствовала в тот момент, что пол твердый очень, а ещё какой-то прохладный. Дима очаровал меня в тот момент не своими любовными талантами, а своим отношением ко мне. Я прямо нутром чувствовала его искреннюю симпатию и заботу. Поэтому он первый осознал, что пол, это совсем не то ложе, и решил все-таки переместиться в более комфортное место.

Так началась красивая неделя рядом с красивым молодым человеком. И я, наверное, только три дня не страдала о том, что все это скоро закончится. Вот что за натура то? Когда закончится, тогда и страдай. Зачем заранее то? Да мне кажется, что и у Димы в голове расцветали такие же мысли. Хотя в тот текущий момент на жизнь мне было грех жаловаться, ночи у меня были волшебные, деньги сами запрыгивали в карман, Витьки, отца моих детей в городе не было, а Витька водитель ни разу не приловил меня утром у Димы в машине.

Ведь все было замечательно, но тоска подкрадывалась периодически и сжимала мое сердце. А подкрадывалась потому, что я сама приманивала эту самую тоску своими мыслями.

А с другой стороны, тоскливо мне было потому, что каждый день меня окружали таким вниманием и заботой, что местами мне хотелось расплакаться от того, что в той семье, которую создала я, такого отродясь не было. Хотя я понимала, что неделя радости и постоянное сожительство, это вещи разные, но все равно я поневоле сравнивала того, кто сделал мне детей, и этого, который прорезался в моей жизни на неделю и снова уйдет в небытие. Я же это уже проходила, в те времена, когда и замужем не была, и из отягощений имела только ампутацию. Провести с женщиной неделю в койке, это одно, а дать ей надежду на вечное счастье, это совсем другое.

И посередине недели у нас ещё созрел конфликт. Нужна была ткань на комплекты, и Слава, конечно, был в курсе, и всё должно было пройти по старой схеме. Дело было за ерундой. Надо было как-то от процесса изолировать Диму, потому что он не отходил от меня дальше, чем на расстояние вытянутой руки. И страшно было не то, что Дима рассекретит наш пошивочный цех. Дима был одноклассником Славы, и в данный момент рассекретилось бы все и сразу. Я на сто процентов была уверена, что Славе это не понравится, раз, а ещё я была не уверена в том, что Дима будет держать язык за зубами. Потому что в то время одноклассник-мент многим

не очень нравился.

Что придумать то? Куда пристроить Диму в двенадцать часов ночи? Мне и нужно то от силы полчаса! А некуда его пристроить. Вернее, есть один вариант, но цена за прикрытие может быть не очень корректной. Можно попросить Настю, чтобы позвала меня к себе в гости ночью, по срочному делу. А я свалю на пятнадцать минут, как будто домой. Уж пятнадцать то минут не напрягут героя- любовника? А мне хватит этого времени вполне. Тем более на улице меня видно только тогда, когда я открываю Славе дверь. В общем, ничего мне не оставалось, как идти к Насте. Но опять же договариваться то как-то надо без Димы. А он меня с работы у автобуса ждет. Если не каждый первый, но каждый второй раз! Как быть то?

В тот день повезло. Я успела дохромать до Насти. А как она меня радостно встретила, прямо с распростёртыми объятиями.

– Ой, как здорово, что ты зашла. Мне надо шкурки тарбагана продать, и без наvara.

– А зачем их продавать то? Скоро же сезон?

– Не очень они. Ость какая-то хилая.

– А зачем покупала, раз они подосланные?

– Не я покупала.

– Короче, я тебе шкуры продаю, а ты через час приходишь к Димке и зовёшь меня к себе в гости ближе к полуночи. Сегодня. Я к тебе приду, ты мне перед носом шкурами и бу-

дешь трясти, договорились?

– Ну ладно, как скажешь

– А я найду причину, и свалю минут на двадцать, Диму из квартиры не выпускай, ладно?

– Ты что, на свиданку решила рвануть?

– Настя, мозги то включи. Зачем от Димы на свиданку бегать? Все, я пошла, ничего не забудь, а я все тебе сделаю.

Я, конечно, спустилась на первый этаж, к мамуле с дочурами, и стала ждать Диму. Ну типа никаких дурных мыслей у меня в голове нет. А Дима маму мою боялся до дрожи в коленках, значит ему настроиться надо, чтобы постучать в дверь. Подождем.

Набрался он смелости, и пришел через полчаса. В дверь не стучал, а скребся. Издеваться я не стала. Сразу вышла, и избавила его от страха встречи с мамой.

– Димка, ну хватит бегать за мной. Я же пообещала.

– Прости дорогая, с того самого вокзала я тебе не верю. Признаюсь. Мне всегда кажется, что ты меня кинешь.

– Нет у меня таких мыслей в голове. Ну нет, и все

– Ну и хорошо, что нет. А я просто пришел проверить

– Я все равно сольюсь через несколько дней.

– Ну это же не сегодня, да? Я там пирог привез классный. Сейчас поужинаем.

– Нет не сейчас попозже. Сейчас Я не хочу. А где пирог то взял?

– Я же рядом с комбинатом питания работаю. Привез тет-

кам муки и мяса, они мне за день забабахали

– Вот повезет твоей жене то! Бамс, тетки ужин приготовят!

– Да не женюсь я никогда, Гала, успокойся.

Как раз на ужин и явилась Анастасия. Молодец. Сильно надо продать шкурки. Это хорошо. Ну и конечно мы, конечно, пирог пробовали, а потом Настя рассказала зачем пришла. Все так обстоятельно объяснила, что даже я поверила. И Димка поверил тоже. Анастасия поужинала с нами, проболтала, выполнила, что ей положено, и удалилась. Спасибо ей большое. При любом раскладе я теперь слиняю. И было очень удивительно, что Дима меня отпустил одну. Вот это мне совершенно не нравилось. Я хотела, чтобы в этой ситуации он у меня был под присмотром, а не я у него. Но он то изобразил такую щедрость именно потому, что что-то задумал. По крайней мере так думала я. А что мне было думать? Ходил за мной, как привязанный, за каждым шагом следил, и вдруг, раз, без всяких претензий отпустил к Насте. Что-то тут было совсем не так. А что? Ну видимо узнаю в процессе. Будет, так сказать, сюрприз.

Самое главное, что я насторожились. Раз меня выпустили одну, торопиться не буду. Славку встретить проводить, десять минут. Вот надо как-то выиграть эти десять минут у Димы. Не надо считать себя самым умным. Самое главное было, чтобы они не встретились. С лестницы я спускалась на одной ноге, одна рука держится за перила, другая на стене.

Спустилась быстрее тех, кто на двух ногах. Ни к какой Насте я не пошла, обошла свой дом и встала на углу с другой стороны. Отсюда я и Славу увижу, и Диму, если что. Хотя в те времена обзор ещё загораживал сарай. Поэтому Димин подъезд не просматривался напрямую, надо было поменять положение. Значит и ему меня не видно. Это хорошо.

А Славу я увидела сразу. Поздоровались мы молча, молча открыла ему двери, молча поставили рулоны в угол. Сердце мое стучало, и готовилось к скандалу. Мне не нравилось, что я так напрягаясь из-за чужого мужика. Но ругаться мне не хотелось. Поэтому я опять встала за угол, и стала ждать второй заход. Слава видимо сегодня торопился, поэтому второй заход прошел на большой скорости, а он попрощался и ушел. Чудесный расклад. А я пошла к Насте. Ну надо же хотя бы сделать вид, что я была именно у нее! Она же старалась, врал. И шкуры заодно заберу. Ну а придя к Насте, я уже имела право расслабиться. Шкуры меня уже ждали на столе, Настя показала мне все изъяны. Я все поняла, в том числе то, что изъяны видит только Настя, потому что она этим зарабатывает.

В этот момент и пришел Дима. Ну внутренне я этого ждала, я не могла понять почему он так долго ждал. Ну и я почти счастливая, пожелала Насте спокойной ночи и пошла тоже спать под присмотром Димы. Шла и размышляла о том, какого тёртого хрена он так меня опекает. Что, совсем не догадывается, как это меня напрягает? Неужели это действи-

тельно вокзал, с которого я убежала десять лет назад сделал его таким осторожным? Но я же в конце концов, ему никто? К тому же прекрасно знает, что живу то я с другим мужиком, что за бзики то в голове? От такого контроля местами убежать охота. Вот сегодня в полночь я прямо была близка к этому! Мало у меня своих проблем, ещё и под Диму подстраивайся.

– Гал, ты что, к Славке на свиданку бегала?

Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба. Хорошо, что было темно, а то бы Дима много чего прочитал бы на моем лице. Мне кажется, что я аж присела от неожиданности.

– Ты про какого Славку сейчас говоришь? И про какое свидание?

– Ну что дуру то из себя строишь? В моём классе был один Слава

– А, так ты за мной следил? И это правильно. Опять же убегу с вокзала! И от тебя к Славе убежала, да? Мне же тебя одного мало? Короче, иди ты Дима со своей ревностью, а я пошла домой. Кто я тебе такая? Ты себе кровь свернул, и мне пришел сворачивать. А у меня и так жизнь ни разу не мёд. Поэтому, спокойной ночи дорогой, потом за сумкой зайду.

И я не разу не притворялась, мне было обидно, и я прямо озверела. Что в голове то у человека? Так любит? А чего же не женился на мне с разбегу, когда из армии пришел? Вот тогда бы я не бегала по ночам деньги зарабатывать! А так, ты мне никто! Радуйся, что я такая любвеобильная. Была.

До тех пор, пока ты не переборщил. Все, будя, порадовалась несколько дней, и достаточно. Ещё бы чужой мужик за мной не следил и претензии мне не предъявлял.

Я развернулась, сдернула с Диминого плеча шкурки, и, как могла похромала в сторону родного подъезда. В первый момент Дмитрий, наверное, не осознал, что я реально разозлилась и ухожу, поэтому продолжал что-то говорить, а я уже не слышала. Я была настолько злая, что злость стучала в ушах молоточками.

Но наконец то он понял, что он один рядом со своим подъездом и разговаривает сам с собой. До него дошло, что наговорил что-то лишнего? Или он не готов был в тот вечер расстаться со мной? Но его рука мне на плечо легла в тот момент, когда я открывала дверь в родной подъезд. У него же две ноги было, и догнать меня было не сложно.

Просить прощения и признаваться в своей не правоте Дима не стал, он просто обхватил меня за бедра, приподнял и понес туда, куда ему надо. Тем более стеснялся было некого, вокруг была темь непроглядная и безлюдье. Ну и пускай несёт, это ничего совершенно в его жизни не меняет. Я обиделась и разозлилась. Было бы здорово, если бы я так злиться могла на Витюшку. Но относительно этой вип личности, я даже думать не могла в сторону капризного поведения. Давай, покажи свой характер, мигом в глаз получишь. Будешь залечивать синяк и осознавать, что так с мужчиной поступать нельзя. Просто, потому что, он мужчина, значит

по умолчанию, господин.

А перед Димой то можно было выкаблучиваться до посинения, все вытерпит и простит. Но дни, которые были впереди, я хотела провести в любви и согласии, раз уж меня вернули. Поэтому воспитательную работу решила провести сегодня. На диване я спать не люблю, поэтому раздвинула две кровати из которых Дима соорудил ложе для любви, и продемонстрировала Диме свой боевой настрой. А Дима, с того самого момента, когда подхватил меня у моего подъезда, и до сна, не сказал мне ни слова. Принес мне чаю, задернул шторы и удалился. Спи, мол, дорогая, если я тебе надоел, и, если тебе нужен покой. Но я-то надеялась совсем на другую реакцию. Мне нужно было, чтобы он лежал на соседней кровати, а я клевала ему мозги.

Я полежала на кровати минут двадцать и поняла, что, если я не поскандалью, я не усну. И уже почти собралась идти поближе к Диме, чтобы отомстить ему за все, как этот самый Дима явился сам. Вот и славненько. Сейчас я на тебе отоплюсь, милый, дорогой, любимый, единственный. И я уже приготовилась начать. Но у Димы были свои планы. Потому что оказывается он был живой, а я и не догадывалась, и потому что он решил облегчить душу перед сном. Но я-то усиленно делала вид, что спала, пусть расслабиться, чтобы стукнуть побольнее. А Дима выключил свет во всей квартире, и зайдя в комнату свет включать не стал. Просто не слышно прошел к соседней кровати и сел.

– Я знаю, Галя, что ты не спишь, и знаю, что тебе не понравилось моё поведение. И сразу ты начала бастовать, да? Зачем? У нас всего несколько дней. Будет продолжение или нет, мы не знаем. Давай испортим друг другу эти дни! Это же самое лучшее, что мы можем сделать друг для друга? Ты обиделась? Ты разозлилась? И во всем этом, кто виноват? Я. Знаешь почему виноват? Потому что я самый удобный. Сколько мы друг друга знаем? Лет пятнадцать? Сколько лет я за тобой хвостиком ходил? Много. Что я к тебе не равнодушен, ты знала с самого начала, я же сам тебе все рассказал. Помнишь в новый год, у Олега на квартире? Мы с тобой лежали на кровати его матери? Просто лежали. Сложно мы лежать стали позже, и очень редко.

Ну в общем то я уверен, что ты все помнишь, и все знаешь. И мне кажется, что с этого самого момента ты поняла, что со мной можно ставить любые эксперименты. И ты ни разу не стеснялась, да? Помочь что-то нужно, это Дима, в угол кого-то надо поставить, тоже Дима подойдёт! В общем я был для тебя удобен во всех вариантах. Любимый твой тебя обидит, а я твои слёзки утирал. Просто так, без каких-либо ожиданий. А ты очухаешься, и опять забудешь Диму, который в итоге стал мечтать о том, чтобы тебя каждый день обижали, и ты каждый раз ко мне бегала. Ты бегала, но редко. И за кого ты меня всегда держала? За подружку! Просто чудесная роль у меня была.

Ты тут гордишься тем, что это ты первая ко мне пришла?

Когда? Триста лет тому назад. Ух ты, героиня! А почему пришла то? От большой любви? Да не дождетесь! От скуки. И ещё не надо забывать, что ты к тому времени замуж сходилa, а я то, моя дорогая что-то даже по сторонам глядеть не мог. Ты когда-нибудь была на моем месте? Это ещё не известно, кто под поезд попал, ты или я. Это ты в реанимации под промедолом лежала, а я без всякого наркоза пытался понять, а как мне дальше то жить? Ведь все говорили, что в тебе жизни осталось на три дня! А ты тогда была смыслом моей жизни. Хорошо, что армия на меня навалилась, хоть отвлекся немного. И ты отвлеклась, замуж вышла по быстренькому.

Поэтому не надо меня сейчас винить во всем подряд, я просто хочу быть эти дни рядом, если есть возможность. Потому что, когда в следующий раз такой случай выпадет, я не знаю. Потому что про себя я знаю все. И ты узнаешь это, но не сегодня и не от меня. Ну а если не узнаешь, тем лучше. Останусь для тебя молодым и беспроблемным. Потому что каждый чувствует только свою боль. Так что дорогая моя, ты можешь бастовать, наказывать меня, и издеваться тоже. В моем отношении к тебе ничего не изменилось. Поэтому бегаю за тобой, как в пятнадцать лет, хотя мне давно не пятнадцать, и давно мне жениться надо, но, а на ком мне жениться то?

Дима разделся, лег на кровать, и отвернулся к стене. Наглаживать тактильный контакт он не собирался. Ну, хорошо, я тебя выслушала, а теперь ты меня слушай!

Я резко села на кровати, так чтобы Дима это услышал. Хотя я на сто процентов была уверена, что он не спит. Потому что слова из нас не просто так, слова они идут через тело и душу. А Дима, действительно за все время нашего долгого знакомства не сказал мне ни слова в упрек. Да, плакалась я ему в жилетку на свою то ли безответную, то ли ответную любовь, и не разу не думала, а что Дима чувствует, когда меня успокаивает? Да по фигу он мне был, я же его не любила, я другого любила. А Дима просто удобный мальчик, готовый ради меня на все. Вот я этим и пользовалась, да он прав сто раз. Но ведь и он на моем месте не был. Да на нем лучше и не бывать!

— Димуля, дорогой мой, и что, я теперь должна тебя пожалеть? А что ты то меня пожалеть не пришел, когда я лежала разорванная поездом на куски? Никто. Слышишь? Никто тогда не пришел. А мне не надо было тогда ничего, просто за руку подержать. Мне даже ухватиться не за что было, чтобы жить! И раз, все вокруг пропали, кроме мамы и Стёпы. Хотя Стёпа тоже слился маленько погодя. Да, конечно, я должна тебя понять. А с какого перепугу то? Ты же вроде мужик? Чего испугался то? Что увидишь совсем не ту, которой в любви признавался? Да, Димочка! Выходит, любовь твоя какая-то подосланная, мне так кажется. А ты мне про страдания рассказываешь.

Славу тут сегодня упомянул, да? А Слава мне никогда и не рассказывал, что я ему нравлюсь до дрожи в коленках. А

в больницу припёрся из-за любопытства. Посмотреть, как я из румяной красавицы превратилась в черный обрубок. И я уверена, что со всеми в округе он поделился своими впечатлениями, потому что впечатления у него тогда были, ого-го какие! Всем впечатлениям впечатления! Я когда себя в зеркало первый раз после поезда увидела, долго привыкала к отражению. А ты то, что не пришел, а? Ну ладно, не через месяц, а через три? Желания не было? Так ты же бедный все терпел от меня, и это бы как-нибудь вытерпел? Нет. Ты дождался армию и свалил.

А теперь я виновата в том, что я тебя не дождалась и замуж вышла? Ну это вообще удивительно! А ты мне что-нибудь тогда сообщил о своем желании, а? Ух ты, пля, он женится на мне хотел, а я не знала! А вот Генка хотел, и женился! А ты то сейчас можешь говорить все, что угодно! С какого перепугу я должна тебе верить? Ты какие-нибудь действия совершал? Да, ходил за мной как приклеенный. И что я должна была из этого понять? Зато после поезда мой милый, я что-то тебя ни разу рядом не видела. Мне кажется, что ты даже ходить домой зигзагами стал, чтобы не дай бог я тебя, одноногая не увидела. А то ещё вспомню неожиданно, как ты мне рассказывал о своей симпатии и прицеплюсь!

Так что не надо, мой дорогой из себя героя то строить. Потому что получился из тебя знатный потаскун, а не герой. Это тоже от большой любви? Скажи, кого ты в нашем околотке ещё не поимел, а? Ты же у нас самый, самый. Внеш-

ностью бог наградил такой, что мимо не пройдешь, даже если захочешь. Да ещё мамуля в торговле. Все, витрина у тебя замечательная. Любой подмигни, и она уже у тебя в койке! Да и подмигивать не надо, они сами к тебе цепляются, да? У любой из вашего дома спроси, и каждая была в твоей постели. А в доме семь подъездов. И тебя ни грамма не смущает даже то, что жены твоих вроде как друзей в твоей кровати оказываются! Вот как ты нарахват.

Поэтому не верю я, Димуля, ни одному твоему слову. Потому что слова, они просто слова. Действий я никаких с твоей стороны не видела. А вот как ты наших девок к себе в кровать таскал, видела. Как никак, наши окна друг на друга смотрят вечером и днём. Девок таскал, а ко мне ни разу не пришел, да? Я к тебе пришла. Да. Потому что замужем уже побывала, все поняла, а подходящей кандидатуры на контакт не было. А мне очень надо было. И тут вспомнила, что когда-то в моей жизни был ты. Смотрю, в ночи окно светится, вот и зашла. И притормозила у тебя на три дня. И что? Ты замуж меня позвал? Три раза хаха! Сколько с тех пор до сегодня прошло? Пять или шесть лет? И ты мне о своих страданиях рассказываешь? Не верю!

Я так разошлась, что пока высказывала тому, кто на соседней кровати, свои претензии, мне стало так жалко себя и обидно за себя же, что мне хотелось взять в руки что-нибудь потяжелее, и избить Диму. Потому что я реально не понимала, а почему это такой страдалец семь или восемь лет после

поезда ждал, чтобы ко мне подойти! Так страшно было? Ой, умираю! Так всем было страшно подойти к одноногой, верю. Но они же мне в любви не признавались, поэтому я от них ничего и не ждала. И от Димы тоже не ждала. Не понятно почему он решил ревновать меня и указывать линию моего поведения

Я так разошлась, что даже когда поняла, что вроде все высказала, не могла остановиться, хотя понимала их всех, с одной стороны, да маленькие мы все были в тот момент, да, испугались, но понимать ситуацию то надо! Струсил? Не диктуй свои правила, и сострадания от меня не жди. Когда мне было нужно ваше сострадание и поддержка, где вы все были? В уголок забились. И мне сейчас по барабану ваши страдания. Вот на такой ноте, я залезла под одеяло и мгновенно заснула. Наверное, после этой речи мне сильно полегчало. Хотя речь это была обращена не только к Диме, а ко всем, к кому у меня накопились претензии. Ну а что Дима оказался крайним, я не виновата. Сам напросился.

Зато утром меня будили шепотом. Я, конечно, проснулась, и сразу вспомнила, какой разнос вчера устроила. Димку стало жалко. Я всегда мужиков жалею, как будто они не мужики, а дети малые. Но виду то я не подала. Как это признать, что я была не права? Тем более, что он сам уже признал, что не прав. Если бы не признал, будил бы по-другому. А тут прямо не Дима, а бабочка махаон крыльями машет. Хотелось прямо сразу его успокоить, и сказать, что все

мол, проехали, следующая остановка "перемирие", но принципиально не стала этого делать. Пусть помучается, мне тоже вчера не очень то приятно было. Поэтому я встала, как деревянная, и стала готовится к выходу из дому.

Но Дима, конечно, был и редиской, и страдальцем, но вот дурачком он точно не был, поэтому у него уже был готов план замирения. Он же прекрасно понимал, что время то тикает. А ещё он понимал на чём меня можно приловить. Поэтому подкат он начал в машине.

– Давай я продам твоего тарбагана, а? Прямо сегодня?

– Ну во-первых, тарбаган то монгольский, а принадлежит он Настюше. А я так, как всегда, между теми и этими. А где ты его продашь то посреди недели?

– Теткам в комбинате питания предложу, их там вместе с кладовщиками и уборщицами человек сорок работает. Шкур в два раза меньше

– Так уж и в два? Вроде Настя сказала, что двадцать три штуки, я не пересчитывала

– Да, точно, двадцать три, я пересчитал. Так продавать или нет?

– Продавай, если есть возможность. Это лучше, чем по барахолке в выходные с ними таскаться

– И что мне будет, если продам?

– А что тебе надо то за твою услугу?

– Бросай дуться, Галь. Ну, не сдержался, я же живой

– И я не мертвая. Тоже помни об этом, да?

- Договорились? По рукам?
- Договорились, продавай.
- Какая цена то у них?
- Восемнадцать рублей штука.
- А по чем их продавать то?
- Дим, за сколько сможешь, за столько и продай, но не ниже Настиной цены
- Тебя навар вообще не волнует?
- Если хочешь, забери этот навар себе.
- Насмешила. Как-то стыдно мне. Тем более денег мне вполне хватает, это я ради тебя, скандалистки.
- Дима, не начинай, да? Мы вчера еле остановились.
- Ты помнишь, кстати, что ты вчера воротник принесла?
- Помнить то помню, только я его что-то не посмотрела совсем. Это ты меня с толку сбил своими жалобами.
- Классный воротник. Он даже новый так не выглядел.
- Хорошо. Значит продам дороже. Там на одном воротнике можно больше срубить чем на всех тарбаганных шкурках.
- Все, приехали. Я за тобой вечером приеду, ладно?
- Зачем это? Боишься, что убегу? Или приятное сделать хочешь?
- И то, и другое. Я напротив конторы встану. Выйдешь, глянь. Не беги сразу в автобус.
- Хорошо, договорились
- Эй, ты куда? А поцеловать?
- Не фиг вечером было разборки устраивать, тогда бы не

пришлось поцелуи выпрашивать.

Я вышла из машины и удалилась. Пусть поспихует хотя бы до вечера. Мне же надо было марку держать. Тем более на работе продолжалась распродажа постельных комплектов. Это меня затягивало. А ещё я теперь каждый день слушала, как Светка готовится к свадьбе единственной дочери. С одной стороны, вроде все хорошо было, а с другой стороны, Светка как будто бы в транс впала. Я не могла понять, о чем она думает целыми днями, когда уже и столовую сняли, и поваров наняли, и дочечка ее будет самой красивой невестой. Но Светлана Николаевна была какой-то очень задумчивой. А я не могла понять причины. А задумчивая Светка мне не нравилась, она была какая полу мертвая. Чем-то не понятным была занята ее голова.

И выходила так, что я целый день ее развлекала. И развлекала не просто. Я хотела понять, а как поправить дорогой моей подруге настроение. Потому что я ее любила, и переживала за нее. А она с этой свадьбой, стала какой-то чужой и отдаленной. Хотя иногда возвращалась из того мира, в котором находилась, и становилась родной и близкой. А я про себя молилась за то, чтобы эта свадьба наконец то началась, и закончилась, и Света продолжила жить свою простую и давно привычную жизнь. Тогда я ещё не знала, что для Светы эта свадьба, начала конца. Но, а для меня великий жизненный урок.

Вечером Дима стоял на своей Волге не у конторы, а прямо

на остановке. Не надо было никуда смотреть, ничего выглядывать. Вышел с проходной, посмотрел в сторону Ангары, и вот он, ожидающий товарищ. С одной стороны очень приятно, а с другой стороны вообще зря. Народ такой, что все это разукрасят и разнесут по деревне. А в деревне живёт Витка водитель, а мне с ним никак нельзя отношения портить. Это сегодня деньги сбились в стаю и летят ко мне косяком. А завтра это может измениться, и единственным поставщиком денег будет Витя. Беречь его надо, как зеницу ока. Я не знаю, как он отреагирует на соперника. Поэтому я скользнула на сиденье быстро и бесшумно.

Хорошо, хоть у Димы хватило ума сразу рвануть с места, через пять минут, я думаю, все и забыли, что на остановке стояла Волга, и что в нее села я.

– Привет, Галюня, мы же ко мне едем, я правильно понял?

– Ну если ты приехал для того, чтобы увезти меня ко мне домой, то поехали туда

– Тебе вообще ничего сказать нельзя, все переиначишь

– Не задавай глупых вопросов, не будешь получать неприятных ответов

– Ты же успокоилась? Все забыли? Но слышали друг друга?

– Я все слышала, но Дима, у меня есть своя боль, и она больнее, чем твоя. Не собираюсь я понимать никого. Меня ведь никто не понимал. Поэтому я тебя слышала, но ничего не изменилось. Я имею в виду моё отношение к тебе

– А я и не стремился поменять твоё отношение, я пытался донести до тебя, что мне было не легко.

– Все? Донес? Или начнем вторую часть Марлезонского балета?

– Все, замолкаю. О, кстати, у меня для тебя хорошая новость. Тарбагана твоего я продал.

Дима достал из бардачка и положил мне на колени пачечку денег. Я, надо сказать, удивилась. Быстренько мальчик сработал. Или просто рисуется? В том смысле, что просто есть деньги, и он их отдает мне. А себе убыток возместит позже. Но пытаться его я не собиралась, решил сделать меня счастливой? Делай. Все равно через пару дней это закончится. Я взяла деньги в руки и пересчитала. В кучке было пятьсот восемьдесят рублей. Это значит, что он продал двадцать две шкуры по двадцать пять рублей, и одну шкуру за тридцать. Хороший навар. Он же переживает за моё отношение к нему, как я понимаю? Для меня он заработал 166 рублей. Похвали его, Галя, он старался.

Я положила деньги в сумку, повернулась к Диме, и поцеловала его в щеку: "Спасибо, Дима". Но Димулю такой поцелуйчик не устраивал, у него ночь прошла впустую. Поэтому он притянул меня к себе, и хотел чего-то большего и прямо сейчас. Но я ему показала пальчиком на дорогу. Хотя машин в те времена ещё и не было, вернее были, но мало, заниматься в машине любовью я не любила и не люблю. Зачем? Для этого есть кровать. А если скучно в кровати, мой бывший

муженек говорил, что в таком случае страсть ушла, и нужно менять партнёра. Я так не считала, но все-таки обниматься с мужиками любила дома. На любых плоских поверхностях.

Но Дима же меня очень плохо знал. Две вспышки нашей любви проходили по правилам, именно в кровати и почти безостановочно. Меня это вполне устраивало. И Дима со своими навыками меня устраивал. Ведь в этом деле что главное то? Доверять друг другу. И тогда все будет во благо и на радость. У нас так и было, пока Диму не заносило в дебри прошлого. А в данном случае, он, наверное, осознал, как бездарно испортил ночь и хотел это наверстать: "Хорошо, я смотрю на дорогу, доезжаем до дома, и поднимаемся на третий этаж с конкретной целью, ага? Без твоих коммерческих планов, и без ужина? Просто заходим, раздевается, ложимся, я соскучился"

– Димуля, это же тебе вчера захотелось эмоциональной встряски, я не горела желанием выяснять отношения. И правда, спасибо тебе за тарбагана. Честное слово, я исполню все твои желания. Только давай Насте деньги занесем сразу. Чтобы потом не отвлекаться

– Вот я так и думал, что всплывёт какая-нибудь херь. Ты просто не умеешь по другому. А что Насте деньги завтра нельзя занести?

– Дим, ну это же пять минут. Зато все, до завтрашнего утра нам никто не будет мешать.

– Ну да. Только мне ещё машину в гараж угнать надо. Ма-

шина под окнами, это мысли о машине, а не о тебе.

– Ну пару часов то она может постоять? Или нет? Если хочешь можешь гнать ее сразу.

– Нет, сразу не погоню, сделаю это тогда, когда ты мне надоешь. И деньги Насте отсчитаю. Ты пойдешь хромать на третий этаж, а я унесу деньги

– Да пожалуйста неси. Только донеси до адресата.

– Это ты меня так подколола, да?

Мы остановились у Диминого подъезда. Как приказал благодетель я вышла и пошла домой к Диме. А он поставил машину так, чтобы было видно из окна, и побежал к Насте. Догнал он меня между вторым и третьим этажом. И тут я уже не имела ничего против начала сеанса любви. Тем более Дима проводил его мастерски. Ведь я тоже жалела о том, что ночь прошла бездарно до безобразия

Я, конечно, могу сказать двояко. С одной стороны, мне очень в жизни везло с мужчинами. Я, конечно, имею в виду не семейный союз, а плотскую любовь. И хотя особо талантливых, так чтобы вот прямо, лучше не бывает, было не больше пяти человек, но это же талант, большинство мальчиков, юношей и мужчин в моей жизни относились к этому процессу с ответственностью. Не так, что использовал женщину, и все. А так, чтобы не только ты понимал зачем ты с женщиной, но и женщина понимала зачем она с тобой. Сейчас мне кажется, что этот особый взгляд к процессу рождается вместе с мужчиной, а тогда я над этим не задумывалась,

потому что в моменте я об этом думать не могла, а вне момента было некогда.

Но именно в те времена, ещё не имея жизненного опыта, я поняла, что такое общение между мужчиной и женщиной, это и клей для отношений, и лекарство, и элексир для тонуса. С тех пор знаете чем занимаюсь в общественном транспорте? Рассматриваю лица женщин. Если женщину обнимали прошлой ночью, и это были искренние обнимашки, она светится изнутри, вот прямо, как маяк на обрыве, освещает своим внутренним светом все. А самое главное, все у нее самой хорошо, и с партнёром, и в жизни. Жаль, что мало у нас таких женщин светлячков. Не знаю, от чего это зависит. От мужчины, который рядом, или все-таки от женщины? Потому что исследований не проводила.

А мужчины, с которыми бывала я, и Дима в том числе, вот таким примитивным способом, делали меня счастливей. Хотя бы на время вытаскивали меня из моей безысходности. Потому что тогда, обнимаясь с Димой, я понимала, что скоро появится Витя, и придется опять из женщины превратится в кухарку, посудомойку, прачку, подавальщицу, а этот процесс обмена энергией между мужчиной и женщиной, который описали и поэты, и прозаики, станет для меня иногда не исполнимой мечтой. Поэтому я валялась с Димой на кровати вдохновенно, и не ограничивая ни себя, ни его ничем. Тем более даже в той, можно сказать, ранней молодости, я понимала, что такие мужчины никогда не осудят тебя за то,

что ты делаешь в постели. Это важно.

Но кроме того, что Дима так украсил наше общение после ночи прогулов, он ещё помнил, что под окном стоит машина, которую нужно угнать, что из кровати иногда нужно вылезать для того, чтобы восстанавливать силы. Поэтому он в определенный момент прекратил нашу оргию, и встал. Одевался он как в армии, 45 секунд. Потом предупредил меня, что он положил в раковину под воду размораживается мясо, и чтобы я приглядывала за этим, но он постарается вернуться минут через двадцать. А ещё, уходя, он бросил в меня воротником, который я на днях переделала, и который Татьяна Дмитриевна облагородила подкладом из саржи.

Воротник лежал в обыкновенном целофановом мешке, и так и прилетел мне на кровать. А Дима хлопнул дверью и ушел. Я вытянула шкурку из пакета, и поняла, что мы, с Татьяной Дмитриевной, когда это делали, обе были в ударе. Такая шикарная красота получилась, ни в сказке сказать, ни пером описать! А ведь я когда снимала этот воротник с лекала, даже и не заметила этого! Или голова другим была занята? Ну во-первых, я конечно смыла с него двухлетнюю, или трёхлетнюю грязь, не знаю, сколько его эксплуатировали, а во вторых придала форму, которая очень подходила шкурке из серебристой лисы. И сейчас у меня в руках струился не воротник, а целый палантин.

Но красота, красотой, но в те времена я была очень материальна. Я, конечно, восхитилась результатом своего труда,

но больше в тот момент я думала о том, а за сколько же продать эту красоту? И мысленно благодарила Димкину мать за то, что она дала мне продать этот воротник. Цену Я придумала не слабую, 350 рублей. И в этот момент я увидела зеркало. Обыкновенное зеркало на платяном шкафу. Как раз в мой полный рост. Смотреть на себя безногую, я не любила, но очень хотелось посмотреть на воротник. Поэтому я пару раз прыгнула, и оказалась в том месте, где можно было опереться на стену, и полюбоваться и на себя, и на воротник. Этим я и занялась.

Конечно, конечности у меня не хватало, но девочкой я была красивой, и ампутация и роды никак не повлияли на мою фигуру. Просто сделали из меня Венеру Иркутскую и всё. Поэтому мы со шкуркой дополняли друг друга. Потому что не бывает ничего красивее женского тела, слегка прикрытого мехом. И как только я не пристраивала в тот момент эту шкурку. И на плечи, и на бедра, и на живот, и на грудь. Иногда прикрывалась, иногда наоборот подчеркивала наготу. За этим занятием и застал меня Дима. А я так увлеклась, что и не слышала, как он вошёл. И в итоге я, опершись о стену в костюме Евы, крутила вокруг себя шкуру, а Дима, замерев в коридоре, наблюдал за этим процессом. Сейчас то я точно могу сказать, это было не красиво, это было просто шикарно.

Когда я заметила возвращение блудного любовника было уже поздно. То есть уже не было смысла скрываться, одеваться, строить из себя девственницу. Все, что могла в тот

момент, я уже сделала. Обеспечила себе интересную и беспокойную ночь. И мне это нравилось. И я от этого не уставала. Скорее всего потому, что перспектив в семейной жизни у меня не было никаких. Значит надо было пользоваться тем, что есть. А то, что в тот момент было рядом со мной, это был совсем не худший вариант. С учётом того, что я прекрасно понимала, что все это буквально завтра закончится, а что начнется, я вполне предполагала. Все что угодно, кроме нежности в постели.

А утром мы попали на барахолку. Хотя я не хотела, чтобы мы шли вместе. Но Дима решил, что ему по фигу косые взгляды и слова осуждения. А я-то могла переживать только за одно. Меня с Димой увидит Витя. Но про Витю никакой информации не было, значит он ещё не вернулся. Если бы он был в Иркутске, уже бы давно кто-нибудь настучал. С самого начала Димуля сказал, что воротник будет продавать он, и чтобы я ему просто не мешала. Но я же его предупредила о том, что через пару дней явится его маман, и ей бы желательно уже отдать готовые деньги. А ещё я ему сказала, что, если цена будет 350 рублей, мне хватит выше крыши. Но, как я поняла позже, Диме до фонаря было то, что я говорила.

Во-первых, для начала он меня пристроил в хорошее место, чтобы я не таскалась за ним. Ну это мне было более-менее понятно, и к этому я была готова. Но то, что Дима завернул цену за воротник 500 рублей, я пережить не могла. Ну, потому что, мне казалось, что за такие деньги воротник не

продать, даже с учётом того, что он запредельно шикарный. Но Дима, когда загнул цену, рассчитывал не только на красоту воротника, но и на свое обаяние. А я в это слабо верила. Поэтому он меня и пристроил в знакомую компашку, чтобы я его не смущала и ему не мешала. Опять же продавал он все это по-мужски. То есть этот воротник никто и не видел.

А мне то нужно было, чтобы он этот воротник каждому встречному предлагал. И пока он был в поле зрения, он постоянно натёкался на мой недовольный взгляд. Но терпеть он этого не соби­рался, поэтому скрылся с горизонта. А я осталась в неведении. Но так как Димка меня пристроил к друзьям- спекулянтам, мы с ними естественно сообразили на троих или на пятерых не помню, и нам стало более или менее весело, поэтому Дима вместе с воротником отошёл на второй план, до тех пор, пока я его не увидела. Это было разочарование дня. Воротник не продан! Но закатывать истерику на рынке было не красиво. Поэтому я с нетерпением ждала, когда мы останемся вдвоем.

– Дим, ну ты же знал, что не продашь его за такие деньги? Зачем экспериментировал?

– Ну сегодня не продал, завтра продам, в чем дело то?

– Ты так уверен? А меня терзают смутные сомнения!

– Ну и не продам я его завтра, что случится то?

– Ничего. Просто два дня псу под хвост из-за твоей то ли глупости, то ли жадности

– А я себе не зарабатываю. Сколько мне дадут за этот во-

ротник, столько и отдам тебе. Так что жадность тут ни при чем

– А что при чём? Скажи мне, зачем тебе такая цена?

– А у меня идея есть. Хочу вот попробовать.

– Что хочешь попробовать?

– Ближе к вечеру узнаешь. Тебе тоже понравиться.

– Ты уверен?

– Я постараюсь.

Стараться он начал, как только мы зашли в квартиру. Мы же не ели с самого утра. А со вчерашнего дня осталось запечённое мясо. Но к мясу зачем-то появился коньяк.

– А что, Дима, есть повод выпить? Или без повода?

– Ну ты же накатила на рынке? Не хочешь, не пей. А я выпью.

– Я выпью, конечно, но ты знаешь мои правила. Вот пока этот коньяк бродит в моей крови, даже не приставай.

– Да знаю я, просто поедим, отдохнем, поболтаем.

Это был развод. Почему я в тот момент не поняла, что Дима хитрит? Он не умел просто лежать с женщиной! А если он согласился на это, ему было очень надо! Вот надо было и задуматься над тем, а чего ему может быть надо от меня? Тем более, когда мы лежали в кровати и трепались ни о чем, с нами опять был третий собеседник, коньяк. Дима чего-то боялся? Наверное. А меня он зачем спаивал? Чего он хотел от меня пьяной? Я об этом не думала. И даже если бы подумала, все равно бы, не догадалась. Ну, потому что та идея,

которая созрела в голове у Димы на тот момент была не то что нова. Она была чужда моему пониманию. Но он же не торопился, он с помощью коньяка делал меня толерантной.

Поможет ли коньяк он наверняка не знал, но сильно на это рассчитывал. А я-то даже не подозревала о том, что он мне предложит.

Впереди у нас было полдня, мы, не торопясь пили коньяк из маленьких рюмочек и кайфовали. Мне было хорошо с этим товарищем. Ведь все претензии друг к другу мы высказали накануне, поэтому сейчас просто перемывали кости одноклассникам и знакомым. Потому что я допустим о них ничего не знала, я жила тогда уже своей жизнью. И она была настолько плотно насыщена событиями, что даже если я кого-то и встречала из прошлой жизни, я просто здоровалась и бежала дальше. Дима как-то неожиданно проявился в моей жизни, и я была не против. Поэтому лежала и слушала, кто умер, кто переехал, кого посадили. Да, жизнь она такая, не предсказуемая.

Но Димины руки вот прямо не знали покоя, он меня трогал, гладил, и я не могу сказать, что я сильно сопротивлялась. Просто для себя то я знала, что сегодня дальше обнимашек и поцелуев дело не пойдет. Не умею я близко общаться с мужиками в пьяном виде. Конечно, если вижу мужика в первый раз, и он мне очень нравится, и я хочу, чтобы он застрял на время рядом со мной, то готова совершить такой подвиг. Но Диму то я давно знала, поэтому не считала нуж-

ным общаться с ним под одеялом на пьяную голову. А он ведь меня усердно спаивал, я это понимала. Конечно, он пил вместе со мной, но он мужик, в него больше входит.

А я понимала, что если бы я не притормаживала процесс, я бы уже давно наклюкалась и спала, а так, как я никуда не торопилась, то я находилась в состоянии эйфории, лежала у Димки на груди. Протез жил отдельно от меня, поэтому тело моё было на свободе и отдыхало. А если Дима хотел завести себя поцелуями, и блужданиями своих рук по моему телу, то ради бога. Пусть гладит меня, пусть трогает, мне это сегодня нравится и не более. Ночь свою сегодняшнюю он испортил вот этим самым коньяком. Потому что коньяк, это удовольствие в рассрочку, ты очень долго просто под кайфом, но в итоге тебя все равно вырубит. И я об этом знала.

Но у Димки то была своя цель. Мне пока неизвестная. А напоил он меня потому, что хотел меня просто на что-то уговорить без скандала

- Слушай, Галь, ты фотографироваться любишь?
- Ну скажем так, любила в прошлой жизни.
- А что сейчас не так?
- Дим, ты совсем ничего не понимаешь? Все не так! А что это тебя куда-то понесло? Ты вроде водитель, а не фотограф.
- А я бы просто сфотографировал тебя на память
- Димуля, я помню, что у тебя есть мои фотографии на память, так что не сочиняй
- Ты сейчас другая

– Короче, давай замнем, мне не нравится эта идея

И он замял. На время. Коньяка было ещё много и время у нас было. Но теперь мы уже говорили о фотографии, и я неожиданно узнала, что у Димки есть и фотоаппарат, и какие-то минимальные навыки фотосъемки. А ещё я послушала концепцию нашей фотосессии. То, что я была удивлена предложением, это вообще не передаёт моего тогдашнего удивления. Я была просто ошарашена до того, что в первый момент хотела этого Димулю фэйсом об тэйбл! Ты за кого меня держишь то? Я просто на такое не способна! Хорошо, что, прежде чем закатить ему скандал, я все-таки решила посмотреть на его лицо и понять, а что же у него в голове то? От этого мне полегчало. Ну а спустя время я ещё и поняла кое-что.

В ту субботу Димка вполне мог продать воротник, за те деньги, за которые хотел. Но ему это было не нужно. Потому что у него возникла вот эта самая идея, которая сорвала ему крышу. И вместо того, чтобы продавать воротник, он нашел фотоаппарат, и получил минимальную информацию о фотографии. Знаете в чем заключалась его идея? Он хотел с этим воротником. Шикарным, огромным. Сфотографировать меня. Но было у него одно пожелание. Чтобы кроме воротника из одежды на мне ничего не было. А время то было какое? А воспитывал то меня кто? И даже при моем развратном поведении, я не могла представить себя на фотографии в стиле ню, слегка прикрытой шкуркой серебристой лисы. Именно

поэтому я хотела посмотреть этому извращенцу в глаза, чтобы понять его желание.

Но в глазах у Димы не было ничего пошлого или вульгарного. В глазах у него была просто просьба. Галя, я хочу тебя запомнить такой. Я же тогда ещё не думала о том, что все мы на этой земле гости. Вот мы пришли, и скоро уйдем. А даже если не уйдем никто не гарантирует нам того, что мы встретимся завтра. Я же была молодая и бешеная. Я не верила в смерть и разлуку. А Дима, наверное, верил. Но его голова, это его голова. А я просто послала его и с его идеей, и с его просьбой. Послала туда, куда считала нужным. Ну не принимал мой мозг такого вида искусства, хоть убей. Дима выслушал все это спокойно. Он то знал, что коньяк ещё не закончился, и что у него есть ещё много шансов. Он, наверное, просто думал, с какой стороны ко мне подкатить.

Поэтому объяснив все один раз, Дима просто замер в ожидании. Ну это сейчас я осознаю. А тогда я думала, что я послала его и он пошел. Как бы не так. Вот вы бы как уговаривали женщину сняться нагишом? С учётом того, что над женщиной тяготело советское воспитание? В тот момент, наверное, Дима подумал о том, что зря стал меня спаивать. Поэтому что если бы он мне не налил, сейчас бы мы уже на пару валялись голышом на кровати и занимались бы чем-нибудь интересным. И тогда просто раскрыв дверь шифоньера можно было мне показать, как я выгляжу без одежды. А сейчас то я лежала на Диме в его футболке и снимать ее не собира-

лась, а зачем? Мы либо пьём, либо любимся.

И что-то я думаю, что параллельно разговорам и дегустации коньяка, Дима прямо скрипел мозгами. Очень скрипел. С какого перепугу в его голову зашла эта мысль, я не знаю. Но она зашла и укрепилась, и не давала Диме покоя. Но я-то этого не понимала, поэтому не ставила запрета на обнималки, целовалки, зажималки. Это же его выбор. Пусть заводится. Как он будет снимать напряжение, его проблема, но я сегодня в этом не участвую. А Дмитрий пошел именно этим путем, игровым. Между разговорами, он катал меня по кровати с помощью щекотки, которой я боялась и боюсь. Но я же не ждала от этой игры ничего плохого. Тем более я была пьяненькая. Расслабилась, наивная.

А Димочка так не заметно стащил с меня и футболку и держатель моей пышной груди. Чтобы не смущать меня, он и с себя стащил футболку. Вроде, как, все справедливо и по правилам. Но он то был без вторичных половых женских признаков, а у меня они присутствовали. Ну а когда я оказалась раздетой до трусов, он резко встал, и открыл эту дверь с зеркалом: "Смотри!". Я осознала, как меня развели, и просто взбеленилась. Я не хотела смотреть на себя, одноногую. А кто хочет видеть свое уродство? Как же я разоралась на несостоявшегося фотографа! И конечно отвернулась от зеркала. Не хочу я себя там видеть в таком виде. Я распахивалась почти до слез. А Дима просто обнял меня сзади за плечи и ждал.

Ждал, когда я проорусь, ждал пока успокоюсь, ждал, когда можно будет мне что-то сказать и я это услышу.

– Галь, послушай меня. Кроме нас здесь никого нет. Никто не увидит тебя. Ну а я-то не в счёт. Я же уже видел все. Почему-то без зеркала у тебя полностью отсутствует чувство стеснения, а так же отсутствуют и стыд и совесть. Поверь мне, я знаю, что говорю.

– Ты мне что, морали о нравственности читать будешь? На каком основании? На себя посмотри моралист! А потом будешь мне рассказывать и о стыде и о совести! Ух ты, надо же, праведник нашелся. Спит только с женой в темноте и под одеялом. А для эффекта повязку на глаза одевает!

– Галя! Ты зачем все переиначиваешь? Я хотел спросить, почему ты в постели не стесняешься своего тела, а в зеркало смотреть не хочешь? Ты же идеально сложена, этим любоваться можно!

– Димочка, интересно, тебе бы нравилось смотреть на себя на моем месте, да ещё в чем мать родила и в зеркало? Ты хоть видел, как ты по улице идешь? Ты же любишься собой! А как же! Первый парень на деревне! Девки сами тебе под ноги падают и в штабеля укладываются, да Дима? А как я хожу? Огородами. Походки своей стесняюсь, потому что кривая я вся, осуждения боюсь, ведь каждый пальцем показывает. Почему я должна любить себя в зеркале? Я знаю, что я слегка укорочена, и это мне не нравится, а ты пристал, как банный лист! Почему? А потому что никто тебе не отказы-

вает!

– Галь, ты не ори. Ты просто обернись и посмотри на себя. Просто посмотри. Если ты себе не понравишься, мы не будем экспериментировать, и я сразу отстану от тебя.

Димуля был не дурак, он знал, что говорил, а я опять попалась на удочку. Подумала, что сейчас скажу ему, что все это мне не нравится, что ноги нет, вторая нога кривая, живот мне раскромсали, и те плавки, которые сегодня на мне не закрывают этот живот, поэтому никаких фотографий.

Но пока я думала, Дима сделал два шага по кровати, поднял меня и развернул к зеркалу. Я была обескуражена, если сказать нежно. Нет, не своей внешностью, а тем какая красивая картинка была в зеркале. Два молодых тела. Мужчина и женщина. Ведь Дима меня подхватил поперек талии одной рукой, а второй рукой прикрыл мою грудь. Это была конечно импровизация чистой воды, но это было красиво, даже с учётом моей одноногости. К тому же Дима был кожей какой-то смугловато золотистый, и между моим и его телом был контраст. Я была совсем беленькой на его фоне. Но очень этот контраст подчеркнул и мои узенькие плечи, и мою талию, и длинную единственную ногу.

Но Диме этого было мало. Он усилил свою хватку и освободился от своих спортивных штанов, а потом стянут с меня ту часть одежды, которая была последней. Даже в зеркало я видела, как кровь бросилась мне в лицо. Скрамница, дальше некуда. Картинка этого откровения была ещё красивей,

не смотря на то, что был виден и ужасный шрам на животе, и ободранная на ноге кожа. И мы, стояли и рассматривали в этом зеркале, и нас в паре и друг друга по отдельности. После этого слова были не нужны. Да бог, конечно, не жадничал, когда подарил мне внешность. Почему же я все это как-то бездумно профукала? Не знаю. И не узнаю, наверное, никогда

А потом меня аккуратненько посадили на кровать. Ничего не спрашивали, ничего не доказывали. Ещё и одеялом меня прикрыли, и футболку протянули. Можешь опять закрыться от всего мира, если хочешь. А Дима натянул штаны, разлил по рюмкам последний коньяк, и пошел уносить пустую бутылку в мусорное ведро, и через некоторое время вернулся со следующей бутылкой и тарелкой с фруктами и шоколадом. Но меня в тот момент не особо интересовало все это, я никак не могла пережить свое интересное отражение в зеркале. Для меня было удивительно то, что я действительно себе понравилась. Но понимала головой, что такая картинка не может нравиться!

А Дима снова налил. Ему нужен был результат.

– Я не буду больше пить, Дима, это же коньяк. Ещё пара рюмок и мир меня потеряет. Я знаю, как действует это снадобье. Поэтому все, я пока пас. Мне завтра на толкучку надо воротник продать.

– Ну воротник я продам без твоего участия, и деньги в кровать принесу, а ты тогда скажи что-нибудь про свое отра-

жение в зеркале. Хотя я и сам знаю, что ты об этом думаешь. Но хочу это услышать от тебя

— А что хочешь услышать то, Дима? То, что я стесняюсь? Поэтому как-то нет у меня желания сниматься голышом

— Так снимать то тебя буду я, чего стеснятся то?

— А я не знаю кто будет печатать эти фото и куда попадут снимки

— Ты что считаешь, что я не в состоянии напечатать десятков фото? И показывать я их никому не собираюсь.

— Не смей меня Дима! Ты и лоток с проявителем, это противоестественная картинка, я в жизни в это не поверю! Сколько лет я тебя знаю? И точно сейчас знаю, что и проявлять и печатать будешь не ты. И может скорее всего, это надёжные люди, но я-то их не знаю, и поэтому не доверяю. И все, замнем для ясности. И вообще, иди сюда, я что-то хочу спать. Я же говорила, коньяк меня убьет, так и случилось.

Уснули мы оба, и мне показалось одновременно. Алкогольный сон в то время был глубоким и спокойным. Но проснулась я одна. Потому что в это время Димон все-таки шел к намеченному результату. Он готовил студию для фото. Одна стена белая, другая черная и я с лисьей шкурой среди белых подушек на белой простыне. Не знаю, успел он меня сфотографировать во сне, или нет, но когда я проснулась, то лежала на спине, а Дима на мое тело без малейшего намека на одежду, пристраивал лису. Я оценила обстановку моментально. В углу стоят штатив с фотоаппаратом, с помощью

зеркала регулировали освещенность. Все только готово? Или уже идёт процесс?

Я попыталась дёрнуться и разнести все по углам. Но Дима был к этому готов, поэтому мгновенно зафиксировал меня ручками, как подопытное животное.

– Тихо. Не психуй и не дергайся в зеркало просто посмотри и оцени, я старался.

– Ну ты же понимаешь, что это вот совсем не правильно? Напоил, раздел, и решил фотографировать без моего согласия? Ты же слышал, что я не согласилась?

– Галя, в зеркало глянь, а потом будешь меня отчитывать. А в зеркале всё было не просто красиво, все было шикарно. Сплошной черно белый контраст. Да, было понятно, что я была без всего, но лиса так прикрывала все самое интересное, что о пошлостях и гадостях, глядя на эту картину, даже не думалось. А ещё то место, где когда-то была нога, так красиво завуалировали, что догадаться о том, что я одноногая было невозможно. Я была, если честно, в восторге, но как об этом сказать Диме, это же стыдно! Поэтому я просто лежала и разглядывала себя красивую. Надо было о чем-то говорить, но слов не было. Потому что все-таки, все то, что предлагал мне Дима, было стыдно. А самое главное, я не понимала зачем это ему.

Ещё моему мозгу не давали покоя несколько вопросов. Это он сам все придумал, намудрил и выстроил или есть консультант? Я верила ему, почти как себе, но все же меняется

и люди тоже. Может он меня просто использует втёмную, а фото в конце концов можно продать, да? Может он и на рынке прицепился ко мне для того, чтобы сделать такие фото? Ну нет. Что-то сильно я замудрила? Но зачем такие фото в быту? Не знаю. Такая вот прямо любовная любовь ко мне? Ну не верю! А отражение в зеркале конечно изумительное. Я там похожу на женщину, которую все хотят. Это очень греет и сердце, и душу. Я потянула шкурку, и изображение изменилось. А если не вдоль, а поперек? Красиво, но слишком много открытой тайны.

– Ну, Галь, ну классно же? Ну соглашайся. Любое твое условие выполню!

– Я могу ставить условия? Ты это серьезно?

– Можешь, можешь. Давай.

– Пленку отдашь мне. Как только отснимешь. И проявлять ее будем вместе. Что мне не понравится, изведем

– Тогда у меня тоже просьба

– Давай

– Ты меня слушаешь, помогаешь и не стесняешься. Все равно ты этим заведешь.

– Давай попробуем

Ну а так, как мы с Димой договорились обо всем, и он, как достаточно близкий человек меня совсем не смущал, а даже умудрился мне доказать, что я не очень стала уродом после ампутации, а только чуть, чуть, нашей фантазии не было предела. Сначала мы вертели меня одну, вот так верте-

ли, как только было можно, а потом что-то нас торкнуло, мы изучили автозапуск и стали фоткаться вместе. Я, прикрытая шкуркой, а Дима, прикрытый мной. Нафотали мы три кассеты по тридцать шесть кадров. Хорошо, что Димуля запасливый, и приготовился к съемкам основательно. И ещё я удивилась тому, что кассеты Димочка менял при свете, и вполне профессионально. Откуда навык? Не знаю.

Но, не смотря на то, что процесс шел с азартом, творчески, да ещё меня постиг инсайт на тему, что я не совсем уродина, одна мысль разъедала мой мозг. Если я и умница, и красавица, и любит этот чувак меня, почему все-таки он не позвал меня замуж? Тогда, когда пришел из армии? Вот что-то не складываются пазлы. Все-таки врёт он? Или нет? И я просто чего-то недопонимаю? Или все-таки надо принять свое уродство и тихо сесть в уголке, и не высовываться? В общем, инсайт инсайтом, а сомнения у меня были большие на тему своей внешности. И дальше по жизни я понесу именно сомнения, а не уверенность в своей неотразимости.

Ну а мы с Димой все-таки утомились, и я по наивности думала, что мы сейчас вмажем по паре рюмок коньяка, и ляжем спать. Но, не тут то было. Дима унес коньяк и принес простой ужин. Хотя есть в час ночи не очень целесообразно, коньяк бы был полезней. Я хотела наехать на Диму, потому что реально хотела расслабиться, но он все это понял, и начал первым.

– Вот только истерики устраивать не надо. И орать о том,

что ты не выступишься. Я уже сказал, что продам твой воротник, даже не просыпайся. А вот сейчас я тебе спать не дам. Я целый день любовался на тебя и вел себя прилично, потому что ты пьяная у нас не идёшь на контакт с мужчинами. Надо же, какая королева! Смысла нет в контакте! Я прямо через силу соответствовал твоим правилам. Все? Претензии есть? Их просто не может быть! Я идеальный партнёр! Поэтому, моя дорогая, ужинай, я все уберу, тыпустишь меня под одеяло, и обнимешь. Я же старался, заслуживал твою благосклонность, или не получилось у меня ничего?

— Дима, ты поганка. Ночь на дворе, а тебе нужны какие-то активности. Но ты же в одиночку активничать не хочешь? Тебе, почему то нужна я. А вот я на это не настроена, я ночью спать люблю. Да бог бы с ним, было бы одиннадцать, но ведь два часа ночи! Значит закончится это в четыре! Мне не нравится смещение времени, вообще! Но тебя то время не интересует? Тебя интересует совсем другое?

— Галя, ну вот не выкаблучивайся, ты же помнишь, что днём мы напились и спали? Так что можем маленько и пободрствовать, а? А насчёт настроения твоего, я как-то вообще не заморачиваюсь. Сейчас я тебя настрою, буквально пять минут. Как мы тебя настраивать будем, как гитару, или как балалайку, говори? К тому же, дорогая моя, как мне помнится, ты не очень любишь укороченные процессы. Тебе нужно все по плану. Поцелуи, предварительные ласки, в ушко нашептать хороших слов, а это все времени требует, не нахо-

дишь? Поэтому зря ты тут претензии мне высказываешь. Я же о тебе забочусь. У меня то все по-простому.

– Так тебе приходится заботиться, у нас с тобой контакт происходит раз в пять лет! Я и не помню, как это бывает. Поэтому, конечно, приходится вспоминать и ручки твои шаловливые и губы бесстыжие, и да, это отнимает время. А если бы мы чаще контактировали, то у нас бы и в подъезде все получалось. Просто на раз, два, три

– Прости за вопрос, а где я тебя должен разыскивать, чтобы склонить к контакту в подъезде? Адрес дай, чтобы наверняка. Ведь сейчас, например завтра, нарисуеться твой мужёнок, и ты даже здороваться со мной не будешь, я же это прекрасно знаю. А если тебе хочется в подъезде это попробовать, пошли сейчас попробуем. Может действительно от страха, что нас кто-то застукает за этим делом, справимся за три минуты? Пошли? Можно даже не одеваться. Надо только подумать, как там это проверить. С тобой же спать, это одни сплошные условия. Их как-то для подъезда надо адаптировать!

– Я даже не знаю, что ответить тебе. Ты озабоченный? Тебе кровати не хватает? Именно поэтому ты меня в эту кровать и тащишь постоянно? Надо было посчитать, сколько раз за неделю ты меня склонил к греху плоти. Ты же пройти мимо меня не можешь спокойно. И если бы не мои условия, то в этой квартире осталось бы пара мест, где бы ты меня не попробовал, потолок и люстра! Так же, дорогой мой? У нас

и так это в кровати получается только тогда, когда мы спать легли. Потому что вроде, как так и надо. А так то, вспомни, обиженный Галей, чего ты творишь то со мной, и заодно припомни в каких местах! И как бы я не отбивалась, все равно добьешься своего! Тебе так нравится!

– А тебе то не нравится да? Не смей меня! Да, я действительно не могу мимо тебя пройти. Но это не твои женские прелести меня волнуют. Женские прелести есть у всех. Ты просто обнимаясь со мной, в открытую демонстрируешь, как тебе хорошо, и не стесняешься сказать, что тебе нравится. За этим можно наблюдать вечно. Так что прости, я снова к тебе пристану для того, чтобы увидеть, как тебе со мной хорошо.

Пока Димуля вешал мне лапшу на уши, он одновременно применял ко мне и свои ручки, а между предложениями пользовался и губами. Поэтому к концу наших разборок мне просто хотелось притянуть его к себе, уткнуться ему в грудь, вдыхать его запах и позволить ему все, что он пожелает! Но я же сейчас только его обвинила в постоянном неумном желании и разврате, поэтому надо было вести себя прилично. Слушать внимательно, что говорит Дима, и не делать лишних движений. Чтобы он нечаянно не понял, что я ко всему готова. Но у Димы уже и у самого кончилось и терпение, и разум. И он все-таки наконец то замолчал и скользнул ко мне под одеяло.

Я не знаю, то ли день без объятий, то ли наша фотосессия так на нас подействовали, но всю ночь мы реально не могли

оторваться друг от друга. Мы просто провалились в пучину то ли страсти, то ли нежности, то ли тепла. Нам не хотелось расцеплять руки, которые обнимали рядом лежащего, наши губы вместо того, чтобы говорить проросли в бесконечный поцелуй, тела были распахнуты навстречу друг другу. Процесс перерос в вечность, и мы оба не хотели прерывать это таинство близости. Зачем? Это же волшебство взаимодействия рук и тел, это бесконечное доверие и такое же бесконечное блаженство. Перерыв случился не скоро.

Дима лежал на спине, а я лежала у него на руке. Мы оба смотрели в потолок и молчали. А что говорить то? Мы уже все рассказали друг другу с помощью прикосновений, поцелуев, проникновений, стонов, вздохов, готовности. Наверное, была потребность поблагодарить друг друга, но не было сил. Зато блаженство от результата накрыло и его и меня, наверное, поэтому мы не хотели портить пространство любви посторонними, и совершенно не нужными звуками. И берегли эту планету любви. До поры до времени.

– Гал, бутерброд будешь? С чаем? Я по-быстрому приготовлю?

– Дима, ты с ума сошел? Спать надо, а ты жрать собрался.

– Не хочешь, как хочешь, я себе приготовлю. Только ты не спи, слышишь.

Он притянул меня к себе и так многообещающе поцеловал, что я вообще о сне думать не могла, не смотря на то, что он меня два часа подряд целовал и ублажал.

– Нет уж, себе несёшь и мне неси. Меня интересует вопрос, когда ты спать будешь. Тебе же на барахолку идти, да?

– Ну это же моя боль да? Успокойся

– А я успокоюсь и буду спать, так как ты пообещал мне покой

– Ну я же пообещал, значит все так и будет.

Бутерброды были ясно понятно изысканными и вкусными. Мы же были в доме у торговца. А чай был из коробки со слонами, и с лимоном. И мы той ночью просто любовались друг другом, ведь она, по идее должна была быть последней в нашем краткосрочном сожительстве. Поэтому не могла я заснуть, а Димон просто не хотел засыпать, ему нужно было продолжение, он на него уже настроился. Но оставить посуду возле кровати он не мог, воспитание не позволяло, поэтому он все унес на кухню, помыл, и вернулся. И мы, как одичавшие без ласки, продолжили этот праздник плоти. Сколько он длился, я не знаю. Мне показалось, что я заснула в процессе, когда небо начало светлеть.

Проснулась я, как мне показалось, почти в обед. Димы, конечно, рядом не было. Но рядом лежало десять зелёных советских полтинников, придавленных яблоком. Я что, столько проспала? Он уже воротник продал? И где он? Первая мысль знаете о чем была? О том, что он стирал пленку и пошел ее проявлять. Но нет. Три кассеты так и лежали на окне. И это были именно они, потому что я их вчера подписывала. Тогда очень интересно, где Дмитрий и сколько сей-

час времени. Одеваться я не стала, потому что у меня не было желания вставать из кровати. Сейчас посмотрю, где мой любовничек и вернусь в койку. Поэтому я натянула протез, обмоталась простыней, и пошла на разведку.

Шагала я так как умела. Беззвучно, с бандурой, которая называлась протезом, идти было невозможно. Но я старалась не производить много звуков. Просто шла очень медленно. И ещё из коридора заметила, что Дима спит на диване. Прямо в одежде. Брюки, рубашка, ну а на ногах тапочки. И все-таки он красавчик. Но укатала мальчика прошлая ночь. Видимо присел на пару минут, и заснул. Даже раздеться не получилось. Мне очень хотелось подойти к нему и поцеловать. Лицо, руки, волосы. Ну вот так я тогда чувствовала. Но будить его не хотелось, я спала, а он работал на мое благо. Поэтому, я тихо развернулась и пошла обратно, пусть спит. Потому что ночью ему спать было некогда.

Но доползти до комнаты я не успела. Сильные руки обхватили меня и донесли до кровати. А на кровати меня развернули к себе лицом и целовали, целовали, целовали. А я подставляла губы, щеки, шею, и наслаждалась запахом, нежностью губ, крепостью рук, которые меня обнимали. Ну почему этого нет в моей жизни на постоянной основе? Почему за радостью и лаской надо идти к постороннему мужику? А потом, самые моральные нравственники осудят меня. А слова то какие подбирают! Потаскуха, подстилка, развратница! А они сами то это пробовали? Вот эти объятия, которые толь-

ко для тебя, эти ласковые слова в ухо, это раскручивание вокруг своей оси, и свободный полет?

Ну а меня вдруг резко освободили. Дима стал освобождаться от одежды.

– А что ты не разбудила то меня? Я же ждал, когда ты проснешься и тоже уснул

– Мне жалко тебя было. Ночью не спал, утром на барахолке таскался, решила дать тебе поспать.

– Я рядом с тобой посплю? Можно? Тем более, я уже выспался. Я на барахолке то был минут сорок

– Ну ты шустрый, прямо как электровеник. Что прямо раз, и забрали воротник?

– Ну ты же понимаешь, что воротник то шикарный, и если бы не фото, я бы его вчера продал.

– Спасибо тебе, Дима. А ты полтинник мне разменяешь? Матери же твоей надо отдать то, что она просила

– Галя, я специально пришел сюда за тем, чтобы поговорить об этом? Другого то места нет? Разменяю я тебе все, но позже.

– Спасибо, ты настоящий друг, честное слово

– Ну ты даёшь, Галюня! Вот это все, чем мы занимаемся, это дружба, да?

– Не прикапывайся к словам, давай без сложностей

– Вот, во время напомнила, без сложностей надо. Моя мать придет в среду. Давай продолжим общение? Ты же не против?

– Ой, Дим, ты меня озадачил! Я как-то рассчитывала сегодня убратъся восвояси

– А что меняют три дня? Заодно и фотки распечатаем

– Прости за интимные подробности, но мой муженёк где-то на пути в Иркутск. А если он приедет, и я не буду отсвечивать в своем доме, у меня будут проблемы физического плана

– В смысле физического плана?

– В прямом смысле. Просто даст в глаз и все

– Ты вот это сейчас серьезно? Вот раз, и ударил тебя? И зачем ты с ним живёшь?

– А что ты то меня замуж не позвал? Задолбали вы меня все в доску! Как ты это терпишь, уйди от него. Куда я пойду? К тебе? Ты готов? Поэтому иди в баню, а я пошла домой. Слова, слова, слова. А кто из вас поддержал меня когда мне плохо было? Не было вас! Это вы теперь меня по койкам таскаете, здорово же, да? Никакой ответственности. Покувыркались недельку и разошлись. Вот мы же уже с тобой устроили разборки на днях на эту тему, ты зачем второй раз это начал? Надо же, сочувствующий нашелся! А почему я не от тебя детей родила, а от чужого мужика? Ты же со школы меня типа любил? Значит так любил! Отвали короче, я пошла. А кассеты я заберу до лучших времён.

Одевалась я со скоростью света, потому что злость из меня била фонтаном. Мужики. Все мужики. Очень хорошо умеют пожалеть. Ах какая я бедная и несчастная, меня физи-

чески уничтожают, так нельзя. А что лъзя то? В нашей стране жить одной нельзя. Это ещё страшнее физического насилия. Все будут тыкать пальцем в спину и рассказывать о том, какая я безногая и несчастная и никому с таким уродством не нужна. В тот момент мне было проще терпеть Витю, чем тех, кто шептал за моей спиной. Потому что вот этих жалельщиков было в разы больше, и унизить они меня пытались потому, что сами жили погано. Но я тогда была несмышленной, и противостоять этому не могла.

Все. Оделась. Все собрала. Злая, как пантера. И Диму хочется ударить чем-то тяжёлым. Добренький нашелся! Вот и спи теперь со своей рукой. Хочешь с правой, хочешь с левой. Гуд бай мой мальчик. Я вышла на лестничную площадку и отпустила себя на волю. Ведь если уж я закатывала концерт Диме, надо было держать лицо. Ну а теперь то меня никто не видел. И слезы сразу потекли ручьем. Вот кого не возьми, кругом одни рогатые животные. Хорошо, хоть у некоторых хватает фантазии молчать. А мне и без их сочувствия плохо. Ведь я тоже понимаю, что так жить нельзя, а живу! И в ближайшем времени изменений в моей семейной жизни не ожидается.

Я хромала с третьего этажа и вытирала свои слезы и сопли. Ведь на улицу то надо выйти с приличным лицом, и так, чтобы никто и не заметил, что я вышла из этого подъезда. Просто, потому что, в этом подъезде живёт Димон. Никто особо думать не будет, что я была не у него. Диагноз поста-

вят сразу и разнесут по всей деревне. С одной стороны, вроде по барабану. С другой стороны, у Вити будет лишний повод.

Перед подъездной дверью я остановилась. Тщательно вытерла слезы, постаралась переформатировать мысли, и помахала перед лицом ладошкой, чтобы оно вроде, как высохло после слез. Потому что опухшие глаза и красное личико дают повод думать окружающим о том, о чем им думать совсем не надо. Ну вот, все, можно шагать, как бы все плохо не закончилось, но закончилось то вовремя, и можно сказать успешно. Конечно, не приятно, но сейчас я это переживу, и к вечеру все выровняется. А к Димкиной матери в магазин потом зайду, и отдам ей деньги, там вообще проблем нет, поэтому улыбнись, Галя, все прекрасно.

Но шагнуть я никуда не успела, потому что меня обхватили за бедра, приподняли и потащили обратно туда, откуда я сейчас только сбежала. А я была к этому совершенно не готова. Да и подхватили меня не очень удачно, я болталась из стороны в сторону, и была вынуждена держаться за Димины плечи. Он нес меня вперёд лицом, держаться мне было очень неудобно, поэтому я болталась из стороны в сторону, и из-за этого я в тот момент не могла ни орать, ни сопротивляться. Я просто старалась не упасть, и не слететь с орбиты. Но злость моя раскручивалась, и я была готова спрыгнуть с Диминых рук и вцепиться ему в рожу.

Но Дима то тоже понимал, что со мной происходит, поэтому опустив меня на пол, он просто зажал меня в углу, зафик-

сировав мои слабые женские ручки в своих сильных мужских руках. И я сразу поняла, что любые мои движения бесполезны и бессмысленны, поэтому решила его просто уку- сить. Но получилось плохо. Потому что он все-таки среаги- ровал, и как-то увернулся. Но чуть-чуть прикусить его плечо зубами я все-таки успела, и сделала это со всей злостью.

– Галь, ну укусишь ты меня, что это изменит то? Я все равно не хочу, чтобы ты уходила. Что тебе сказать про то почему я не женился на тебе? Если ты сопоставишь время и посчитаешь, то поймёшь, что ты уже жила со своим мужень- ком, когда я пришел с армии, и тогда ты меня в упор не ви- дела. Опять же, честно скажу, в то время я не думал о же- нитьбе, мне не до этого было. Ты же знаешь, где я служил, я просто радовался тому, что живой оттуда вернулся. Поэтому прости. А сейчас женится на тебе, это все равно, что подки- нуть тебе подлянку. Есть обстоятельства непреодолимой си- лы в моей жизни. Они не позволяют мне поступить с тобой так подленько. Потому что, если я сейчас женюсь на тебе, с моей точки зрения, это будет подлость.

Я может и расскажу тебе об этих обстоятельствах, а ско- рее всего не буду. Все равно ты когда-нибудь об этом узна- ешь. А сейчас это ни к чему. Мне проще встать на колени и попросить у тебя прощения за свое поганенькое поведение. Да, что я сегодня разговорился, и говорю тебе гадости. Прости меня. Честное слово, я не хотел тебя обидеть, и тем бо- лее не хотел тебя довести до слез. Ты человек, к которому у

меня нет никаких претензий. Но вот так как то сложилось, что то ли по дурости, то ли судьба такая, но нам в этой жизни совместная жизнь не грозит. Давай хоть денёчки последние посидим рядом, пожалуйста.

Я слушала его ещё очень заведённая, и не понимала, почему денёчки у нас последние, что за такой форс-мажор в Димкиной жизни, что его женитьба на мне принесет мне разочарование, а не счастье. Но вот его монолог конкретно отвлек меня от драки с ним. Поэтому он, поняв, что я задумалась, отпустил тиски своих рук, и тихо стоял рядом и гладил меня по голове. А я как не вертела в голове его слова и мысли все равно отказывалась принимать его истину. Потому что у меня была своя истина. А ещё была обида на весь мир, и обида на всех мужиков, и на Диму в том числе. Я не могла понять почему он станет предателем, если женится на мне, мне казалось, что он предатель, потому что, не женился на мне после армии.

А Дима, подождав немного, и убедившись в том, что я не буду больше на него кидаться, приобнял меня и увел в кухню. Там можно было налить мне чаю, отвлечь едой, и задать вопросы, которые его интересовали.

— Галь, ну ты что затихла то? Ты остаёшься? Сегодня ночью мы проявим пленки, завтра после работы, если хочешь, я свожу тебя на разведку туда, где должен быть твой мужёнок, и ты наверняка будешь знать, вернулся он или нет. А если не вернулся, то ночью будем печатать фотографии, слы-

пишешь, как все удачно может сложиться? Ответь мне что-нибудь!

— Дима, скажи мне что такое обстоятельства непреодолимой силы. Я ничего не понимаю.

— Нет, Галя, нет и нет. Сегодня ты точно об этом не узнаешь. Я себе то это боюсь сказать. Но ты не переживай, ты все равно об этом узнаешь, рано или поздно, и скорее всего не от меня. Ну а я тебе об этом скажу только в том случае, если буду умирать у тебя на руках. Прости.

Дима был прав. Я узнаю об этих обстоятельствах через год, или через два. И не смогу понять я удивлена или ошарашена этой новостью. Но тогда, когда я сидела у Димы на кухне, знать мне об этом точно было рано. Сильно бы меня тогда разочаровали эти обстоятельства.

Как бы не хотела я абстрагироваться от злыдней, они почему-то лезут и лезут. И в прошлой жизни их было достаточно, и сегодня хватает. Дорогие новые подписчики! Обращение к вам. Я пишу то, что считаю нужным. Деньги на карту, и я напишу то, что вы хотите. Я уже давно всё всем объяснила. Вам интересно читать про детей, а мне интересно писать про мужиков. Ну вот такой я фанат гендерных отношений. И ещё больший фанат интимной близости. А детей я родила, и вырастила, и взрослые они уже. И если в те далёкие годы и случалось с ними что-то экстраординарное, я тоже об этом пишу. А ваши приказания, или как там это можно назвать, приводят к одному, к вашему бану. Детям своим указывай-

те, что делать. А я своим умом проживу.

Ну а мы возвращаемся в чужую кухню и продолжаем ломать мозги, думая над тем, какие могут быть обстоятельства непреодолимой силы, у красивого, свободного, молодого мужика. Я пила чай, смотрела на Диму и пыталась найти в нем червоточину. Ну а что ещё? Чем-то болен мужик, раз жениться не может для моего же блага? Но тогда у меня фантазии не хватило, чтобы отгадать эти обстоятельства. Тогда эти обстоятельства были редкостью, и мы про них и не знали ничего, и даже не догадывались. Ну а многие из вас правы, связав эти обстоятельства с Афганистаном. Да это были последствия. Кто не понял, я расскажу про это попозже.

Честно говоря, я и не горела желанием сваливать от Димы, потому что в том доме меня холили, лелеяли и пытались во всем угодить. Разве это плохо для женщины, для которой прямо в ближайшее время наступит ад семейной жизни. Да и результат нашей фотосессии мне был очень интересен. К тому же я хотела проконтролировать все, и пленку, и проявление, и печать, и фоточки. А тут мне предлагали сотрудничество. Чего отказываться то? Да, наговорил гадостей, а кто мне их не говорил? Только немой. Даже ленивые пытались донести до меня истину о моей неполноценности. Конечно, привыкнуть к этому нельзя, но пропускать мимо ушей можно

– Слушай, Дим, а где ты все это собрался проявлять и печатать

– Ты что, не догадалась до сих пор? Ну ты даёшь!

– Короче, не умничай. Расскажи-ка, чего это я не поняла в этой жизни

– Да к Димке Королеву мы все это в подвал пойдем делать!

Кто ещё то у нас такой продвинутый?

– Ты серьезно? Ну, Дима ты даёшь! Он же растреплет все-му двору про то, что увидит!

– Ты за кого меня держишь то? Все под контролем!

– В смысле, под контролем? Ты что ему, язык отрежешь?

– Ну есть, наверное, какие-то другие способы воздействия, да Галя? Ты мне скажи, ты меня простила? Остаёшься до приезда матери?

– Сначала ты мне скажи, как ты меня ночью на Каю свозишь? Мне же надо посмотреть свет в окнах!

– Ты скажи во сколько, и свожу я тебя без проблем. Только потом машину в гараж надо поставить и все

– Ну как стемнеет, так можно ехать. А что машину в любое время можно взять из гаража?

– Ну кто ж мне её даст в любое время? Завтра к начальнику пойду просить ее на два часа.

– Ради меня что ли? Ты это серьезно? Сейчас только меня нечистотами обрызгал, а завтра машину просить пойдешь?

– Галя, скромнее себя веди! Я извинился за свое мерзкое поведение! Хочешь, ещё извинюсь? На вопрос ответь. Ты остаёшься?

– Ну понятно же, что остаюсь! Чего ты хочешь то? Деньги

мне разменяй пожалуйста, полтинник десятками.

– Я хочу, чтобы ты это вслух сказала. Я простила, мол, Дима, твои бредовые речи, но в последний раз. Примерно так. Тогда я пойду сбегая до Димы. Я честное слово, мечтаю ночью поспать. Как-то утомился. Пошли сегодня пленку проявим. За ночь решим, что печатать, что нет. А завтра сгоняем на Каю, и часок можно будет на печать выделить. И на тебе твои пять десятков, если нет тебе покоя.

Дима достал бумажник, и стал отсчитывать десятки. А я, просто как зачарованная смотрела на деньги в кошельке. Там, просто навскидку, было больше двух зарплат водителя. А может даже больше трёх. С деньгами я часто имела дело, и оценить сумму могла. Дима не тратит деньги и живёт за счёт матери? Доход этой женщины, я тоже знала со времён своей юности. Она и двоих сыновей могла содержать не напрягаясь. Но вроде на Диму это не похоже. Значит какой-то левый доход? Интересно откуда? Я задавала себе вопросы и не знала ответа. А Дима ни разу не скрывал деньги. Почему? Он на сто процентов был уверен, что я не догадаюсь откуда эти деньги.

Проявлять плёнки мы пошли буквально через час. Димка Королев жил в соседнем подъезде, учился когда-то с нами в одной школе, и был заумным. Или казался таким? Но я его никогда не видела с девушками, не знаю почему. Наверное, потому что от большого ума он стал рано лысеть. Фотолаборатория у него была в подвале, об этом мы все ещё в школе

знали, но в школе у нас не было желания фотографироваться в стиле ню, и прибегать к Димкиной помощи. Хотя я и сейчас не ожидала, что один Димон обратится к другому, и будет мне гарантировать тайну исповеди. Я в это поверила, потому что Королев был слегка не от мира сего. И особо ни с кем не общался.

Плётку, конечно, проявляли не мы, а хозяин фотолаборатории, и он не сильно интересовался, а что там, на плёнках. И пока шел процесс, я по фразам поняла, что поддельный фотограф Дима, купил у Димы Королева и фотоаппарат напрокат, и за его молчание тоже заплатил, и за химические реактивы, и за инструкцию для фотосессии. Но после того, как я впервые в жизни увидела у Димы в бумажнике солидную сумму денег, меня это не удивило. Мне было интересно откуда у водителя, пусть даже и персонального, такие деньги. Но Дима был мне никем, поэтому спрашивать об этом я его не собиралась. Тихо стояла у него за спиной и ждала, когда закончится процесс.

Нам торжественно вручили три кассеты с проявленной пленкой. А у меня, пока я находилась в подвальной лаборатории созрело очень много вопросов. Сначала они зрели в связи с процессом, а когда я осознала, сколько получилось снимков, я стала думать о снимках. Я, конечно, никогда профессионально фотографией не занималась, но в школе мы все и всё попробовали. И глядя на то, как это все проявлялось, я поняла, что все снимки у нас получились. Поганных

было от силы штук семь. Это же выходит огромное количество фотографий! Но одно дело выкаблучиваться перед камерой, а совсем другое понять, что все это распечатается и будет в общем доступе. Что-то поздновато я это осознала.

А ещё я же прекрасно понимала то, что будь Дима, который Королев, хоть какая заучка, но он прекрасно понял, кто на этих фотографиях, он же не слепой.

– Дим, мне бы очень не хотелось, чтобы Королев с кем-то разговаривал о том, что у нас на плёнке. И, как я понимаю, печатать фотографии будет тоже он? Так ведь? Ты то только нащелкать можешь да?

– Галя, через сутки мы увидим, как я нащелкал, и ты поймёшь, что я это делал от всей души. Видела же сегодня, что брака почти нет. А Дима будет молчать, как рыба, и не важно, что он увидел на негативах.

– Знаешь, мой дорогой, меня совсем не волнует брак. Меня волнует распространение информации. Сегодня у меня было желание все это засветить, чтобы никто этого не увидел.

– Зачем ты так? Некоторые снимки, вообще произведение искусства. Ты там, как королева.

– Скажи, куда попадут эти снимки после того, как их напечатают? Ты же понимаешь, что мне они не нужны? Что мне с ними делать? И естественно Я не хочу, чтобы их кто-то видел. Зачем мы все это делали? Вернее, ты настоял, а я согласилась. О последствиях я не подумала.

– Ты сильно то не напрягайся, Галя. Я-то точно не хочу,

чтобы ты дергалась из за этих фотографий. Но они просто космос. Сейчас ляжем спать, посмотрим негативы и выберем самые красивые. И если они тебе не нужны, значит напечатаем все по одному экземпляру, для меня

– Зачем тебе мои фотографии в полуобнаженном виде? Как порножурнал использовать будешь?

– Нет у меня пока такой нужды, ты же понимаешь. Просто сохраню, как память

– А если эта память кому-нибудь из твоих друзей на глаза попадется? А твои друзья, это обязательно мои знакомые, что тогда? Как я обтекать буду?

– Галя, вот об этом даже не думай. Никто их не увидит кроме тебя и меня

– А у Королева не будет возможности пару лишних фоток напечатать?

– Как? Я же у него над душой стоять буду. Можешь и ты пойти, если мне не веришь

– Дима, ты даже не представляешь, как я пытаюсь тебе поверить! У меня просто выбора нет. Либо верить тебе, либо сжечь сегодня ночью все негативы.

– Нет, жечь мы их не будем. Я что, зря старался? Надо выбрать самые красивые снимки и напечатать. Завтра после работы. Посидим, полюбуемся, и поедем на твою Каю. А фотографии я спрячу.

И тут я решила сделать контрольный выстрел в голову. Раз уж Димон так призывает меня ему верить, пусть ответит мне

на один вопрос, который меня целый день тревожит.

– Дим, ты миллионер подпольный, да? Или работаешь на вредном производстве?

– С чего ты это взяла? Я деньгами швыряюсь, или живу богато?

– Бумажник твой сегодня видела, вот и задумалась

– Ой, не смей меня! Это ты мне говоришь? А сколько я тебе за последнее время денег передал?? Ты миллионер, Галя?

– Нет, Дима, у меня муж беспонтовый, и двое детей, поэтому я хватаю ртом и попой. Завтра может наступить пробел в заработках. На что я жить буду? А ты то один. И в спекуляции и перепродажах шмудок не замечен. Поэтому и спросила.

– А зачем мне шмудками торговать? Я просто бензин сливаю. Потому что никто этот бензин не считает. Значит никому это не надо.

С одной стороны меня этот ответ устроил, а с другой стороны, какое-то шестое чувство подсказывало мне, что Дима врёт. Вернее, я понимала, что он растянул разговор, чтобы придумать историю про бензин. И в этот момент я уже сама себе сказала: "Верь ему, Галя, так дешевле. Тем более, через три дня вы расстанетесь, поэтому тебя это вообще никак не должно волновать. Меньше знаешь, лучше спишь". И я сделала вид что поверила. Действительно, какая мне разница?

И мы пошли смотреть пленки. А там было на что посмот-

реть. Дима был прав, он старался. И шкура, и мои темно русые волосы на белом фоне простыней и стен, выглядели шикарно. А самое главное, в этих картинках, которые в то время были на грани, не было ни вульгарности не пошлости, и это было самое главное. А наши парные снимки вообще завораживали. Мы на них так искренне выглядели. Что можно было подумать, что это была настоящая история любви. Поэтому нас так затянула эта деятельность, что ничего мы не выбрали, а в процессе просто заснули. Потому что красиво и обидно. Показать то никому нельзя. Просто, не правильно поймут.

Проснувшись я с полным осознанием того, что кассеты без пригляда оставлять нельзя. Поэтому сгребла их в сумку, и лишь потом глянула на часы. Потому что удивительно, что Дима ещё не побежал за машиной. Пять часов! Вот это я выспалась! Но тут меня обняли, и я поняла, что выспалась я не одна. Утром у меня к Диме уже никаких претензий не было, поэтому я спокойно пошла в его сильные руки тем более, что утренние ласки, это заряд на весь день. Особенно тогда, когда ласки искренние и откровенные. А, прижимаясь к Диме, я понимала, что то, что он сейчас делает, он делает именно для меня. Потому что он знал, что надо делать, и выучил наизусть то, что я люблю.

А потом мы пили индийский кофе. В те времена он казался очень вкусным, потому что другого мы не пробовали. Все печенюшки Дима почему-то всегда разогревал в духовке. И

они тогда казались вообще чудесными. Хотя что чудесного может быть в сахарном печенье? Но мне нравился этот подогретый хрустящий кусок фанеры именно потому, что был горячим. А Димочка попутно интересовался судьбой кассет

– Ты что их заныкала то? Я же всё тебе с вечера объяснил. Без твоего разрешения делать ничего не буду

– Так надёжнее. Тем более вечером, хочу я этого или не хочу, мне все равно придется доверится тебе

– Что то я не вижу в тебе доверия. Ты что думаешь, что я их распечатаю и по заборам расклею?

– Я ничего не думаю. Я просто страхуюсь, вот.

– Галь, ты просто невыносима. Ты себе то хоть веришь?

– Дима, себя я знаю очень давно и очень хорошо, а у тебя какие-то обстоятельства. Поэтому мне со мной будет надёжней.

– Ладно, храни до вечера, я побежал за машиной. И ещё. При теперешнем раскладе в девять вечера поехать на Каю будет нормально?

– Да, самое подходящее время. А утром как ты машину берешь?

– Ну во-первых, народ, который следит за этими машинами, любит спать. А во-вторых, утром много чего можно придумать. Машину мыл, масло менял, колеса подкачивал, в общем только успевай придумывать.

– А что, этим всем механики не занимаются?

– Механики только печать в путевке ставят, поэтому я по-

бежал.

Пока он бежал, я решила, что эти негативы я покажу Светлане. Если мы с Димкой ничего не выбрали, то со Светой выбирать святое дело. Хотя, когда я подумала о Свете, я поняла, что у меня такое ощущение, что я ее давным-давно не видела. Как так? Мы же рука об руку работаем? Каждый день. Это я в своей любовной связи так увязла, что никого не вижу? Надо как-то расслабиться. И я расслабилась, как только вышла из машины у мясухи.

Но оказалось, что не только я витаю в облаках, Светка тоже. У нее в ближайшие выходные все-таки свадьба уже и она очень волнуется. Поэтому она меня в упор не видит, а я ее не замечаю. Но тогда я прямо с утра ей сообщила, что у меня к ней есть дело. Очень важное и интимное. А она, наверное, так устала от дум о свадьбе, что с удовольствием согласилась, и даже предложила уйти в обед в нашу бытовку в стройцехе, раз дело интимное. Я с радостью согласилась. Мы договорились, но над нами, как всегда, похихикал боженька. В бойне сломался конвейер, и никто не знал на сколько. А мы со Светой пошли в бойню, и для себя все узнали. На ремонт требуется двадцать тире сорок минут.

Мы спустились в родной цех, посмотрели на обстановку. Нашего отсутствия никто не заметил. Значит можно свалить, через двадцать минут приедем. Мы попросили ключи от нашей кондейки и удалились от мира. Стены там были белые. Я дернула пленку из кассеты и вставила в Светкины руки.

Шок наступил сразу, хотя Светутя пыталась держать себя в руках. Но ей же тогда было где-то около полтинника. Она приближала пленку к глазам, отодвигала, это она так, наверное, проживала стресс от увиденного. А самое страшное для нее было то, что она не знала, как на все это реагировать. Я же просто всучила в руки лёгкую эротику и не сказала зачем.

– Галя, вот я это все то вижу? Мне не мерещится? А то я даже не знаю, как глядеть на это.

– Света, если ты там видишь меня без одежды, то ты все то видишь.

– Скажи, а зачем ты фоталась то в таком виде? Не дай бог кто-нибудь увидит. Сразу камнями закидают.

– Знаю. А ты единственная, кто это увидит. Это же я решила тебе показать

– Ты бы хоть предупредила, что ты мне показывать будешь. А то мне даже сначала плохо стало. Ну думаю, то ли я с ума сошла, то ли Галька.

– Света, это ещё не самое страшное. Дальше будет страшнее. А ты должна сказать, какие фотки получились лучше всех

– Галь, вот если не строить из себя девственницу, то они все хороши! Ну здорово просто. Да, жаль, что такой красавице ногу оттяпало. Прости меня.

– Жаль, Света, жаль. Это ты точно говоришь.

– А кто фотографировал то? Молодец фотограф! Все, как надо

– Смотри, Света, мне лучшие нужны!

– Витьке водителю одну подари, пусть на тебя!

– Света, я не хочу с ним конфликтовать. Он нам пригодится!

– Я знаю. А ещё знаю, что на днях он к тебе с вопросами придет. Просто предупреждаю.

– С какими ещё вопросами?

– Про любовь вашу пылкую. Сильно он интересуется почему ты его забыла.

– Так Я не видела его давно в нашем цехе

– В былые то ты времена и в гараж бы сбегала, да? А сейчас почему-то не бежишь. Я то знаю почему. А Витьку басню придумай.

– Придумаю. А ты смотри. Очень надо.

Но по-человечески, мы не успели рассмотреть даже одну пленку. Потому что затянуло очень Свету вся эта история. Так затянуло, что время закончилось. Время ничегонеделания. Бойня скорее всего уже заработала, а мы тут сидим эротические негативы смотрим. Я засунула негативы в карманы халата, и мы почти побежали в цех. Слава богу не опоздали. Первая шкура шлёпнулась на пол при нас. Поэтому проблем мы никому не создали, и это очень радовало. А Светлана Николаевна прямо заразилась, и теперь настраивала меня после обеда пойти досматривать наши фотографические шедевры. Я ничего против не имела, осталось дожить до обеда.

Но у меня то была другая задача, не посмотреть, а вы-

братъ. Поэтому, когда мы объединились после обеда, я все-таки заставила Светку не только разглядывать, но и выбирать. Процесс был не простым, и я это понимала. Но ещё понимала, что не хочу это бросать на самотёк. Времени то осталось пара дней, и кассеты я не то, чтобы не собиралась оставлять Диме. Я собиралась их уничтожить. Прямо после того, как будут напечатаны фотографии, то есть сегодня. Но даже, понимая, что можно просто тыкнуть наугад в любые фотографии, так как я их увижу всего один раз, а негативы были все-таки хороши, я почему то решила, что выбрать будет лучше.

Ну и встал конечно вопрос, как помечать выбранные. Ведь не станешь же ставить на выбранных галочки? Во-первых, чем попало не поставишь, пленка же, а во вторых все таки негатив неиспользованный, нельзя его портить. Поэтому мы пронумеровали сначала кассеты,, на бумажной этикетке хоть что то можно было написать, а потом перечисляли выбранные кадры по номерам с самого начала. Светка выбирала, а я это писала на листочке. Кассета номер один, кадры такие-то. Но времени нам в обед однозначно не хватило, мы прихватили ещё перекур, и конец рабочего дня. Благо, план у бойни был не очень большой. Но мы даже с учётом лишнего времени, еле-еле справились.

Особенно Светлана Николаевна застыла над кассетой, где были парные снимки. Хотя там можно было и не выбирать. Полноценных, хороших фотографий без изъянов и без де-

монстрации лишнего, получилось штук пять. Это же был автотазпуск. Поэтому очень много фотографий было смазанных, не успевали мы замереть, а ещё очень много фотографий было с лишними деталями. Излишне откровенными. Меня то на переднем плане, прикрывала шкура и почти всегда Дима прикрывал мою безногую сторону. А вот свои интимные детали он не всегда успевал загородить от камеры. А изначально то была именно такая задумка. Без вторичных половых признаков, и без вульгарных поз. Поэтому и выбирала кадры, исходя из этого.

С горем пополам мы справились к концу рабочего дня, и я осознавала с одной стороны, что показывать это, не смотря на то, что все получилось красиво и не пошло нельзя, а с другой стороны, понимала, что на это можно смотреть вечно. Да Дима ещё подлил масла в огонь, предложив мне оставить фото Королёву на более долгое время, он их отретуширует и будет ещё красивее. Я никак не могла поверить, что Королёв вдруг неожиданно стал фотохудожником, а во-вторых, мне было стыдно и страшно. У этого мастера- фломастера будет вариант рассмотреть все негативы, а там местами есть такое, на что не надо смотреть посторонним, но Димон все-таки уговорил меня. Оставил кассеты со списками проявляльщику, а мы стали ждать темноты, чтобы поехать на Каю.

Но я то же не могла просто ждать, я прямо страдала из-за всех сил о том, что Королёв увидит мою обнаженку, что расстреплет всем знакомым, что отпечатает лишние фотографии

себе, чтобы их потом кому-нибудь демонстрировать. Мало того, что мне в те времена по-простому это было стыдно, такие времена были. Ну какие-то обозленные люди были, любой шедевр могли опошлить. Естественно, я боялась того, что эти фотографии какими-то неведомыми путями попадут к Витюшке. Уж он то не то, что фотографии опошлит, он мое лицо опошлит, я была уверена в этом. А Дима был почему-то уверен в том, что ничего из ряда вон выходящего не случится. Что у них там за договор был не знаю.

Но он все равно устал слушать мои бредовые мысли, а сумерки как-то медленно оседали на город в тот вечер. Чем бы он не старался меня развлечь, я возвращалась к перспективам того, как все плохо будет, когда фотографии напечатают и рассуждениям о том, какая же я дура, что на это согласилась. Сейчас я вообще никогда не жалею о сделанном, потому что исправить уже ничего нельзя. А в то время это было мое любимое занятие. Где я этому научилась, не знаю, и опять же, как избавилась от этой привычки, не помню. Но то, что избавилась, это очень хорошо. Невозможно страдать о том, что исправить нельзя. И люди, которые сегодня впадают в такой процесс при мне, сегодня сразу выводятся из моего окружения.

А тогда Дима никак не мог убедить меня в том, что страдать попусту не имеет смысла, и слушал галиматью, которую я несла. Но даже у терпеливого человека кончается любое терпение. Тем более, даже чужие страдания портят настрое-

ние. Что делать и как успокоить меня он не знал, и тогда пошел проторенным путем, просто закрыл мне рот поцелуем, и перефокусировал моё внимание на другое занятие. На тот момент это было самое простое. Зачем мне было страдать, когда был выбор. И мы на часок перескочили в другую вселенную. Жалко, что все мужчины не пользуются этим способом успокоения женщин. Или все-таки не всех женщин можно так успокоить?

Темень все-таки накрыла город, и мы решили, что пора. Моё сердце тихо тряслось. Я не хотела преждевременного начала своей забытой семейной жизни. К тому же я наверняка не знала, а где же этот самый Витя. Это он соседке Наташе сказал, что в Киров уехал, а где он на самом деле? Я то, как никто знала какой он сказочник! А если он не уехал в Киров, то где он? Ясно дело где-то рядом. Может тогда он знает все про мои выкрутасы? А я-то как с цепи сорвалась! И я это даже сама реально понимала. Нет, не надо, чтобы Витя был в курсе того, что я творю. Да, мне сейчас замечательно. Но Вите оно всегда не нравится. Потому что, по его мнению, женщина не должна быть счастливой. Она должна быть затюканной.

Мы свернули в Нахаловку. Есть ли в России город, где нет поселения с таким названием? Скорее всего нет. А у нас Нахаловка в те времена была без дорог, без фонарей, ехать без фар было невозможно. Я вообще не видела не зги, хоть и показывала Диме куда ехать. И ехали мы до поры до вре-

мении все-таки с фарами. Выключили мы их, когда свернули на Ереванскую. Я просто заставила Диму сделать это. Я так боялась того, что Витя все-таки дома, прямо до истерики. Поэтому мы проехали мимо Витюхиного двора, и остановились дальше адреса метров на пятьдесят. Я вышла из машины и тихонечко поползла в нужном направлении, единственная нога тряслась от страха.

Наконец то я доползла, и конечно меня настигло разочарование. В щелки между ставнями был виден свет. В доме кто-то был. Я вообще затряслась всем телом вернулась и плюхнулась на сиденье. Как я догадываюсь, видок у меня был ещё тот. Дима развернулся и рассматривал меня в упор. Чего интересного там увидел? На моем лице?

– Ты что там труп нашла что ли? Или ещё что интересное?

– Там свет горит. Значит там кто то есть, не иначе

– Может свет оставили умышленно, чтобы чужие не залезли?

– Его, Витюшки, давно нет. И что, свет горит без перерыва?

– Ну я то не смогу ответить на твой вопрос. А тебя то что так колотит? Это ты так мужа боишься? Я правильно понял?

– Да, боюсь! Тебе то какое дело? Все, посмотрели, увидели, вези меня домой!

– Прости меня, я не для этого сюда приезжал. Поэтому можно я сам пойду посмотрю. А то ты в силу своего ужасного состояния могла не то увидеть. Ответь мне на простой

вопрос, он меня когда-нибудь видел? Знает?

– Скорее всего нет. Где он тебя видеть то мог? Я тебя с ним не знакомила.

– Тогда ты посиди маленько, теперь на разведку схожу я. Сиди тихо, из машины не выходи. Может закрыть тебя?

– Закрой. Только я на заднее сиденье пересяду. Если что сползу на пол.

– Ну давай, пересаживайся. Я пошел. Не трясись, я скоро вернусь.

Дима растворился в крошечной тьме. Звуков тоже не было. Только во дворах гавкали собаки. Только бы все прошло удачно. Ведь у Витюшки во дворе тоже есть кому гавкать. Но я сильно надеялась на Димин разум. В Афгане же выжил, значит опыт выживания есть. Но Димы не было минут двадцать, я уже начала размышлять о том, как открыть машину. Устала ждать. Именно в этот момент он материализовался из темноты, и сел со мной рядом.

– Скажи Ка мне, твой муж курит или нет? Очень надо.

– Ты про анашу что ли, или просто про сигареты?

– Я спросил про сигареты. Почему тебя постоянно несёт в дебри?

– В данный момент не знаю, он то курит, то не курит. А ты что его видел с сигаретой в зубах?

– Видел с сигаретой в зубах. Но не его. Если узнаешь кого, то очень сильно удивишься

– Ну так говори кого. Ты же его видел в Витькином дворе?

– В Витькином, в Витькином, даже не сомневайся.

– Так говори давай. Я так понимаю ты его узнал?

– Это Дима Шиняк. Как он здесь оказался?

Дима Шиняк учился в параллели со мной. И да, он был знаком с Витей. Как-то давным-давно они познакомились по пьянке, разбили друг другу морды, и на этой почве стали здороваться. Но почему Дима здесь? Ему жить совсем негде? Ничего не понимаю! А может Дима ошибся?

– Это точно Шиняк был, может тебе примерещилось?

– Галя, я за рулём всегда трезвый, и мне ничего не мерещится

– Ну тогда надо было спросить, что он тут делает.

– Как ты себе это представляешь? Раз, и встал перед ним там, где быть меня не должно, да? И начал задавать вопросы.

– Не знаю. Его тоже там быть не должно, а есть

– Короче, сделаем так, я тебя увожу на остановку, ты садишься там на лавочку и ждёшь меня. А я возвращаюсь сюда, и выясняю все до конца.

– Как выяснять то будешь, если не хочешь проявляться?

– Ещё не придумал, но проявится надо. Я же Димке то вроде как давнишний знакомый, значит твой муж, если он там, ничего плохого не подумает

Через пять минут я сидела на пустынной остановке, а Димины стопсигналы скрылись в темноте

Дима вернулся тогда, когда я уже созрела идти пешком в Кайскую гору. Не знаю, как насчёт часа, а минут сорок я на

остановке точно просидела. Мне даже в тот момент казалось, что Дима про меня просто забыл в пылу дружеской беседы. А может его там уже убили и закопали в огороде? Это ведь сейчас я понимаю, что Витя, отец моих детей трус, и не на всякого мужика прыгнет. А тогда он мне, наверное, казался рыцарем без страха и упрека. Но боялась я все-таки за Диму, он мне как-то в тот момент был ближе и дороже. И когда в дальней дали, в темной тьме, я увидела фары, я мысленно перекрестилась. Слава те Господи. Раз едет, значит все-таки все хорошо. А меня то интересовал один единственный вопрос, где Витя?

Когда Дима подъехал к остановке, я уже готова была прыгнуть в машину. А ещё была готова узнать любую правду. Потому что сегодня решила при любом раскладе, ночевать у Димы. Так что я моментально открыла дверь и оказалась в салоне.

– Ты не замёрзла тут? Прости, быстрее не получилось. Надо же было как-то правдиво пойти на сближение

– Я не замёрзла, но что-то устала ждать, и сильно хотелось уйти домой пешком. Темень кругом, кажется, что под каждым кустом спит биченок. Сам знаешь, какой здесь райончик.

– Но все равно сейчас согреемся дома чаем с ромом. Потому что вылазка во вражеский стан прошла удачно. Никто даже и не догадался, что я там с заданием командования. И нужную нам информацию я получил.

– Никто, это кто? Их там много что ли? Витёк тоже там?

– Нет там никого кроме Димаса. Витька твой попросил его присмотреть за домом, пока он на работе. Подрядился твой Витёк на какую-то шабашку. Про Киров Дима ничего не знает, просто живёт в доме до возвращения хозяина, так как его попросили.

– А когда этот долбанный хозяин вернётся, он тебе не скажет?

– Точно он не знает, на самое раннее в конце этой недели.

– И вот конец недели, это точно? Раньше его не будет

– Короче, как я понял, Витя работает в таком месте, куда транспорт не ходит. И их оттуда вывозят в субботу. Тех кто хочет. А тем, кто не едет, привозят продукты и другие бытовые мелочи. Витя конкретно не обозначил, когда он вернётся, можно ещё раз наведаться к Диме в гости.

– Эй, ты не забывайся. Твоя мама приезжает посередине недели, и я переезжаю домой

– Но на ночь то можно приходить ко мне в гости, да? Я ведь не женат. И маме моей по фигу, кто ко мне ходит

– Это тебе кажется. В прошлый раз, тогда давно, она мне устроила настоящий допрос. А не собираюсь ли я замуж за ее сына. Значит не так уж ей и все равно.

– Времена поменялись. Она уже давно поняла, что жениться Я не собираюсь. Поэтому к гостям относится спокойно.

– Дим, на фигу ты мне вот это рассказываешь? Любой

женщине неприятно осознавать, что она очередная, а не единственная

– Не буду больше, прости, не подумал както о твоём душевном равновесии. Ну вот, приехали. Ты иди, а я машину поставлю, заберу фотографии и приду. Минут тридцать мне надо на это. Попей чаю, что ли? Жди, короче.

Но ждать я не смогла. То ли стресс меня накрыл, когда увидела свет, то ли на остановке перенервничал, но я зашла, налила себе чаю, присела на диванчик, натянула на себя плед, и хлебнув из кружки два, три раза, просто уснула мертвым сном. При свете, при телевизоре, и самое главное, в протезе. Сколько я спала я не знаю. Проснулась от того, что в дверь звонил Дима. Конечно. Он же свои ключи мне отдал. И как я поняла по его лицу, проснулась я не с первого звонка, а примерно с пятого. Но проснулась же? И дверь открыла! Но ему ожидание за дверью не понравилось.

– Ты спишь, что ли? А я что, должен под дверью стоять? Так что ли?

– Ну заснула, прости. Но запустила же тебя.

Я почти бежала в кухню греть и наливать ему чай. Потому что чувствовала себя виноватой. И ром я нашла в угловом шкафчике, и какие-то печенюшки с конфетами. И даже мимоходом два вида бутербродов сделала, с колбасой и сыром. Когда я все это метанула на стол, я наконец то обратила внимание на Диму. А он сидел за столом с торжествующей улыбкой, и держал в руке пачку фотографий. Да не просто

держал, он обмахивался ими, как веером.

Я поставила чайк на стол и села напротив Димки, как заколдованная. В тот трагический миг я понимала, что я очень хочу видеть эти фото, это с одной стороны. А с другой стороны, мне думалось, что надо их посмотреть и сжечь во избежание неприятностей. Я свято верила в то, что неприятности от этих фотографий однозначно будут. Поэтому я сидела, смотрела на Диму, и думала о том, какая же я дурочка. Ну вот как этот пацанчик умудрился меня уговорить на это? Я что, вообще не думала о последствиях? Короче в тот момент я думала о последствиях фотосессии. И о моем доверии Диме. Я ему верю или нет? Готов он мне свинью подложить или нет?

Если вспомнить все, что между нами было, то вроде никогда и ничего плохого он мне не делал. Почему тогда так страшно? А Димон смотрел на меня и тоже не понимал, а что со мной случилось? У него то скорее всего просто было игривое настроение, а я то точно к играм была не готова. Эта пачечка фотографий меня нервировала. Мне даже и посмотреть не надо было на то, что получилось. За пару минут наблюдения за Димины и игривыми движениями, я реально как-то озверела. Моментально вылезла обида на то, что он меня к этому склонил, что это проявлял, и печатал фотографии посторонний совершенно человек, и что это фотографии, которыми можно много чего сделать

– Пленку быстро мне отдал, прямо сию минуту.

– Галь, ты что завелась то вдруг, отдам я тебе пленку

– Давай прямо сейчас, не откладывай это в долгий ящик

– А что происходит то? Чем я тебя обидел, дорогая?

– Да все уже произошло, я только понять не могу, как я повелась на это? Как ты отключил мне мозги?

– Гала, вот только виноватых сейчас искать не надо, ага? Было то все, если ты помнишь, по обоюдному согласию? Что у тебя переклинило то?

– Не беси меня, Дима, пленку гони по быстренькому

Дима, скорее всего недоумевая, засунул фотографии в карман, и вышел в коридор. Я встала и проследовала за ним. Учёт и контроль! На трюмо лежали три коробочки с негативами. Дима взял их и протянул мне. На лице у него был нарисован большой вопрос. Я схватила то, что мне дали и пошла на кухню проверять. Сейчас я понимаю, что маразм у меня в тот момент крепчал. Я села за стол вытряхнула пленки, и сначала проверила все эти пленки. Точно это голая натура или меня обманывают? Да, это были именно те пленки. Но это меня не успокоило, я стала пересчитывать кадры. Ну круто же меня повело? Дима стоял в двери кухни и с удивлением смотрел на то, что я делаю.

Все пересмотрела, все пересчитала, так сказать, приняла по переписи. Потом развернула их, сложила кучкой в стеклянную тарелку, и вместе с тарелкой отправилась к шкафу со спиртными напитками. Посмотрела на имеющийся ассортимент, и как мне казалось, выбрала бутылку с самогонкой.

Вытянула из бутылки зубами пробку, точно самогонка. Я полила то, что сложила в тарелочку, этой жидкостью, и подожгла. Сначала горела самогонка на дне тарелки, а потом загорелись и стали плавиться пленочки. Кто когда-нибудь жёл фотоплёнку, тот знает, какой мерзкий запах присутствует в этом процессе, и знает, как она дымит, каким плотным черным дымом.

А я поставила тарелку на стол и стала наблюдать за процессом. Мне казалось, что если я это сожгу, то испарятся все мои плохие мысли об этих фотографиях, и фотографии в Димкином кармане превратятся в пепел. А Дима осторожно обошел меня и открыл форточку на кухне, чтобы избавиться хотя бы от запаха. Потому что черный дым завис над тарелкой и просто увеличивался в объемах. А я сидела и наблюдала, как горит источник моего плохого настроения. И прихлебывала чай с ромом, который налила Димке. Мне в тот момент очень надо было, чтобы все это сгорело на моих глазах. И слава богу, что я все это полила самогонкой. Процесс шел.

Ну и чаек начал действовать. Вернее, не чаек, а ром в этом самом чае. Дима сначала сел напротив и наблюдал за моим состоянием, хотя меня в тот момент надо было просто выгнать на улицу. Потому что это была какая-то истерика. Я до сих пор не понимаю, что со мной было, и Дима в тот момент ничего не понимал, и не знал, как меня успокоить. Поэтому он просто налил мне вторую порцию чаю. Что-то мне казалось, что рому в том чае было больше, чем чая. А потом он

встал, положил руки мне на плечи, и ждал вместе со мной, пока все это превратится в труху.

– Все, Галя, все сгорело, как ты хотела, я это выкину.?

– Только в окно выкидывай, а не в мусорное ведро

– В окно, так в окно. Лишь бы никого под окнами не было.

Он освободил тарелку от пепла, помыл ее, взял меня под руки и увел на кровать. Мне полегчало, наверное, от рома, но какая-то тяжесть на душе все равно присутствовала. Как от нее избавиться, я не понимала. Вот так мне поганно было в тот момент. И мне, наивной казалось, что во всем этом виноват Дима и снимки. Хотя на самом деле я истерила, наверное, потому, что не хотела через пару дней расставаться с этим самым Димой. Но это придется сделать, потому что нет вариантов.

Наверное, на какое то время я то ли вырубилась, то ли уснула. Потому что, когда открыла глаза, было такое ощущение, что я всплыла из небытия. В комнате был полумрак, горел торшер, я лежала в одежде поверх одеяла. Рядом, подперев себя тремя подушками, под одеялом лежал Дима и тихо рассматривал фото. Я лежала так, что мне ничего не было видно, что-то я подозреваю, что Дима так лег не просто. За пятнадцать минут он наелся моей истерии. Сейчас то, немного придя в себя, я все это понимала и осознавала. Поэтому не мешала Диме, а он был увлечен своим занятием, наверное, было что там рассматривать. Я резко села. По-другому я не умею.

Дима по инерции махнул рукой с фотографиями в сторону, где я их не могла достать. А меня в тот момент фотографии уже не интересовали, я же попсиховала, пар выпустила, кровь Диме свернула, что еще нужно женщине для полного счастья? Правильно, мне не хватало ужина. Все стрессы я пережила, все стадии принятия прошла. Наверное, очень утомилась от этой активности и очень была голодна. А ещё мне не нравилось лежать в постели одетой. Не люблю я это дело с самого рождения. Поэтому для начала я встала, и пошла в сторону кухни. Разговаривать у меня не было желания, все происходило тихо. Дима посмотрел вслед заинтересованным взглядом.

Столик был накрыт, то ли Дима ужинал, то ли обо мне позаботился, но на столе стояли не бутерброды, а сосиски с пюре в сковородке под стеклянной тарелкой. Наверное, опять тетки с работы приготовили. Ну и персонально для меня был кусок торта. Я оценила заботу, про себя, конечно. Но в этот момент увидела, что Дима стоит в дверях, и наблюдает за мной. Он не стал напрягаться и одеваться, и пришел на кухню в импортных плавках.

– Что, ждёшь продолжения истерики? Не переживай, все закончилось.

– Сильно на это надеюсь. Мне иногда кажется, что ты не совсем нормальная. Все же было хорошо, чего разошлась то?

– Не знаю, Дима, для меня самой это загадка. Как увидела пачку фотографий, так крышу снесло. А какие мысли скака-

ли в моей голове в тот момент! Одна другой чернее!

– Я догадываюсь. Но поверь мне Галя, этих фотографий кроме меня и тебя никто не увидит. Вот прямо мамой клянусь! Хочешь, заberi их себе? Хотя по истерике было видно, что не хочешь

– Дима, а зачем ты пришел сюда в трусах? Штаны нельзя было натянуть?

– Проследить, что ты бешеная, будешь делать, и показать тебе, какие красивые у меня польские плавари

– Так я есть должна, или смотреть на твои трусы? Иди уже отсюда

– Я вернусь сейчас, если я тебя так смущаю.

– Можешь не напрягаться я через десять минут приду, я быстро ем.

– Хорошо, я тебе подушечки собью, мы же сейчас фоточки будем вместе смотреть, если у тебя мозги на место встали?

– Встали они на место, только все равно настроение поганое. Вот хоть плачь

– А что тебе не нравится то? Настроение я тебе могу поправить прямо в кухне, ты только скажи

– Вот наверное от этого настроение и испортилось

– Не понял. От чего от этого? Я как то не правильно настроение тебе поднимаю?

– Да при чем тут ты? В выходные может Витя проявится, и хана моему настроению месяца на два

– Я понять не могу, вы что совсем телами не контактите?

Он тебе не нравится, или он не может?

– Дима, отстань, ему это не надо, совсем

– А что, так бывает? Молодой мужик не хочет женщину?

Или он не хочет именно тебя?

– Дима, отстань. Ему не нужны женщины!

– А кто нужен? Мужчина что ли? Этот вариант ещё интересней. И что, они с Шиняком из-за большой и светлой любви?

– Дима! Тебе скучно? Чего напридумывал то? Не нужны ему не мужчины, ни женщины! Его этот процесс не интересует!

– Ну тогда оставайся до субботы. Я пешком могу сходить и узнать у Шиняка, приехал он или нет.

– Ага, и маму Юлю поселить в гостиницу.

– А что мать то тебя так смущает? Она вроде нормальная тетка

– Мне нравится твоя мать, только опять будет смотреть вопросительным взглядом, и делиться тем, что видит с подругами. А ты знаешь, что такое наш магазин.

Я завершила трапезу, помыла посуду, и отправилась на просмотр снимков. Дима постарался. Подушечки, одеяльце, и поверх всего этого рубашка. Розовая. Ночная. Сейчас бы я сказала, что мусульманская. Глухая шея, длинные рукава, прямо до пяток.

– Это что ты мне предлагаешь? Переодеться?

– И желательно не здесь. Потому что я хочу увидеть сразу

упакованную

– Так я и сейчас упакованная. Зачем менять шило на мыло?

– Ты же не будешь спать одетая. Поэтому давай ты вот такую рубашонку оденешь?

– Зачем? Я тебе не нравлюсь раздетая?

– Хочется остроты ощущений

– А когда просто в нижнем белье, это пресно, да?

– Галь, а можно просто пойти и ее одеть, ну очень прошу.

Ну хочется мне так. Попробуй, может тебе тоже понравится

Я вздохнула и пошла в туалет. Что в голове у мужиков? Одному вообще от женщины ничего не надо, второй какие-то костюмы придумывает. Хотя костюмы лучше, чем ничего не надо.

В туалете, одев розовую рубашку я просто стояла перед зеркалом и любовалась на себя. Во-первых, мне очень шел цвет. И до сих пор мне идут цвета такого оттенка. Ну вот как-то гармонизируют они и меня и моё пространство. Как-то делают меня умиротворённое и ярче, а мир вокруг меня светлее. Я что-то прямо в тот момент забылась от созерцания, и пришла в себя только тогда, когда услышала Димин вопрос: "Ты что там, умерла?". И действительно, чего это я? А ничего. Просто люблюсь собой. И не только рубашка, конечно, меня в тот момент украшала, но и Дима. Потому что это благодаря ему у меня в тот момент было хорошее настроение. Ну и конечно денежки меня радовали. Белье то каждый день мне

деньги приносило. Постельное конечно. Но процесс уже тихо подходил к завершению.

Я явилась на зов, а Дима посмотрел на меня и сказал: "Надо было и в этой рубашке тебя сфотографировать. Хотя ничего не получилось бы. Фотографии то черно белые. Но так, имей в виду, этот цвет тебе очень идет". Я освободилась от протеза и легла Диме на руку. Мне то в тот момент казалось, что Дима эти фотографии досмотрел до дыр. Ведь как только он их забрал у фотографа Королёва, так он и не выпускал их из рук. А я уже и попсиховать успела, и поспать, и поесть. Только потому что, боялась взглянуть на эти фотографии, скорее всего именно так. Я старалась принять более удобную позу, а Дима ждал. Наверное, совместный просмотр лёгкой эротики его заводил.

А на мой сегодняшний взгляд, с учётом того, что фотографии делал не то что не профессионал, а тот, кто держал фотоаппарат в жизни один раз, это были не фотографии, это был шедевр. А ещё ведь их подретушировал Дима Королёв, который не разу не фотохудожник, а просто тот, кто решил, что на черно белых фотографиях это будет лучше. А я в тот момент даже не особо осознавала вклад Королева в те снимки. И если бы я не стеснялась сама себя и отсутствия собственной ноги в природе, я бы просто любовалась тем, что мне показывали. А так я выискивала недостатки в собственной внешности, а недостаток то был один. У меня не было ноги, и на нескольких снимках, Дима, который лежал рядом

со мной, то ли умышленно, то ли нечаянно подчеркнул это.

Опять же это я не хотела видеть себя безногой. В тот момент, это для меня была ещё свежая рана. А если подходить к этому не с точки зрения личной потери, а с точки зрения подачи информации фотографом и корректности этой подачи, конечно, это было красиво, потому что позы выбраны были замечательно. И сейчас можно быть уверенной на сто процентов, что я Дмитрию нравилась до дрожи в коленках. Такие фото может сделать только тот, кому нравится то, что он снимает. Ничего лишнего, но красивая нагота так ярко подчеркнута, что даже обрубок, не бросается в глаза. Наверное, он так видел меня в то время. Влюбленный художник.

А парные фотографии, не смотря на то, что все-таки были сняты с помощью автозапуска, очень хорошо отражали наши эмоции. Было видно даже на фотографиях, что я люблю этим мужчиной. Но он действительно был хорош. А по его позам и взглядам было видно, что он старается не причинить мне боли, и окутать своей нежностью, и, наверное, любовью. В тот момент я очень сомневалась в его любви. Тот, кто любит, тот женится и не придумывает обстоятельства непреодолимой силы, как Дима. В общем, фоточки затянули нас именно эстетической красотой, а не сексуальностью молодых тел. И конечно эмоции, отразившиеся на наших лицах, и обусловившие наши позы, тоже были важны.

Ну и не стоит забывать про редактора Свету, это же она из трёх пленок выбрала одну треть самых лучших. Я не счи-

тала тогда фотографии, потому что знала, что это временное явление в моей жизни, но их было штук тридцать. И сейчас вспоминая нас молодых, у меня интересная мысль приходит в голову. Из нашей тогдашней юношеской молодой компании, я, Дима, и ещё двое, реально в молодости делали все, чтобы угандошить свою жизнь. Зачем? Сейчас нет у меня ответа. В живых из той четверки осталось двое. Я и ещё один мальчик. Конечно, мальчику тоже 60+, и жизнь у него тоже получилась загадочная. Но интересная. Каждый раз встречая его прошу рассказать о себе. Но у него в отличие от меня, та жизнь за семью печатями.

Ну а я, конечно, ближе к концу просмотра спросила: "Дим, дашь их мне, я завтра Свете это покажу, ей интересно будет"

– Галь, можешь забрать их навсегда, мы же как-то не договаривались, чья это собственность.

– Не, Дима, если ты гарантируешь тайну, и только двух зрителей, а со Светой трёх, то храни их ты. Будем с тобой периодически их рассматривать. Представляешь, сидим такие сморщенные в девяносто лет, и вспоминаем, как дурковали 60 лет назад.

Неожиданно Дима рассмеялся. То ль печально, то ли горько, но не весело.

– Не, Галь, в девяносто я точно не смогу составить тебе компанию. Прости

– А с чего это? Я вот собираюсь жить долго

– А у меня обстоятельства непреодолимой силы.

Дима обнял меня, поцеловал в макушку, а мне почему-то казалось, что он сдерживает слезы.

Захватила нас коллекция фотографий так, что мы заснули ближе к утру, и проснулась я от того, что меня трес Дима: "Гал, вставай, мы проспали. Если подсуетишься, успеешь на автобус. Я сегодня просто могу тебя проводить до этого самого автобуса"

Вставать рано я не люблю, но умею. Одеваюсь быстро как солдат. Я даже в тот день фотографии не забыла с собой прихватить. А ещё я не забыла прихватить с собой думу о том, а не остаться ли у Димы до конца недели. Потому что я ничего не имела против этого, но меня смущала Димкина мать. А ещё у меня кроме всего прочего были дела, и мне хотелось их доделать до того, как в моей жизни появиться Витя. И мне кроме текущей, как минимум нужна была ещё одна неделя. Завершить аферу с Настиной самогонкой. Я уже придумала, как ускорить процесс и даже сала внедрять ускорение в жизнь. Поэтому надо подумать и с кем-то посоветоваться.

Но образ жизни надо изменить. Потому что, если в субботу воскресение Витечка будет здесь, пусть он видит, что я живу дома. А к Димке можно убежать и в двенадцать часов ночи. В общем, озадаченная своей жизнью, я ничего не решила, но на работу приехала вовремя. Это было очень хорошо, потому что без волнений и опозданий. Пока переодевалась в раздевалке, я потихоньку сообщила Светке, что у меня к ней есть дело. Фотографии то я захватила! И очень

хотела ей показать, потому что выбор был ее, и благодаря ей действительно снимки были сделаны правильные. Поэтому в перекур мы ушли просто на второй этаж, где никого не было, и приступили к просмотру.

Светка видела негативы, и как-то видимо все это представляла по-другому. А когда я ей всучила в руки пачку фотографий, она просто покинула этот мир, настолько была то ли зачарована, то ли от неожиданности потеряла ощущение реальности. Если бы не я, она бы и не заметила, что наше время закончилось, и пора на работу. В себя привела ее я. Она вернула мне пачку и шла на рабочее место, все равно в состоянии, которое говорило о том, что Света слегка не в себе.

– Слушай, а кто тебе этот мужик, который вместе с тобой снимался, и который тебя иногда на работу возит.

– Никто, сосед, и учились мы с ним вместе.

– Но, ага, так я и поверила. А что наш Витюша водитель с тобой в таком виде не фотографируется?

– С Витюшей у нас деловые отношения, ты мне, я тебе, и по темпераменту мы совпали

– А с этим красавчиком у тебя какие отношения?

– Загадочные, Света. Такие загадочные, что мне никогда и не понять, какие у нас отношения

– Почему не понять? Даже по фотографиям понятно, что он тебя съест готов

– Съест может и готов. А вот жениться не готов

– Ты что его жениться на себе заставляла, что ли?

– Да нет, просто спросила, чего это он на мне от большой любви не женился

– И что он сказал? Расскажи, очень интересно

– Сказал, что у него такие обстоятельства, что не может он жениться на мне для моего же блага.

– Интересное кино. Спать значит он с тобой может, сниматься голяком на развратные фотографии может, а жениться нет? Козел он, наверное, такой же как все. Хотя чёрт их разберёшь этих мужиков. Сейчас то у вас что?

– Медовый месяц, ёкарный бабай. Такой медовый, что иногда даже спать некогда.

– Знаешь что, Галюня? Ну и хорошо. Не каждая переживает такой медовый месяц. Я вон, как за Мишку замуж вышла, так и закончилось все. Осталась работа, семья, супружеский долг по разнарядке.

– А почему по разнарядке то? Чего не устраивает?

– Все не устраивает. Я же не девочкой замуж выходила. Какое-то понятие о мужиках имею. А вот с Мишкой ничего не получилось. С кем из нас и что не так? Я же не по любви замуж выходила, по расчету. Но думала, что начнем вместе жить, все наладится. А вон, ни фига не наладилось. По молодости вроде как по любовникам бегала, а потом дочь повзрослела, боялась, что заметит и будет меня грызть.

– Серьезно, что ли? Дочь осуждать бы стала?

– Да, она папочку боготворит. И сейчас, до свадьбы пара

дней осталась, а она меня знать не хочет. К сватам переехала. А денежки мои ей нравятся. Вот такая у меня история. Так что дорогая моя, спи со всеми подряд, сожалений потом не будет.

– Хорошо сказать. Мне кажется, что постоянно рядом Витёк тусуется. Сейчас проявиться, и буду опять синяки бодягой сводить.

– Галь, ну ты же давно со своим Витьком? Понять должна, что синяки ты будешь сводить в любом случае, хоть поймают он тебя на месте преступления, хоть не поймают. Есть такие мужики, которые без этого не могут. А Витёк то твой в постели как? Терпимо?

– Да как тебе сказать? Витёк, это худший вариант, из тех, кто у меня был. Есть конечно и другие, от кого тошнило прямо. И выходит у Витьки единственный плюс. От него пока не тошнит

– Интересно ты размышляешь. А тошнит, это как?

– Ну это, вроде и мужик ничего, и в реале не противный, но душа вот не принимает его, хоть тресни. А мужик так хочет понравится тебе, аж на левую сторону выворачивается. Вроде как думаешь, да ладно, вроде вон как хвостом вертит. Ну а уж после того, как в постели лежали, понимаешь, бежать надо, прямо срочно. Но таких у меня мало было, всего пара штук. Вот, а Витя выходит третий по любовным талантам снизу списка

– Значит, сам бог велел по мужикам бегать.

– Я и бегаяю. Пока не огребусь. Жалко себя.

На этом разговор закончился, потому что работа началась. Но Светка своей лекцией заставила думать меня в другую сторону. Действительно, чего мне терять то? А в глаз то я первый раз получила ещё до того, как мне в голову пришла идея о постороннем мужике.

А после работы меня что-то вообще понесло не туда. Мне вдруг захотелось показать эти стыдные фотографии маме. Очень уж они хороши были. Сегодня днём, пережив вчерашний психоз и кондрашку, да еще полдня, слушая Светку, я хотела выразить большую благодарность Димону, за то, что он устроил эту фотосессию, за то, что споил меня и уговорил на этот подвиг. Потому что, наверное, все-таки с горем пополам, я поверила в то, что эти фото никто не увидит. А маме то я имела право их показать, и была уверена, что она их оценит. К тому же надо было и к тете Тане сбегать, и к Насте, а то я со своей неожиданно нагрянувшей любовью про все позабыла.

С мамой я попила чаю, оставила ей фотографии и пошла к Насте посмотреть на бражку. На вид вроде она ещё не совсем выбродилась, а на вкус вроде можно было гнать. Я хотела начать побыстрее, чтобы фляги освободить, и процесс не затягивать. В общем решили с Настей попробовать завтра. Попробуем три литра, если по крепости подойдёт, можно будет ставить гнаться всю флягу, и ставить свежую брагу. Все хотели денег, и я и Настя. Но даже тогда мы понимали,

что продукт должен быть качественным, потому что есть вероятность повторного заказа. Поэтому мы, конечно, хотели быстрых денег, но головой думали, и результат просчитывали.

Потом я помчалась к тете Тане. Я теперь не каждый день за продукцией приходила. Мне же Дима эти комплекты на работу возил. Так что копи, хоть десять штук. Ну я как-то так и делала. Все мои опасения об отсутствии покупателей были ложными. Теперь я уже точно знала, что все раскупят мои коллеги, и тетки из соседних цехов. Нервничать не было смысла. Тем более, как сказала тетя Таня, дней десять, и всё, конец ударного труда. А я в этот момент думала о том, что очень бы было хорошо, чтобы Витька не нарисовался в эти выходные, тогда бы была вероятность завершить все мои проекты, собрать денежки, и заныкать их или у Ольги Константиновны, или у матери.

Проверив плавное течение собственного производства, я наконец то отправилась домой. Но что-то я не ожидала, что мама у меня расклеится. Она рассматривала фотографии и плакала над ними. Замечательный разворот событий. Что за горе то? Я то думала, что она лекцию мне будет читать за отвратительное поведение, а она вон, что, развела мокроту. Я уже хотела спросить ее по какому поводу траур. Но мне надо было как-то настроиться. Поэтому я стул себе принесла, чаю налила, настроилась, и даже сделала глубокий вдох для смелости. Но сказать то все равно ничего не успела. Потому

что неожиданно заговорила мама. И даже не заговорила, а заголосила.

— Галька, и что же ты за дура у меня такая родилась? Какой чёрт попер тебя на эту железную дорогу, в этот питомник? Что тебе плохо жилось, что ли? Ты понимаешь, что жизнь себе испортила? Да разве Витя голожопый тебе в мужья нужен? Да ты бы на него и не посмотрела с двумя то ногами! А помнишь, как Димочка, с которым ты тут на фотографировалась, все двери тут обоссал? Ведь ни дня не проходило, чтобы он здесь не околачивался! Тогда он был готов следы твои целовать! А сейчас что? Сейчас у вас просто случка, пока Юли дома нет, да? Приедет, всех разгонит. А если не получится, прибежит ко мне, чтобы я забрала свою дочь проститутку!!!

Я слегка ошалела. А мать моя женщина голосила, как на похоронах. Она рыдала по прошлой, красивой, двуногой Гале. Конечно, это было за гранью. И я бы вместе с ней заголосила. Но я, видимо в какой-то момент запретила себе думать в этом направлении. Что бы было, если бы я не попала под поезд? Ничего бы не было! Потому что под поезд я уже попала! А мать перебирала фотографии одну за другой, и продолжала причитать: "Посмотри на себя, ты же красавица! Я ж тебя родила не для того, чтобы тебя поезд переехал. Как так случилось то?". Все, прыгнула с рельсов моя мама. Нельзя быть всегда сильной. Я достала бутылку самогона, налила ей полстакана и сказала: "Пей". Она не стала спорить.

Но причитать продолжала. А я собирала фотографии, попутно рассматривала их и пыталась донести до нее, что на фотографиях я уже без ноги. Но она не хотела ничего слушать. Она хотела, чтобы ей вернули целую, новенькую, не поломанную Галю. Но было поздно. Так было нельзя. Запьянеть она от самогонки не запьянела, но успокоилась более-менее. Вроде перестала голосить. Обняла меня и сказала: "Прости меня, дуру старую, что-то я совсем расклеилась". Вот тут я ее и спросила, а что мне лучше делать, Витю дома ждать, или с Димой кувыраться. Она посмотрела на меня и сказала: "А что ты с тем Витей увидишь, кроме рваных штанов и скандалов? Гуляй, Галя. Неизвестно что впереди"

Я внимательно посмотрела на нее, может шутка такая? Нет, глаза цвета горчицы на заплаканном лице, смотрели на меня открыто, без прищура. И обнимала она меня искренне. Ну раз гулять, значит гулять. Пошли Диму обрадуем.

Маму я не могла бросить до тех пор, пока она не успокоится, поэтому присела рядом обняла ее, и минуты на три задумалась о том, что поезд все-таки, страшная штука. И о том, что этот поезд все-таки был специально для меня. Нас же двое по рельсам шло? А огребся кто? По серьезному пострадала я. Хотя могло быть все наоборот. Значит нужен мне зачем-то этот поезд. В божьи наказания и судьбу я и тогда не очень верила. Поэтому иногда, конечно, меня уносило не в ту сторону. Но я однозначно не верила в то, что это случайность. Впереди у меня была жизнь, чтобы понять, поче-

му так случилось. А ещё понять то, что жизнь, она любая, прекрасна и удивительна.

Мама успокоилась, поцеловала меня в макушку, и пошла к внукам. А я пошла радовать Димку. Но обрадовала я его совсем не тем, чем хотела. Он прямо обрадовался до восторга тому, что увидел меня! Потому что ведь я давно должна была прийти с работы, но потерялась в камышах. Диму я почему-то не считала нужным предупреждать, поэтому он был в неведении моих планов и действий. И соответственно придумал себе всяких гадостей. По этому делу он был большой спец. И, наверное, для того, чтобы разогнать свои гнусные мысли, мерил шагами двор, туда, сюда, туда, сюда. Он бы, наверное, побежал мне навстречу, когда меня увидел. Но рекламировать наши отношения не хотел. Поэтому подошёл спокойно, как бы нехотя.

– Гал, ну ты что так-то? Я уже всякую муть начал о тебе думать

– Не льсти, Дима себе, ты не думать стал, а придумывать. Если бы ты думал, ты бы понял, где я.

– Что мне понимать то? Ты ведь уже везде сбегала, я ведь давно за тобой наблюдаю

– А что тогда нервничаешь? Я здесь, значит скоро приду

– Ну, ну. Помню вокзал. Жди меня, и я вернусь. Так бы и превратился там в ледяную статую.

– Ты что мне, всю жизнь вокзал будешь вспоминать?

– Ты же каждый вечер меня клюёшь за то, что я замуж

тебя не позвал? А я может в тот вечер хотел тебя замуж позвать!

– Фантазёр! В девятом классе ты что у нас делал? Балду пинал! Потому что даже иркутские ПТУ не хотели тебя брать к себе на баланс. Одни проблемы Дима всем приносил. Ты точно тогда жениться на мне хотел?

– Остановись, Галя. Мы с тобой все просрали, и исправить, поверь мне на честное слово, уже ничего нельзя

– Вы что, ёкарный бабай, сговорились? Сегодня у всех вечер тоски о прошлом? Можно я уйду?

– Кто ещё то страдает?

– Мама моя. Сейчас только вспоминала, как ты все пороги у нашей квартиры обоссал, а сейчас только на дешёвый контакт готов

– Ну, дорогая моя мы опять решили поругаться, только я этого не хочу. Но все-таки скажу. Когда я твои пороги обоссывал, я тебе на фиг был не нужен. И сейчас я уверен в том, что не случись с тобой это несчастье, ты бы и не вспомнила обо мне. Я в этом уверен! Так что оба хороши.

Я озверела, и собралась прочитать Диме длинную отповедь. Но мы зашли в подъезд. И Дима, мой рот, из которого собирались вылететь неприятные для него словечки, просто закрыл поцелуем. А целовался этот товарищ, как бог. Поэтому я почти сразу забыла о том, что я хотела ему наговорить кучу гадостей. Обхватила его за шею, прижалась всем телом, потому что ночь то у нас прошла без любви, а тело реаги-

ровало на присутствие мужчины. В общем поцелуй он применил вовремя, и на мои объятия отозвался адекватно. Подхватил меня, и не прекращая поцелуя, понес меня на свой третий этаж. Мне нравилось целоваться на ходу, с открытыми глазами. Закрыть глаза он ее мог, надо было понимать, куда идёт.

Целоваться с закрытыми глазами я тоже люблю, но, если глаза открыты там много чего можно было прочитать. И в тот момент в этих серо зелёных глазах было написано о том, как это товарищ ко мне относится, насколько я в тот момент желанна, что я совсем не тяжёлая, и нести меня по ступенькам вверх совсем не сложно. Хотя я, наверное, тогда со своим тяжёлым протезом вместе весила не больше шестидесяти килограммов. Поэтому действительно, при ярко выраженном либидо, такой вес был вообще не замечен. И мы почти без отягощения оказались у закрытой Димкиной квартиры. Мне надо было опуститься с небес на землю, а я этого не хотела.

Диме пришлось держать меня на весу одной рукой, а второй шарить ключ по карманам. Но открыть дверь на ощупь, у него не получились. Пришлось нам все-таки разомкнуть и губы, и руки, и открыть дверь. Но застряли мы почему-то в коридоре. Наверное, хотели продлить поцелуй. Или раздумывали над тем, в какое место податься, чтобы растворится и в себе, и в друг друге, и в нежности, надолго и без остатка. Пока мы целовались в коридоре, я успела стащить с Димки всю одежду. Его раздевать было легко, потому что у него не

было деревянной ноги. Но когда он понял, что я сделала, все что могла, он тоже не стал стесняться. И почему-то сегодня он даже не вспомнил про розовую рубашку

То ли у нас был взаимный психоз, то ли устали мы от постоянного напряжения, но не успела я поделиться с Димой радостной вестью и сказать, что мне мама разрешила с ним кувыркаться до тех пор, пока мне не надоест. Потому что мы уснули. Уснули так, что я проснулась глубокой ночью. Проснулась от того, что замерзла. Мы же как упали в объятия друг друга поверх одеяла, совсем без одежды, так и уснули. Но у Димки кожа была толще, наверное, поэтому он продолжал спать. А я проснулась и поняла, что спать я уже не хочу, а вот закрыться чем-то надо. На одеяле лежал мой друган, я не хотела его будить, поэтому в свете уличного прожектора нашла розовую мусульманскую рубашку и пошла на кухню.

Согреться ночью можно было только чаем. Поэтому я поставила чайник, и встала к окну. Ничего особенно интересного я там, конечно, увидеть не могла, пустынная улица, фонарь, который светил в Димкины окна, дорога, на которой ночью не было ни одной машины, и все. Просто поглазеть в окно, коротая время? Нет. Ничего в этом мире не бывает просто так. Хорошо, что я свет на кухне не зажгла. С Гоголя к дому свернул Жигуленок и встал как раз под Димкины окна. Я, конечно, отошла от окна, на всякий случай. И встала так, чтобы я все видела, а меня никто не видел. По-

тому что свет из коридора все равно падал, и если встать у окна, то меня вполне можно идентифицировать.

Но я-то хотела идентифицировать того, кто приехал ночью к дому, потому что были у меня какие-то нехорошие предчувствия. Хотя зачем какие-то предчувствия, когда неделю ночуешь у постороннего мужика? Тут уж не предчувствия, а страх быть рассекреченной. Ну и вот в тот момент я поняла, что рассекретят меня минуты через три. Потому что из машины вышла Димина мама Юля, и задрала голову, разглядывая родные окна. Чудесненько. Сейчас придет домой, а здесь Галя в розовой рубаше гуляет! Вот радости то будет! Наверное, мне придётся свыкнуться с мыслью, что надо выметаться, потому что и так отхватила порядочный кусок радости. А хозяев нужно уважать

Но мама Юля не торопилась бежать домой, потому что из Жигуленка вылез мужик и стал тискать ее прямо на улице, благо народу не было. Мама Юля отбивалась конечно, но больше понарошку, ей нравилось, что мужик лез к ней под подол и в декольте, это было видно. А в итоге они замерли в поцелуе, как в игре "замри". Выходит мама Юля очень хорошо провела неделю с этим мужчиной, а нам набрехала, что к сыну поехала. Хотя мужика этого я тоже знала. Он был местный, женатый, и чуток моложе мамы Юли. Но мама Юля была женщина задорная, поэтому недостатка в мужчинах она не испытывала. Ну и хорошо. Убежать я, конечно, никуда не успею, да и не сильно хочется, поэтому надеюсь на понима-

ние, и больше ничего.

Но мужичонка на какое-то время притормозил маму Юлю, и на третий этаж она явилась минут через пятнадцать, покрасневшая и счастливая. А я просто открыла ей дверь. Ну а чо? Удивлять так с порога! Только не поняла, она удивилась или нет?

– О, здрасти, гости понаехали!

– Доброй ночи, тетя Юля

– А сын мой неутомимый что мать не встречает?

– Спит он.

– Умотала мужика? Вот сколько смотрю на вас придурков, столько и удивляюсь! Что, старая любовь не ржавеет? Или вы антикоррозийную жидкость пользуете?

– Какая любовь, тетя Юля! Дурость это, не больше не меньше

– Галя, можешь говорить мне что хочешь, твое дело. Но это же мой сын, и я знаю со сколько лет он по тебе плачет, сама ему сопلي и слюни вытирала, когда он под лестницей выл: "Галя меня не любит! Как я без нее жить буду?". Что, сейчас наверстываете упущенное? Хоть получается? Зла на вас нет. Пошли чаю хоть попьем. Тебе, наверное, завтра на работу?

– Да, на работу. Вы не переживайте, я больше не приду

– Галя, ты пойми меня правильно. Мне то было бы лучше, если бы ты рядом была. Он же бешеный. Ты извини меня за то, что я тебе тогда в новый год гадостей наговорила, но что-

то мне не нравились ваши эти похождения

– Ой, тетя Юля, да это я вам не нравилась, а не наши похождения. Что уж придумывать, я вас понимаю. А похождения? С кем только ваш сынок не ходил!

– Да просто, Галь, не думала я, что вот так все повернется. Свихнулся он на тебе и все. И последствия у этой болезни не очень хорошие

– Последствия чего?

– Того. Ты не знаешь, что ли?

– А что я должна знать?

– Не знаешь, и хорошо, меньше знаешь, лучше спишь. Тем более, как я понимаю, у вас это временный порыв. Сейчас налюбитеесь до отрыжки, и опять разбежитесь лет на пять. А что будет через пять лет, никто не знает. А ты завтра то приходи, не стесняйся. Во-первых, я ничего против не имею, а во-вторых, я днём уеду снова. Отпроситься надо, да договориться, вот и приехала.

Мы пили чай с вареньем, а меня терзала мысль о том, что я должна знать про Диму? Как он из-за меня слетел с катушек, и как это выглядит, раз мама Юля так уверенно про это говорит. Но как я уже говорила, узнаю я это не скоро, и слава богу. В тот момент эта новость для меня окажется просто новостью. А сейчас я отсчитывала тете Юле сто двадцать рублей за ее воротник, и вот нутром чувствовала, что она и правда против меня ничего не имеет. А Дима так и не проснулся, наверное, сон интересный снился.

Я допила чай, вымыла за собой кружку и пожелала тете Юле спокойной ночи. Но, не тут то было.

– Не уходи, а? Побудь со мной ещё минут двадцать. Чего я тут одна? Сейчас я тебе чаю с успокоительным сгоношу. Выпьешь кружечку, и уснёшь сразу. Успеешь выспаться. Тебя же все равно Димка на работу возит? А он спит, значит всё идёт по плану

– А успокоительное то, это что? Водочка анисовая?

– Ну зачем так грубо то? Чай же. Значит это будет мятный ликер. Чай с мятой пробовала? Нет? Значит тебе понравится. Точно знаю, садись давай, я налью

– Вы нальете, а я всю ночь буду в туалет бегать?

– Бегать? Туалет то чай не на улице, вон, два шага. Пробуй.

Тетя Юля, наверное, сама любила подобный чай, потому что и себе капнула ликера из пузатой зелёной бутылки. И все-таки даже на закате советской торговли, торгаши жили классно, привыкли, наверное. Я не знаю, чем этот чай нравился тете Юле, может и крепостью. Ликер все-таки. А мне он понравился ароматом. А с учётом того, что я пила этот чай тогда, наверное, первый раз в жизни, я имею в виду с мятой, я можно сказать, язык проглотила. Это был божественный напиток. Но тетю Юлю волновало совсем не одиночество, но виду она не подавала

– Галь, ты же видела меня в окно, да? Ну, когда я подъехала

– Видела. Тут по ночам любая машина, как невидаль

– Ты знаешь что, ты про Юрасика никому не рассказывай, а?

– Про какого Юрасика?

– Про того, который меня привез сюда ночью

– Не только привез, да? Общупал все прелести на прощанье, как будто это вы не с ним неделю провели. А он кто? Людкин муж. А Людка кто? Самая скандальная баба в Свердловском пищеторге. И если она узнает, где и с кем Юрец был, то не только любовнице будет плохо, но и всем, кто есть в округе, да?

– Да, все будет именно так. А ты же знаешь, у меня почти незапятнанная репутация. Одна детей поднимаю, примерная такая невинная тетя

– Уморила. Детей она поднимает. У твоих детей уже свои дети должны быть, мать- героиня! Лучше скажи мне, тетя Юля, как старший товарищ, вот чего этому Юрику дома не хватает? Дом, полная чаша. Машина есть, дача есть, детей ему Людка родила аж троих, почему подол и ноги он задирает женщине, которая на десять лет его старше? Ну очень мне интересно это знать

– Ты что городишь то, Галя, да ещё вслух? Вдруг Димка там подслушивает

– Ой как смешно! А мы то здесь чем с Димкой занимались? Он ведь девственник? Весь в маму, да?

– Галя! Тише! Не надо об этом так громко.

– Ой мама дорогая, что же это такое? Тетя Юля! Ты неделю с мужиком провела! Вы что там, в шахматы играли? Я смотрела на вас сверху, он бы и на капот тебя завалил, но место очень открытое. Но это не помешало ему у всех на глазах тебя за титки дергать. А ты и не сопротивлялась, и не стыдно тебе было, почему? Почему Юрец с тобой, а ты с ним, а? Объясни мне. Ну очень интересно, если вспомнить про Людку, и подумать о том, что у нее между ног такой же орган, как у тебя! Что у людей в голове?

Видимо так на меня подействовал ликер. Мало того, что я хотела отомстить маме Юле за скандал пятилетней давности, мне ещё действительно было интересно, почему муж бежит от жены к посторонней тетке, которая старше его? Тем более красавицей тетю Юлю назвать было сложно. У нее в родне однозначно были буряты, и видна была ее восточная кровь. Ну не было в ней ничего особенного. Пожалуй, кроме выражения лица. Казалось, что эта женщина постоянно всему удивляется и смотрит на мир широко открытыми глазами. Это выражение делало ее лицо моложе. И все. А мужики ее любили, это я знала наверняка. А про любовь с Юрасиком узнала только сегодня. Хорошо конспирировались.

– Галь, а что за интерес то? Я свободная женщина, с кем хочу, с тем и сплю. А ты вон, вроде как замужем, чего Диме то моему не отказала? Чем его аппарат отличается от аппарата твоего мужа? Длиной, шириной, или стоит дольше? И у Димы надо спросить, что у него за болезнь такая, как тебя

увидит, так разум теряет? Чем твой то орган лучше, чем у других? А ничем! Просто люди разные и совпадают по-разному. Мы с Юрцом на даче, вы с Димой здесь, но занятие то одно и то же? Чего свиристишь то? Правду что ли захотела узнать про все это? А кто тебе ее расскажет? Нравится тебе с Димкой? Что в ухо то ему шепчешь, когда ноги на плечи закидываешь? А мне с Юрцом нравится! Поэтому прошу тебя, помолчи. Нам то с тобой делить нечего. А ты же знаешь, все хорошее рано или поздно заканчивается. Договорились?

– Конечно. Какой смысл мне трезвонить, если я смысла в наших любовных играх найти не могу

– А не надо его искать. Просто пользуйся случаем и радуйся жизни.

Это мне говорила женщина, которой в ту пору было лет сорок восемь-пятьдесят. И она знала, что говорила, а я ей почему-то не верила. И почему-то в тот момент мне все пытались донести истину про текущий момент

Проснулась я, потому что меня за плечи трес Димка. Я догадывалась зачем он трес, поэтому просыпаться вообще не хотела. Рано совсем. Но у Димы на эту тему были совсем другие думы. Ну и тряси, пока не растрясешь. И он растрес, конечно.

– Галь Галя, просыпайся потихоньку. Мать приехала

– Зачем? Ну, приехала, ну спит в соседней комнате, я то при чем?

– Давай свалим, пока она нас не видела, чтобы лишних

вопросов не было?

– Она же спит, какие вопросы то могут быть у спящей?

– Так проснется же и вопросы обязательно будут

– Какая разница, когда будут вопросы, утром или вечером, все равно отвечать придется!

– К вечеру я ее подготовлю, а сейчас она очень удивится, если тебя увидит

– А сейчас ты меня куда хочешь загнать? В чулан?

– В какой чулан? В машину!

– А где эта машина то? В гараже. Пригони сначала

– Пригнал уже, под окном стоит, просыпайся!

– Дима, отстань, она меня уже ночью видела! Успокойся, дай мне поспать, и сам поспи, а?

– Она что ли ночью приехала? Интересно на чем?

– Какая тебе разница? Я ее встретила, успокоила, все замечательно, она после обеда уедет!

– Это точно, или ты так шутишь? Галь, ответь мне

Все, сила воли моя вся закончилась! Что за мужики то у нас такие? Шкодить не боятся, а ответственность нести боятся! Один от жены бегают, жену боится, второй спит с тем, кто маме не нравится, маму боится. Тогда не женитесь, а? И живите отдельно от мамы! И сразу все будет хорошо! А то все испереживались! Мама его отругает, тридцатилетнего малыша! Так если ты малыш, и не лезь к теткам в постель! Но ты же лезешь! Значит веди себя, как мужик. Но в этом плане у нас сбой программы. А я резко села на кровати и

посмотрела на часы. Пять часов, пятнадцать минут. Ещё час спать можно, а он же извелся, маму он боится! Потому что задолбал маму. Каждый день новая невеста!

— Дима, ты когда меня здесь оставлял о последствиях думал?

— Так она мне самолично сказала, что приедет в среду вечером

— Ну и что? Обстоятельства изменились. Подстраивайся как-то. Зачем меня то будить? Это твоя мама! А если я сейчас выйду, то пошел ты лесом, я спать по утрам хочу! Тебе надо, иди выясняй отношения со своей мамой. Какая ей разница, кто в твоей постели лежит, она уже привыкла! В общем, отстань. Или я уйду насовсем, или разбудишь в без пятнадцати семь

Конечно, я понтовалась. Я уже настроилась жить у Димы, пока самогонку не выгоню. А в субботу хотела послать его прогуляться на Каю, на разведку. Но вставать и идти в машину в такое время мне не хотелось, и Димино поведение мне тоже не нравилось. Надо же, маменькин сынок! Испугался, что в угол поставят. А он сейчас мог, конечно, успокоится, а мог и продолжить стонать. Вот тогда все мои планы на смарку. Потому что придется идти до конца.

Но Дима, наверное, пришел в себя. Или озарение настало. На тему того, что он истерику перед женщиной устроил. Он закрыл меня одеялом, и сказал мне: "Все, все, больше не буду, досыпай свой час. И с мамой разберусь потом". Слава

тебе, Господи, есть ещё час кайфа! Это я размечталась. Дима тоже залез под одеяло. Но он то выспался! Он же не вел всю ночь переговоры с мамой Юлей! Поэтому замолчать то он замолчал, и спать меня положил. Но его рукам и губам не было покоя. И эти руки и губы не давали покоя мне. А мне так хотелось поспать. Сначала я призывала его к совети. Ведь мать в соседней комнате спит, нельзя же при матери. Но это вообще не помогло.

Потом я прикинулась мертвой. Мне почему-то показалось, что он быстро отстанет от женщины, которая не шевелится. Но все случилось с точностью до наоборот. Это женщина устала сопротивляться ласковым рукам и поцелуям и в итоге с большим удовольствием сдалась во власть победителю. Потому что победитель был очень умел в том, что делал. А когда понял, что женщина включилась в игру, был просто вне себя от счастья. В общем все пошло по плану, и пришло к логическому завершению. Правда слегка не так как мы хотели. Просто в дверь постучалась тетя Юля. Нежно и ласково – Эй, любовники, скоро вы там? Вставайте, чайку попьем, я оладьи изобразила.

Оладьи? Это хорошо. Значит слышала все от начала до конца. Но я-то тоже кое что ночью видела. А Димон, покраснел как рак. Он, наверное, не догадывался, что его мама Юля когда-то дала ему жизнь точно таким способом. Ведь все наши мамы родили нас от непорочного зачатия!

Я-то мгновенно отозвалась на приглашение мамы Юли, а

Диму, маленького мальчика мучила совесть. Никак он не мог настроить себя на взрослое общение. А мы с Юлей угорали над ним в кухне! Но Юля то прям разошлась, и съев две оладушки, встала из-за стола, и сказала мне: "Пойду, добыю девственника. Что-то он сегодня совсем соскочил с рельсов." А мне была вообще интересна вся эта ситуация. Ведь, по сути то, я же не одна такая, кого он к себе домой притащил. И все это было не первый раз. И мама Юля, я думаю не первый раз слышала скрип кровати, охи, вздохи и стоны. Чё Димулю так скрючило то? Я же видела, как он покраснел по серьезному. Стыдно что ли? Или другая причина?

Разговор мамы и сына я не слышала, Юля, как порядочная закрыла дверь. И минут через пять они пришли вместе. Но румянец с сынули ещё не сошел. Но он все-таки подуспокоился. Что она ему говорила, я не знаю, но что-то очень интересное, потому что он подошёл к столу и поцеловал меня. Ух ты, вот это продвижки! А если мама наругает? А вообще, во времена нашей молодости мы почему-то настолько идеализировали наших мам и пап, или хотели идеализировать? Что они действительно у нас были и бесполыми, и безгрешными. Как это можно маму представить во грехе? И про свои грехи мы молчали, как рыбы. Потому что стыдоба.

А вообще, если перефразировать Булгакова, то я бы сказала, что людей испортил не квартирный, а половой вопрос. Сколько поломанных жизней из-за безграмотности, сколько семей соорудили, которые и не семьи вовсе, а сколько без-

отцовщины в наше время по улицам бегали? Это все от того, что у родителей не хватало смелости нас просвещать, а у нас не хватало смелости у них расспрашивать. Я, например, первый вопрос про интим задала маме, когда ей было даже не 70+, а 80-. Ну и по ответу то поняла, что я сама уже могу вести для мамы просветительскую работу, а ей вообще мне нечего сказать. И это не очень хорошо. Потому что практический опыт близкого человека, тем более мамы, мало того, что полезен, ещё и доступен в любое время.

Инфа из интернета, она сейчас, конечно, вообще в близком доступе, но это не особо помогает, если количество разводов не уменьшается. Потому что семья и реально и официально начинается с первой брачной ночи. Почему люди стараются обесценить и измазать грязью опыт интимных отношений? Если у кого-то не получилось, это не говорит о том, что не должно получаться у всех. Но сейчас я со своей колокольни говорю, что мамский опыт очень важен, наверно и папский опыт не лишний, но в те времена никто не хотел передавать своим детям опыт постельных утех, поэтому мы не знали, где брать этот опыт и что с ним делать. И очень стеснялись родителей.

Вот видимо и Дима не мог в то утро пережить того, что мама поневоле подслушала его любовные игры. Со стороны их отношения были теплые и доверительные, ну а вникать глубже я не собиралась. Замуж то меня никто не звал, поэтому задачи выпендрится перед мамой Юлей, или построить из

себя целку патриотку, у меня не было. Тем более Юля была мне не мать, а такая же блудливая грешница, как я. Поэтому, пока в наших отношениях не присутствовало Димы все было у нас просто и понятно. А Дима внёс какое-то смятение. А скорее всего он смутился потому, что не ожидал, что его мать отреагирует на меня без претензий. И она бы, конечно, нагнула бы его, уже же так было. Но у меня был рычаг управления. Поэтому мама Юля вела себя прилично, и тихо надеялась на то, что я тихо исчезну из их жизни.

В общем, мы с ней соблюдали ночные договоренности, а Дима то был не в курсе. Поэтому все-таки постарался побыстрее переместить меня в машину, и там расспросить о подробностях ночной встречи, и о необычном спокойствии его резкой матери. От Димы то я ничего скрывать не собиралась, поэтому рассказала ему и про Юрца, и про их интимное прощание, и как не странно, Дима осознавал, что его мать обыкновенная женщина, и ей хочется тепла и ласки. Ему было все равно, с кем она, когда и как. Единственное его смущало, как и нас с Юлей, это Юркина жена. Потому что известной она была именно из-за скандалов. Если она могла закатить скандал на пустом месте, то что она закатит, когда узнает о том, с кем таскается ее муженёк представить было страшно.

Не смотря на то, что я ещё вчера вечером хотела сказать Диме, что приторможу у него дней на несколько, утром об этом я ему говорить не стала. Мне хотелось искренней Дим-

киной радости, но пока его мать не скроется в тумане, напряжение не уйдет. Поэтому я решила все это отложить на вечер. А утром мы просто подарили друг другу пару многообещающих поцелуев в машине, и расстались до вечера.

Светка была уже на работе, и настроение ее нельзя было назвать хорошим. Я хотела рассказать ей утреннюю историю, но по лицу поняла, что не стоит. Мы тихо курили. Я даже на тот момент потерялась в моменте. Я со своей жизнью как-то не могла разобраться, поэтому Светкина жизнь меня вообще не интересовала. Она продавала мое белье, переживала за мои выкидыши, а я даже не помнила, прошла у нее свадьба или нет. Вот это прямо показатель дружбы. А она, скорее всего мне об этом сообщала, но я не слышала, потому что нет у меня интереса в этой свадьбе. А Светка озадаченная такая скорее всего из-за своей дочурки избалованной. Надо ее как-то утешить и поддержать, а с чего начать то? Я напряглась и задумалась.

– Свет, дома что-то не так? Что такая задумчивая?

– А чего там может быть не так? Все, как всегда. Как моя родная переехала к сватам, тихо и темно

– Что ты тогда такая забыченная, если все как всегда?

– Это дома все, как всегда, а дочка свои права качает. До свадьбы хоть через губу со мной разговаривала, а сейчас как ни приду к ней в гости, ей все некогда. А я же скучаю! Галь, стесняется она меня что ли?

– А с чего она стесняться то тебя должна? Ты же мать ей?

– Свекровка то у неё теперь заведующая магазином, а я кто? Разнорабочая на мясокомбинате?

– Света, ты про зарплату про свою вспомни, такие деньги разнорабочим не платят. Поэтому к разнорабочим тебя отнести сложно

– Галь, у меня же образование то какое? Фазанка! А на руки мои хоть какой маникюр прилепи, и хоть каким кремом мажь, не поможет! Я же то шкуры этими руками кидаю, то соль разгружаю, то есть это не та работа, на которой руки берегут. А по вечерам ты знаешь, что я делаю? Самогон гоню, да свиньям жрачку варю. А потом иду кормить этих свиней. Чтобы в ноябре забить, продать, и доченьке обновок закупить. Разве можно такой матерью гордиться! Образования нет, разговаривать не умею, умничать не умею тоже. Не мать, а несуразица какая-то.

– Света, чего несёшь то? Ты вон, на банкеты так приоденешься, что никто и не догадается, чем ты занимаешься! Платье чешское, туфли итальянские, где написано, что ты фазанку закончила?

– Галя, ты на руки мои посмотри! Хоть какой костюм одень, а бруциллез то никуда не денешь.

Да, большинство тёток на мясухе были носителями этой болезни. Суставы торчат наружу и даже пальцы не гнутся. Тогда же особых защит от таких болезней не было? Поэтому заразились они всё ещё в молодости. Болезнь кривила кости, изнашивала суставы, и за это давали молоко. Поллитра

в день. Такая цена здоровья.

— А с чего ты взяла, что она тебя стесняется то? Может ей действительно некогда? Ведь она учится у тебя?

— Галь. Ну поговорить то со мной можно? Мне ведь интересно, как она живёт, что у нее нового, а она посидит со мной за столом на кухне и все; "Ну что, попила чаю? Тебе уже пора!". Что это? Или откроет дверь и скажет: "Ну сегодня мне некогда с тобой разговоры разговаривать, поэтому не приглашаю.". Это нормально? Когда я последний раз с ней разговаривала то? И гонит меня, и гонит. Чем я ей не угодила? Не могу я этого понять! А на душе кошки скребут. Обидно. Ведь для кого я добро всю жизнь коробчила? Ведь она у меня с детства отказа ни в чем не знала. Вот вам пожалуйста, благодарность. А мне то что делать? У меня больше и нет никого. И плачу я по ночам, Галя. Мишке жалуюсь. А Мишке по барабану, он пьяный.

Я обняла Светулю за плечи, и прижала к себе. Что я ещё могла для нее сделать? А она уткнулась мне в грудь и заплакала, навзрыд, как ребенок. Вот так бывает. Все вроде в этой жизни заработала, старалась, все есть, а душе не хватает благодарности и тепла. Светка была маленькая, ниже моего плеча, и по габаритам тоже больше худая и жилистая. Я обнимала ее за плечи, смотрела на нее сверху вниз и не знала, как ей помочь. Я давно предполагала, что Светкина дочурка когда-нибудь взбрыкнет. Потому что Светка действительно на нее жизнь положила и отказа ей не было ни в чем. Как это

переделывать, когда человек уже взрослый?

Опять же я понимала, что у Светки нет другой груди, кроме моей, в которую можно уткнуться. Поэтому застыла в ожидании, когда Светуля проплачется и успокоится. И одновременно прислушивалась к голосам за дверью. Нельзя было показывать слабость коллегам. В то время очень люди радовались чужому горю. Был повод затоптать в грязь. И все бы воспользовались такой возможностью. Потому что Светка была самым состоятельным человеком не то, что в цеху, но и на комбинате.

А Светлана Николаевна, выплакав полведра слез, наконец то, к моей великой радости, успокоилась. Взяла из кабинки полотенце, и пошла умываться, предварительно сказав: "Спасибо тебе, Галя, а то мне даже душу излить некому". А я смотрела ей вслед и думала: "Это тебе спасибо, Света, ты столько для меня сделала, что не могу я отказать тебе в маленькой человеческой доброте и ласке"

Так начинался у нас рабочий день. У кого-то с осознания, у кого то с разочарования.

Рабочий день, как он не тянулся, все равно закончился. Я переодевалась и старалась распланировать вечер. Самое главное, конечно, это тестирование бражки, если все пройдет удачно, к завтрашнему вечеру начнем обновление градусной жидкости. Сильно хочется быстренько все начать и закончить, получить за это денежки, и наконец то расслабиться. Какой-то напряженный у меня месяц. Но это не страш-

но, деньги, они любой стресс лечат, поэтому переживу любые невзгоды, лишь бы не бегать по соседям и не занимать трёхи и пятерки, вот это то точно напрягает. А все остальное, ерунда. Глянув на себя в зеркало, я закрыла кабинку, и вышла в коридор. Вовремя вышла.

В коридоре меня ожидал мой родной до боли водитель, которого я за последние десять дней забыла напрочь. Но, спасибо Свете, была предупреждена о визите. Ну а Витюха, скорее всего не предполагал, какая же я нехорошая женщина. Поэтому улыбнулся своими белыми зубами, и распахнул руки для объятий. Увертываться я не стала, ни к чему мне лишние подозрения. Тем более вполне понятно, что в конце следующей недели Дима слиняет, а Витя, он пока рядом, и много чего от него зависит. Хотя бы сытость моих детей. Витёк схватил меня в охапку и уткнулся носом в мою макушку. Люблю высоких мужчин, когда они обнимают, кажется, что ангел крыльями тебя прикрывает.

– Ты что, меня ждал? Или тебе машину грузят?

– Да я как-то соскучился по тебе, а ты что то не хочешь первой пригласить меня на свидание. Пришлось самому. Как у тебя настрой на близкое общение?

А как у меня настрой? Надо подумать. Диму бы я с удовольствием напрягла, пусть думает, что я обиделась. Если обидится до конца, то и бог с ним, а если испугается, то любовь будет крепче. А любви осталось считанные дни. Значит Дима меня не смущает. Что ему наврать, я придумаю, а мо-

жет он так обрадуется моему возвращению, что и спрашивать не будет. Больше, чем Дима, меня смущает бражка. Если сегодня не попробуем, потеряем день. Но можно позвонить Насте и дать ценные указания. Только надо найти откуда позвонить. Можно из конторы. Все равно все разошлись. И мне выходит на автобус торопится не надо. Или я все-таки не правильно поступаю?

Почему не правильно? Я этим двум товарищам никто. И никто не сказал, что они так не делают. Дима то точно страдать не будет. Витя? Может пострадает немного. Добрых женщин в нашей стране много. А мне Витя нужнее, чем Дима.

– Что задумалась то? Дома кто-то ждёт? Ты мне изменяешь что ли?

– Конечно изменяю. Ты же меня замуж не зовёшь, вот и ищу другого претендента.

– Не нашла ещё? Тогда может ко мне все таки рванем?

– Мероприятие у меня сегодня намечалось, позвонить надо. Подождёшь пару минут?

– А подслушивать можно? Или ты любовнику звонить будешь?

– Тебя заводит любовник с другой стороны трубки? Так может вас познакомить?

Я набрала Настю. Пришлось ждать. Откуда она так долго шла? Но все-таки пришла. Я ей коротко и ясно рассказала, что ей нужно делать. Настя была понятливая и мотиви-

рованная на деньги. Поэтому с самогонкой мы все порешали быстро. Если бы рядом не стоял Витюша, я бы сказала ей пару слов про Диму. Но возможности такой у меня не было, поэтому не стала я ничего говорить. Настя умная, сама разберётся. Ну а если и произойдет сбой программы, ничего страшного. Это же не мое горе. Я положила трубку и повернулась к Вите.

— Ну и что дальше? К тебе же едем? Или я что-то неправильно поняла?

— Ну если ты закончила со своими делами, то ко мне. В магазин будем заезжать или напрямую?

— Если тебе надо что-то в магазине, то едь в магазин. А я вроде не знаю, что можно в этом самом магазине купить

— Выходи за проходную, я к остановке подъеду. Не уходи никуда, я быстро.

Витёк встал на остановке быстрее, чем я вышла. Вот как соскучился человек. А я, пожалуй, соскучилась по покою. Ведь у Димы то одно, то другое. А в Витиной деревне, как зайдешь к Вите во двор, так уже и пропал для всех. Ни мам, ни соседей, не вида из окна. Правильно сделала, что приняла приглашение. Расслаблюсь, полежу в тишине, смолой подышу, с Витькой пообнимаюсь. Можно сравнить их, кто лучше. Я же ещё не забыла Димины руки?

Машина заехала в Витькин проулок и встала прямо у калитки. Я даже дверь открыть не успела, как Витёк принял мой бараний вес в свои сильные руки. Да, давненько мы с

ним не общались, соскучился, заметно. На землю поставил осторожненько, и свои планы на ближайший час в ухо рассказывает. Меня вдохновляет. А я вроде и так вдохновлённая. Я же Витькины таланты знаю, и тоже его давно не видела. Поэтому и поехала. И мне разнообразие, и Диме психоз. Ему полезно, пусть понервничает. Мне дали ключи он дома, и пропустили в калитку. Хочет, чтобы я постель расстелила, пока он машину паркует?

Но Витёк догнал меня в тот момент, когда я открыла двери. Затолкал меня в сени и чисто по человечески, без всяких блужданий руками, обнял. Как же хорошо осознавать, что по тебе просто соскучились. Просто по теплу, просто по дружескому общению, просто по запаху. Я уткнулась Витьке в грудь и вдыхала родной запах. Запах болгарских сигарет, которые лежали в нагрудном кармане, запах бензина, и запах тела, к которому я привыкла, но забыла в связи со сложившимися обстоятельствами. И в тот момент реально осознавала, что выбор на вечер я сделала правильный. Потому что, уткнувшись ему в грудь, я понимала, что соскучилась, и с удовольствием лягу с ним под одеяло.

А Витёк, как ни странно, притащив меня к себе домой, не потащил сразу в койку, как он всегда обычно делал, а пошел накрывать стол. Вообще, Витька, не смотря на свои тридцать с небольшим плюсом, был необыкновенно уютным и домашним мужчиной. Не смотря на свою большую машину, и всякие разные нагрузки, а он иногда проводил за рулём по две-

надцать часов, ему не составляло труда самостоятельно содержать в чистоте дом, и все, что было в этом доме. Не помню ни одного раза, чтобы я пришла к нему в гости и у него был бардак, или грязь. А дом то был частный, да ещё и стоял на болоте. Но Витёк как-то всё успевал, и хватало его на домашние работы.

А в тот вечер к моему великому удивлению, мы сидели за столом, ужинали и разговаривали. И мне прямо хотелось спросить водителя о том, зачем он меня привез к себе, поговорить что ли? Хотя я была глубоко уверена, что свой мужской долг передо мной он выполнит.

– Гал, я что-то не понял последнюю неделю, ты что от меня бегаешь, что ли?

– Фантазёр ты Витя. Расскажи хоть как это выглядит?

– Как ни зайду в контору, нет тебя, как будто специально.

– Надо было просто сесть и подождать, и не было бы глупых вопросов.

– Да я вроде пробовал, не дождался ни разу

– А в цехе под трубой меня тоже не было, что ли?

– Не люблю я ходить в ваш цех без надобности. У всех сразу вопросительный взгляд, как будто я шкуры воровать пришел.

– Ну а в следующий раз ты все-таки зайди, чтобы всякие сказки не придумывать

– Зайду, зайду, ты мне лучше скажи, завтра в гости ко мне поедем?

– Витя, ты ещё сегодня ничего не начал делать, а уже про завтра говоришь. Что-то мне кажется тебе просто поговорить не с кем, вот ты и привез меня, да?

– Смешная ты. Можно подумать мы с тобой только в кровати кувыркаемся. Я вообще как-то давно тебя не видел, просто сижу и смотрю на тебя. Потому что нравишься. Так что про завтра то?

– Не, Вить, завтра я домой. Если самогонка выдаст нормальный градус, желательно за ночь перевыполнить план. Потому что деньги сразу отдадут. А может ещё добавки попросят

– А если не будет нормального градуса, то что? Приедешь ко мне?

– Что я кататься то буду, туда-сюда? Сам подумай

Я бы прокатилась, честное слово, как-то поняла я, что пора мне полежать с Витьком. Но там же был Дима. И Дима в связи с моими сегодняшними выкрутасами на взводе, значит завтра будет на стрёме. И если я уж решила устроить в своей жизни беспредел, то надо делать его как-то с удовольствием и без нервов. Сегодня Витя, завтра Дима, и так до конца недели. Следующей, понятно. А завтра ещё надо Диму уговорить сходить на Каю и проверить обстановку. Потому что это точно последняя неделя свободы, надо начинать устраивать семейную жизнь. Которая будет скучная, да ещё и безрадостная. Поэтому, сегодня Витёк, а завтра Дима, прямо вот, назло врагу!

– Ну а про послезавтра что скажешь? Сможем?

– Послезавтра же суббота. Ты хочешь, чтобы я испортила тебе выходной?

– А ты весь выходной не порти. Испорти вечер и ночь, а? За такси я заплачу.

– Я подумаю Витя? Ага?

– А что думать то? На работу не вставать, можно оргию устроить

– А сегодня что, оргии не будет? А я-то рассчитывала, когда соглашалась!

– Не переживай, будет тебе сейчас оргия. Со стола уберу и посуду помою, иди ложись и жди. Печку маленько подтопить? Для уюта?

– Как хочешь. Хотя ты ее обычно не для уюта топишь

– А для чего?

– Сам же сказал, для оргии

– Можно без оргии, под одеялом. Как тебе удобнее?

– Вить, ты же знаешь, что я люблю? Зачем вопросы задаешь?

Интересное дело, чужие мужики знали, что я люблю, и старались сделать то, на что я рассчитывала. А тот, с кем я сострогала детей, вообще никогда не интересовался моими постельными пристрастиями. Да и я в постели для него была резиновой куклой. Попользовал раз в полгода и забыл. Кто-то там где-то про брезгливость говорил. Что мол это он после других мужиков не хотел со мной. А что же тогда не брезго-

вал жрать из моих рук? Я же и руками этими не знамо за что у чужих мужиков держалась.

Ночь у нас растянулась, то ли от того, что мы давно не виделись, то ли от того, что мы и в кровати продолжали трепаться, в общем заснуть мы не торопились, не смотря на то, что работу то никто не отменял. Но мы же были молодые, и верили в свои силы, поэтому не боялись того, что мы не выспимся, да и спать то мы, нам казалось, не особенно хотели. А мне в тот момент было ещё интересно сравнить двух классных мужиков. Потому что я ещё не забыла, что делал Дима со мной прошлой ночью, а уже рядом лег Витя. Воспоминания и ощущения ещё настолько яркие, что можно пошагово отслеживать, кто что и как делает. Ну и первое, что было понятно, что все-таки то, что это разные мужики. Смешно, да?

Но у них, как это не странно, была одинаковая логистика процесса. С самого начала они оба ориентировались на партнёршу. Они прислушивались к тому, как партнёрша реагирует, и, если не было отклика, они меняли метод влияния. И оба они в начале процесса пользовались простой устной речью. Наверное потому, что были уверены в том, что слова на женщину действуют сильнее, чем губы и руки. Может, конечно, постельная речь была примитивна и заучена, но произносили они эти слова эмоционально, поэтому ответка с моей стороны однозначно была, это вполне было понятно по моим движениям, я очень активно реагировала на слова этих мужчин.

Но мужики, они тоже простые люди, а в какой-то степени и наивные. Поэтому ждали от меня не только движений объятий и поцелуев, но и ответ. То есть слов, простых русских слов. А словами я должна была описать все их достоинства в постели, все исключительные формы тела, вплоть до родинки на причинном месте. Они тоже хотели знать, что меня кроме них так никто не обнимал, ни целовал, не любил. Так как они сами рассказывали мне обо мне очень вдохновенно, я тоже не стеснялась, мне не жалко. Ведь в постели они были крутыми партнёрами, ночи с ними всегда были интересными и длинными. Правда по жизни они были не очень, но я об этом в тот момент старалась не думать. Нас же объединяла примитивная любовь к основному инстинкту. Поэтому мы и оказались в одной кровати.

А ещё меня конечно радовало то, что у меня был маленький секрет. Вчера я эти слова шептала Диме, потому что Дима то прямо требовал: "Ты что молчишь то? Я что-то неправильно делаю? Тогда поправь меня". Вот таким образом он выпрашивал себе комплименты, и прямо таял на глазах, когда я ему рассказывала какой он замечательный любовник, какие у него золотые все органы, которыми он пользуется, он под аккомпанемент этих слов творил чудеса. Витя же наоборот доводил меня до слов действиями, при чём каждый раз находил, чем меня удивить. А когда я начинала восторгаться процессом, выходил на финишную прямую, считая, что сегодня он сделал для меня все, что мог, а завтра он еще

что-нибудь выдумает.

Наверное, меня должна была мучить совесть? Но я с ней как-то договорилась. Ведь я прекрасно понимала, что на днях все это закончится, и какой будет перерыв никто не знал. Это было оправдание для того, чтобы не считать себя виноватой перед Витей. Ведь он, даже при всем СВОЁМ желании в койке был достаточно примитивен. Там все было по-простому, без ориентации на мои вздохи, стоны и движения. Не знаю почему так бывает. Хотя в моей жизни ещё были товарищи, такие же примитивные как Витя. Они почему-то были уверены в том, что женщине для счастья надо только давление сверху и трехминутный контакт. Чем это было обусловлено? Мышлением? Воспитанием? Отношением к женщине?

Не знаю. А в тот момент я об этом и не думала. Мне было замечательно в крепких руках Витюши, который к тому же соскучился по мне, и старался сделать так, чтобы меня в этой постели скручивало, как спиральку, а потом раскручивало и выбрасывало на орбиту. А на этой орбите у меня пропадали все границы и ломались все рамки. Мозг стремился застрять в этом состоянии, поэтому тело реагировало на все. Иногда мне казалось, что просто объятия настолько разгоняют мою кровь, что эта кровь от скорости начинает сверкать, как провод при коротком замыкании. А так как кровь то была моя, и бежала по моим сосудам, вместе с кровью сверкали и мои ощущения. Ночь была волшебной.

Заснули мы после трех часов, а проснулись ближе к выходу на работу.

– Галь, давай отпросимся. Я сейчас сгоняю и напишу заявление на денёк без содержания?

– Где смысл то в этом? Вечером Я не могу, значит все равно придется прерывать этот процесс и выходить из любовных отношений

– Выходит, я соскучился так по тебе. Или ты сегодня просто решила быть нежней и ласковей

– Типа раньше я была грубой и недоступной? И запрещала тебе все твои, не очень непонятные мне выкрутасы?

– А сегодня тебе вроде нравились эти выкрутасы? Ну правда, ты сегодня была прямо какая-то родная и доступная. Я прямо провалился в тебя. И что теперь делать? Весь день смотреть на тебя и облизываться до завтрашнего вечера? Я умру

– Когда почувствуешь, что смерть близка, дай знать, может что-нибудь придумаем

– Ты это серьезно? Хотя что можно придумать в кожно-солке? Ты мне дашь на втором этаже на куче соли? Романтика, да? Особенно, если представить, что мне на к.....ц соль попала

– Отстань, Витя, совсем крыша съехала у тебя от воздержания. Пошли, а то опоздаем. Сам знаешь, какие у этого последствия. Коллектив осудит, да ещё что-нибудь придумает.

Дорога до проходной заняла не больше десяти минут, и

я затерялась в толпе таких же, соскучившихся по работе. А Витёк поехал через ворота для транспорта

В тот день я на работе, как-то полностью была поглощена работой. Ночь прошла очень результативно, поэтому про Витьку я вообще не вспоминала. Он свою работу сделал хорошо, у меня не было никаких претензий к нему. Но и в тот день повторить визит к Витюшке, у меня не было ни малейшего желания. Ну вот так он меня как-то успокоил за ночь. Хотя меня до него успокаивал Дима, поэтому дум в сторону мужских объятий у меня вообще не было. Зато были переживания о том, а созрела ли бражка, и фантазии о том, что наврать Диме, чтобы прямо зашло сразу. Он же обещал сходить на Каю, пусть уже сходит. И честное слово, я поблужаю до Витькиного визита в Иркутск, и перерыв. Все свои силы брошу на восстановление семьи.

Хотя какая там семья? Кто в лес, кто по дрова! Одному нужен тазик пельменей, другой нужен неутомимый в постели мужик. Если бы я могла в то время трезво смотреть на ситуацию, я бы поняла, что все мои усилия пойдут прахом, сильно разная у нас ментальность, и нет такой площадки, где мы можем заключить договор. Сколько этот цирк будет тянуться зависит только от меня. Пока я согласна работать на мужика, эта конструкция будет держаться. При чем в те времена мне было совершенно все равно, какой ценой я буду удерживать эту деструктивную конструкцию, она мне была нужна и все. Именем революции я готова была работать на

Витю, который отец моих детей.

Ну а в тот то момент я только на это настраивалась, потому что сильно надеялась, что в ближайшую неделю никто не испортит мой затянувшийся кайф. В общем, голова моя работала над построением ближайшей реальности, руки писали привычные циферки, в перерывах между тем и другим я трепалась со Светой, и была очень удивлена, когда в цех вошёл Витя. Он что, серьезно решил, что я буду думать над тем, где одарить его лаской в нашем цехе? Совсем ума нет, что ли? Но по Витиному лицу больше читалось разочарование, чем предвкушение. Чего мужик неожиданно расстроился? Ведь с утра вроде все хорошо было. Что сломалось то?

– Слушай, как-то маленько сломались наши планы. Меня в какую-то Тьму таракань отсылают. Вернусь только завтра.

– Ну отсылают, значит едь. Приедешь, пойдем к тебе жить

– Нет, Галюня, я хотел, чтобы ты завтра пришла ко мне жить, и прожить с тобой вместе выходной

– А если ты не приедешь? Я что там одна делать буду?

– Я приеду, Галя, только может попозже. Давай чего-нибудь придумаем

– Ты это про что? Про какие придумки говоришь?

– Я тебе ключ оставляю, а ты придёшь часам к пяти вечера, нормально? И подождёшь?

– Мне не нравится ждать вообще. Тем более в вашем улусе. Ни фонарей, ни дорог, не хочу я там ночевать одна

– Галь, ну я точно приеду, зуб даю. Ты же меня знаешь?

– На фиг мне твой зуб? Не нравится мне такая перспектива

– Предложи свой вариант, мы его тоже рассмотрим

– Во сколько самое позднее ты приедешь?

– Самое позднее, в десять.

– Вот, слушай. Я приеду в десять. Если тебя не будет, сразу уеду. Всем хорошо.

– Плохо будет только мне, если я, приеду в пять

– А ты сильно не торопись, и все пойдет по плану

– Пошли на платформу покурим

– Ты точно меня курить зовёшь? Или придумал что-то?

– Ну поцелую пару раз до того, как ты сигарету в рот засунешь, что ещё я могу придумать?

Я предупредила Светку, и пошла с Витьком без задней мысли. Действительно я тогда ещё многого не понимала в мужчинах и их желаниях. Место спрятаться на платформе было и мы пошли сначала целоваться. А почему нет? Мужчина он видный, целуется хорошо, тем более расстаёмся до завтра. Конечно, поцелуев было не один, и не два, а как это сказать? Целый каскад. И очнулась я тогда, когда почувствовала Витькины руки там, где их не должно было быть. А ещё я почувствовала, что я этого гаденыша хочу и прямо сейчас! Вот ведь редиска! Покурить он меня позвал! Бежать надо! А как бежать, если я разомлела в его руках, и открыла доступ туда, куда он хотел.

– Ты чего творишь то? Думаешь, что довел меня до ручки

и все? Ничего подобного. Я пошла, а у тебя есть один вариант избавиться от напряжения.

– Ух ты шустрая какая! А кто же тебя отпустит?

И он продолжил свое гнусное дело. И что самое интересное, мне то это нравилось. Не хотела я никуда идти. В этот закуток однозначно никто не придет, но и полный контакт в этом месте невозможен. Пусть надсажается. Мне то хорошо, и для меня минуты через три все закончится. Ему помогать я не собираюсь, знал на что шёл.

Но Витечка был опытный любовник, он просто довел меня до пика и прекратил свою любовную игру. Я открыла глаза в ожидании.

– Пошли в машину, она здесь, за бордюром

– Ты с ума сошел? Какая машина, я на работе!

– Галь, ну чо ты? Ты же готова? Поэтому и не пошла никуда. И даже подумала, что я дурачок, да? Пошли

Машина действительно стояла в двух шагах, и я оказалась там быстрее, чем Витька. А через пять минут мы уже стояли на платформе и курили, и я рассказывала Витьке о том, какой он Гондурас. Витька все это внимательно выслушал, наклонился к моему уху и сказал: "Прости меня конечно за подлянку, но именно поэтому я к тебе и прицепился. Умешь ты оценить ситуацию, а самое главное то, что ты не останавливаешься. Где я ещё такую найду?". Что это было, похвала, или наоборот? Но я поняла главное, такой, как я больше нет.

В общем Витюша оставил меня в таком состоянии, что потребности смотреть в стороны мужчин у меня не было. Я про себя переживала только об одном, чтобы у Димки не заклинило, и он не передумал сбегать на Каю. Мало ли чего он напридумывал, пока меня не было. Имел право, я же все-таки не службу в церкви стояла, а лежала, бессовестная с другим мужиком, и самое главное, что угрызений совести я не испытывала. Это, наверное, плохо? Но я же в то время не только отцу своих детей мстила, а всем мужикам мира. Потому что сильно они меня разочаровали своей, как это сказать, мелочностью что ли? Ведь, по сути, я про мужиков поняла тогда только одно. Я со своей травмой в жены не гожусь. И любой задрипанный мужик мог укорить меня этим недостатком.

Наверное, поэтому я за свое некрасивое поведение переживала не больше пяти раз за всю мою жизнь. Это я про половую жизнь конечно. И в тот день меня волновало только одно, реакция Димы на мое отсутствие, и на мое враньё. Потому что я не сильно фантазировала, и решила просто сказать ему, что меня оставили на вечер грузить вагон. Но погрузка затянулась, и я осталась ночевать в раздевалке. Но, кроме этого, мне надо было придумать, а как неназойливо испариться с его территории завтра, в десять часов вечера. Витьку я тоже обижать не хотела, очень нужный товарищ. О грядущей неделе я думать вообще не хотела. Надо хотя бы ближайшие дни прожить.

Но в первую очередь я, конечно, побежала не к Диме, а к Насте. Деньги, они важнее любых мужиков. Бражка соответствовала мировым стандартам, поэтому, конечно, я побежала заправлять самогонный аппарат. Бражку от Насти носила ведрами. Вот время то было! Никто ещё ничего не боялся! Подумаешь, аромат бражки распространился по подъезду! Никто и внимания не обратит! Вот и я, надеясь на толерантность соседей, утащила от Насти вниз три ведра бражки, потому что фляга, конечно, была неподъемная. А я заправила оба самогонных аппарата, и отправилась к Насте. Потому что к Димке идти побаивалась. Ну стыдно зато мне все равно было. Не совсем же я отмороженная.

А с Настей мы по старому обычаю накатили по кружечке бражки. Как ни крути, а спиртное хорошо действует, и на совесть, и на страх, и жизнь мгновенно становится замечательной. Я придумывала в тот момент, как устроить так, чтобы мать моя просто следила за самогоном, без физического напряжения. Ну а Настя мне рассказывала, как вчера ближе к ночи ее посетил Дмитрий, и старался выяснить, где я. В то, что Настя меня не видела, он не поверил, поэтому просидев у нее минут сорок, чтобы удостовериться в том, что меня нет, удалился. Что ему ответить на его вопросы, она не знала, поэтому отвечала, как дурочка. То есть играла в несознанку. Дима был не в себе, поэтому, наверное, не очень ей поверил.

Опять же мама моя мне про Диму ничего не сказала, значит к нам он не заходил. Надо, наверное, прямо сейчас схо-

дить к нему, и успокоить, жалко же мальчика. Бессовестная Галя, обижает мужчин. Но мужчины то тоже не очень Галю берегут, так что все квиты. Пока я раздумывала как дальше жить и что делать, раздался звонок. Настя одними губами прошептала: "Это твой Димочка явился", и пошла открывать дверь. И действительно, это был Дима. Без приветственных слов он прошел на кухню, обнял меня сзади и прошептал: "Вставай, пошли ко мне.". Чудесно конечно, что встреча началась не с вопросов, но идти куда-то я в тот момент была не готова, шел процесс самогонварения.

Тем более это была первая фаза процесса. Надо было ещё подготовиться к второй. И я по-простому объяснила Диме ситуацию. И мне казалось, что Диме все мои проблемы были по фигу, потому что что-то сильно он распереживался по поводу моего отсутствия. Но глазами он все-таки отыскал флягу, рассмотрел ее и встал, чтобы попробовать ее на вес. Поднять он ее мог. Не над головой, конечно, а для того, чтобы перенести. Поэтому тихо сказал мне: "Пошли, пока, Настя". Подхватил флягу и двинул к порогу. Молодец. Я повернулась к Насте, подмигнула ей, и сказала, что завтра зайду. А ты приготовь сахар и дрожжи. Настя кивнула. А я пошла открывать Диме дверь.

Дима поставил флягу на кухне и вышел. А я объясняла маме, что она должна сегодня сделать. Мама была очень понятливая, потому что я с ней всегда расплачивалась за ее старания. Ну а я пошла успокаивать Диму. Хотя, увидев меня,

он самопроизвольно успокоился. Личико стало не грустным, а хотя бы нейтральным. А когда я вышла от мамы, он прямо расцвел, но все-таки задал наводящий вопрос: "Что, теперь ко мне уже? Или ещё какие дела есть". А я погладила его по щеке и интимным голосом сказала: "Пошли"

– Иди первая. Там целая компания ваших бабок сидит. В подъезде меня подожди. Или у квартиры

Я вышла из подъезда и размышляла о том, почему Дима от бабок скрывается. За меня переживает или за себя?

Дима догнал меня в подъезде, именно в тот момент, когда я думала, как направить его боевой задор на разведку, а не на всякие глупости. Очень было удивительно то, что он на всякие глупости и не настроен. Потому что он запустил меня в квартиру, и пошел, как заботливый мужчина накрывать мне ужин. Мне в то время интересно было, я была такая дохлая или время такое было, но все мужики почему-то стремились накормить меня. Ну а я то, в то время совсем к этому равнодушная, только успевала отбиваться от усиленного питания. И в тот момент я просто попыталась донести до Димы то, что есть я не хочу, меня волнует совсем другое. А у Димы тоже оказывается были волнения, я зря расслабилась.

– Ты куда пропала то вчера? Я до полуночи тебя ждал.

– Вагон срочно под погрузку поставили, и, естественно, меня приставили к этому вагону, вот и вышла несуразица

– И что вы его до утра грузили, что ли? Интересное кино

– Грузили до часу ночи. А куда и на чём я поеду в час

ночи? Из Жилкино тем более.

– И где ты ночевала, после погрузки этого вагона?

– В цехе, мой дорогой, в женской раздевалке на лавочке.

– А грузчики где ночевали? В мужской раздевалке?

– Грузчики были местные, погрузили и ушли домой.

– А что, счётчика местного не могли найти? Нет таких?

– Найти женщину, которая останется допоздна на работе?

Таких в природе не существует!

– Ну ты же почему-то осталась. Кто-то из грузчиков понравился?

– Меня просто попросил начальник. А у меня сильно много косяков, поэтому я этому человеку отказать не могу. Он постоянно меня прикрывает. И не надо всякие страсти придумывать

– А может ты все-таки ради начальника осталась? Он же у вас не старый совсем, да?

– Дим, что с тобой? Ты ревновать что ли собрался? Остынь. Сколько дней ты со мной? С кем был до меня то? Давай угадаю. С Жанной, с Ольгой, с Ленкой, с Ларисой? Кто у нас тут ещё есть из твоих безотказных поклонниц? Надо было и вчера обратиться к их услугам, а не забивать голову ерундой, они бы без проблем тебя утешили. Так что, дорогой мой, не надо вот выяснения отношений.

– Ладно, пусть будет так. Но скажи мне, ты сегодня то никуда не удерешь?

– Дима, я уже у тебя дома! Чего придумаешь то?

– Интересно, что я придумываю? Да я вчера уже тебя со всеми представил, во всяко разном виде. И сейчас, чай тебе наливаю и думаю, а кто же тебя вчера обнимал, и как?

– Тебе нравится, что ли это? Тогда может я лучше домой пойду?

– Нет, домой я тебя не отпущу, потому что если тебя под рукой нет, я рискую вообще слететь с катушек

– Тогда вон, представь себя с Ольгуней. Я в последний раз тебя с ней видела, между гаражами. Ваше общение, было очень откровенным, и вот даже сомнений не было на тему, а зачем вы там стоите. Я шла мимо, и вы хором со мной поздоровались. Но от Ольги ты не оторвался и за мной не побегал. А Олька кто? Ты же в курсе? Жена твоего друга? Понимаешь? И вроде перед Саньком должно быть стыдно, и ко мне тяга невероятной силы, а держался ты за Ольгину грудь. Я прямо видела

– Слушай, чего собираешь то? Я же живой в конце концов, и в монахи не записывался. А Ольга ничего не имеет против. Значит Сашка ее чем-то не устраивает, да?

– Ну так и ты не собирай. У меня вообще сегодня Витёк должен на побывку приехать, а я во вред своему здоровью, сижу у тебя на кухне. И почему сижу, оба мы прекрасно знаем, да? Я не твоя жена, как-то в себя приди. И если у тебя какое-то обострённое чувство собственности, то переключи его на кого-нибудь другого

– Поверь мне, Галя, если бы я мог переключиться на ко-

го-нибудь другого, я бы переключился. Но видимо, когда ты рядом, у меня мозг отключается

– Дима, я рядом, давай подумаем о чем-нибудь другом, а? Вот выяснять отношения мне совсем не хочется. Мне с муженьком со своим надоело постоянно отношения выяснять, а тут раз, и ещё один скандалист. Зачем мне эта история?

– Все, Галя, все, я замолкаю. Больше не слова не скажу, честно. У нас же ещё в перспективе неделя есть?

– Чисто гипотетически. Надо, как ты помнишь, узнать, Витёк приехал в город, или нет. Если приехал, я прямо сейчас уйду, а если не приехал, неделя у нас есть.

– И я прямо сейчас должен сбегать на Каю? Или ты все-таки меня сначала поцелуешь, а потом я побегу? Я так-то мечтал об этой встрече целые сутки, вспомни об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.